

Sm 1129

318111000

Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 1129

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

Sm 1129

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186142037

S. 450

Henry

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ

ЧЕТЫРЕХЪ
МОНАРХОВЪ ФИЛОСОФОВЪ:
Марка Аврелія, Юліана,
Станислава и Фридерика.

Перевелъ съ иностраннаго
Панкратьевскій Діаконъ Иванъ Михайловъ.

160115.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи
у Хр. Ридгера и Хр. Клаудія.

1797

201015

8m. 1129

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавiемъ: *Духъ, или избранныя мысли четырехъ Монарховъ Философовъ*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленiю, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографiи книгахъ. — Натуральной Исторiи и Энциклопедiи Профессоръ и Ценсоръ,

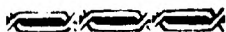
Антонъ Проколовитъ - Антонской.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

I. Введеніе или сокращенное жизнеописаніе МАРКА АВРЕЛІЯ. - -	1
О Богѣ и Промыслѣ. -	25
О должностяхъ теловѣка въ разсужденіи Бога, общества и себя самаго.	27
О должностяхъ Государей. -	39
О благотворителяхъ. -	41
О поведеніи мудраго. -	43
О благополучіи. - -	51
О благѣ и злѣ теловѣтеской жизни.	60
О страстяхъ. - -	65
О суетахъ міра. - -	68
О друзьяхъ. - -	72
О смерти. - -	73
О свойствахъ душевныхъ. -	77

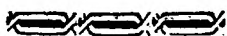

II. Введеніе или сокращенное жизнеописаніе ЮЛІАНА. 81	81
О законѣ. - - -	113
О Священствѣ. - -	114
О безсмертіи души. - -	116
О Философіи. - - -	—
О воспитаніи. - -	119
О должностяхъ Государя. -	121

IV

Оглавленіе.

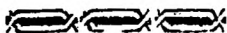
	Стран.
О великихъ людяхъ.	125
О щастіи.	—
О дружествѣ.	127
О самолюбіи.	129
О злословіи.	—

III. Введеніе или сокращенное
жизнеописаніе СТАНИ-
СЛАВА.

	133
О благотвореніи.	140
О Государяхъ.	143
О щастіи.	148
О безвѣрїи.	157
О совѣсти.	162
О добродѣтели.	164
О скромности.	167
О дружествѣ.	168
О страстяхъ.	170
О обществѣ.	175
О настоящихъ нравахъ.	179
О великихъ людяхъ.	180
О погтеніи.	181
О похвалахъ.	182
О краснорѣчїи.	183
О Философїи.	184
О Политикѣ.	185
О правосудїи и о законахъ.	187
О должностяхъ и состояніяхъ.	192

IV. Введеніе или сокращенное жизнеописаніе Ф Р И Д Е - Р И К А.	-	-	197
О Государяхъ.	-	-	204
О законахъ.	-	-	211
О вѣрѣ.	-	-	213
О Политикѣ.	-	-	215
О войнѣ.	-	-	216
О знаніяхъ и наукахъ.	-	-	219
О Исторіи.	-	-	224
О благотвореніи.	-	-	229
О добродѣтели.	-	-	231
О истинной славѣ.	-	-	234
О благополучіи.	-	-	235
О дружествѣ.	-	-	236
О щастіи.	-	-	237
О ласкательствѣ.	-	-	239

* * *

*Voici l'esprit des Rois, dont l'immor-
telle gloire
Se grave en lettres d'or au temple de
mémoire !
Lisons ! . . Ce seul parti, que le sage
doit suivre.
Végeter - c'est mourir ; beaucoup pen-
ser - c'est vivre.*

FRIDERIC.

ДУХЪ,
ИЛИ
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
МАРКА АВРЕЛІЯ.

* * *

*Человѣки дарованіями укра-
шенныя обязаны обращать
оныя къ пользѣ своихъ ближ-
нихъ.*

Кадм. и Гармон. Книг. IV.

В В Е Д Е Н І Е.

Маркъ Аврелій Антонинъ, проименованный **Философомъ**, произшелъ отъ древняго рода *Анниевъ*. Сколько скромнѣе ни былъ, самъ онъ назывался попомкомъ *Нуминымъ*, котораго благочестіе и славу почишалъ за божественныя.

Отъ рожденія будучи склоненъ ко всѣмъ наукамъ, оказалъ въ нихъ удивительныя успѣхи, наипаче въ нравственной Философіи, послѣдуя правиламъ Стоическимъ. Не смотря же на врожденныя дарованія свои, успѣхъ въ знаніяхъ онъ приписывалъ всегда даровитости и неусыпному старанію учителей. По сему никакой ученикъ не оказалъ столько благодарности своимъ учителямъ, и не сдѣлалъ имъ столько чести, какъ онъ. Онъ облагодѣлалъ ихъ не токмо въ жизни великими щедростями, но, чтобы и по смерти позднее потомство воздавало имъ должное уваженіе, приказалъ зланыя изваянія оныхъ поставити между домашнихъ своихъ боговъ.

А

Съ

Съ самаго дѣтства снискалъ онъ любовь Императора *Адріана*, которой всегда желалъ его видѣть съ собою, и на шестомъ еще году пожаловалъ его Кавалеромъ, какой чести до такихъ лѣтъ никто не заслуживалъ. По смерти *Адріановой* оставшись не болѣе осьмнадцати лѣтъ, усыновился онъ *Антонину благотестивому*, котораго дочь *Фостину* взявши за себя, получилъ имя *Цезаря*, и наследовалъ вмѣстѣ всѣ почести духовныя и гражданскія. *Антонинъ* ничего не дѣлалъ и не рѣшилъ безъ его совѣта; онъ также никогда не сожалѣлъ о надеждѣ, съ какою во всемъ на него полагался, ни же о довѣрїи, какое онъ имѣлъ къ нему предъ прочими. И въ самомъ дѣлѣ онъ того стоилъ: ибо *Маркъ Аврелій* и по и другое всегда старался употребить къ славѣ *Антониновой*, и къ тому, чтобъ ограничить вольность и умножить благополучіе народа. И чрезъ сіе шѣмъ болѣе становилось его могущество, шѣмъ болѣе оказывалъ онъ почтенія и уваженія къ достоинству *Антонина*. Благодарность сдѣлала его нѣжнымъ и искреннимъ другомъ своего благодѣтеля. Двадцать три года онъ жилъ во дворцѣ его, и, какъ увѣряющъ, они не могли бытъ другъ безъ друга.

Сіа

Сія рѣдкая приверженность, много служившая къ благородству сердца *Марка Аврелія*, сполько плѣнила *Антонина*, что онъ никогда не слушалъ рѣчей шѣхъ, копорые домогались какимъ либо образомъ вперить въ него къ *Аврелію* подозрѣніе и ненависть. И такъ единодушіе сихъ Государей было неразрывнымъ и совершеннымъ даже до смерти *Антониновой*.

А когда *Маркъ Аврелій* сдѣлался его преемникомъ во 161 году, тогда возшествіе свое на царство ознаменовалъ онъ особеннымъ знакомъ величества души и благородствомъ добродѣтелей, принявши къ себѣ *Луція Вера* во участіе самодержавія; *Вера*, копорого *Антонинъ* никакъ не желалъ усыновить себѣ съ шѣмъ, чтобы онъ послѣ его царствовалъ, и копорой не иначе соглашался быть сыномъ *Адриану*, какъ на семъ условіи. Однако *Маркъ Аврелій* сдѣлался его благодѣтелемъ; онъ опдалъ за него дочь свою *Луцилію*, принялъ къ себѣ въ сообщество, и назвалъ его Императоромъ. — Сей случай былъ первый, съ копорого *Римъ* началъ быть подъ управленіемъ двухъ Самодержавцевъ.

Когда же *Веръ* имѣлъ войну съ *Партянами* — при семъ Нѣмцы возмутившись

сдѣлали нападеніе на Италію, и ее опустошили — тогда *Маркъ Аврелій*, ко- его доселѣ благоразуміе и необходимость внутреннихъ государственныхъ дѣлъ удерживали въ Римѣ, имѣя въ себѣ не менѣе бодрости, какъ и прозорливости, отпра- вился самъ предводителемъ своей арміи, и со всею пылкостью напавъ на непріятелей, атаковалъ ихъ. Сраженіе было продолжительное и упорное. На- конецъ Нѣмцы побѣждены и побиты бы- ли на голову. — Громка была его побѣ- да, и много послужила къ его удоволь- ствію: однако на прозбу побѣдоносна- го своего войска, о приумноженіи ему жалованья, онъ никакъ при семъ случаѣ не могъ согласиться; и не смотря на всѣ ихъ усилія, онъ такъ своимъ вои- намъ отвѣщивовалъ: *заллатить вамъ деньги за сей щастливой услѣхъ, было бы являть себя безжалостнымъ въ пролитіи крови тѣхъ отцовъ и родственниковъ, за которыхъ богамъ отгетъ отдать я дол- женъ.* Сей удивительный отвѣтъ былъ непринужденнымъ слѣдствіемъ правды его нравственности, которою онъ зани- мался при всякомъ обстоятельстве. — Кромѣ сего, въ какой бы онъ ни былъ опасности, ни страхъ, ни снисхожденіе не

не ослабляли его мужества, и никогда не могли принудить его хотя мало къ пресупленію границъ строгой справедливости. Словомъ, онъ всегда дѣятельность своей жизни соображалъ съ правилами чистой своей нравственности.

Постояненъ и скромненъ, важенъ и благопріятенъ, милосивъ и правосуденъ, въ разсужденіи другихъ снисходителенъ, а въ разсужденіи себя строгъ, къ ложной славѣ непристрастенъ; въ намѣреніяхъ, которыя всегда производилъ въ дѣйство по основательномъ разсужденіи, но никогда по пристрастію, или своенравію, твердъ и основателенъ; благочестивъ безъ лицемерія, во всемъ умѣренъ и равнодушенъ, знающій управлять своимъ сердцемъ и покоряться Промыслу и разуму, не любящій донощиковъ, и всегда предостерегающій себя отъ самолюбія, неспособенъ къ хитрости, вѣренъ на словахъ и на дѣлѣ, не могущій послѣдовать первымъ движеніямъ гнѣва, тѣсную имѣющимъ связь съ несправедливостію и смущеніемъ; скоръ къ прощенію пресупленій лично его огорчающихъ, но неумолимъ, когда крайность, или общественная польза вынуждали его наказывать виновныхъ; всегда

пекущійся о благополучіи своего народа, и тѣмъ единственнo утѣшающійся, дабы дѣлать добро чelовѣкамъ, быть другомъ спраждущихъ и опцемъ бѣдныхъ — таковъ былъ *Маркъ Аврелій* посредѣ всѣхъ возмущеній и опасностей воинскихъ, и при ошдохновеніи въ нѣдрахъ самага мира.

А какъ *Веръ* по окончаніи дѣйствій своихъ противъ *Парвянъ*, возвратившись умеръ отъ параличнаго удара; тогда *Маркъ Аврелій* одинъ уже принялъ на себя правленіе Имперіи и воинскихъ дѣлъ. Будучи же щасливымъ Полководцемъ и мудрымъ Философомъ, онъ многократно торжествовалъ надъ Кадами, Маркоманами, Сарматами, Вандалами; — и сіи варварскіе народы наконецъ пріобыкли его столько же бояться, сколько почитали и любили его Римляне.

Въ сіе время, т. е. въ началѣ своего единоцарствованія, онъ болѣе всего старался ушвердить благополучіе республики на законахъ мудрыхъ и на благоразсудительной полипикѣ, которыя сами собою, такъ сказать, безъ всякаго принужденія правительсва, каждому обществу члену въ особеннoсти доставляли

ляли желаемое щастіе и спокойствіе. — Правосудіе при немъ воспріяло новый видъ: началось производиться въ скорости, но безъ малѣйшаго злоупотребленія, исполнено было снисхожденія, но безъ нарушенія точной справедливости. Правительство учреждено было изъ судей безпристрастныхъ. Сироты въ немъ находили для себя *предстателя* многопекущагося о ихъ нуждахъ. Мало-лѣтныя, безъ всякаго призрачія оспающіеся, имѣли при немъ у себя опекуновъ; полезныя дарованія были имъ ободряемы; заслуги получали достойную награду, а добродѣтель почести и уваженіе. Всякой разумной и честной гражданинъ никогда не лишался добраго мнѣнія и особенныхъ милостей своего Императора. Сей Государь на самомъ дѣлѣ оправдалъ предъ своими подданными истинну сихъ Пластоновыхъ словъ: *щастливо то общество, въ которомъ или Философы царствуютъ, или Цари философствуютъ*. Впрочемъ сколько онъ ни былъ по сложенію своему слабъ и нѣженъ, ничто не могло препятствовать ревности его въ разсужденіи общественнаго блага. Онъ помышлялъ объ немъ день и ночь, говоря:

таковы - то сунь обязательства , какія на меня налагаютъ званіе Законодателя и званіе Императора!

Могъ бы онъ иногда въ чемъ и проступиться , ешьли бы хошя нѣсколько времени удѣлялъ на суешные и безплодные поступки : однако тѣ самые часы , которые онъ опредѣлялъ для своего отдохновенія бывая на играхъ и зрѣлищахъ , не были имъ проводимы праздно ; ибо и въ сіе время онъ иногда что - нибудь читалъ или писалъ. Въ самыхъ путешествіяхъ , въ воинскихъ обстоятельствахъ , при дѣлахъ самыхъ шрудныхъ , онъ старался не потерять даже и тѣхъ минутъ , которыя прочимъ назначены были для отдохновенія. Такое время онъ безъ усалости употреблялъ на размышленіе съ самимъ собою , на изпробованіе ошъ себя опчета во всѣхъ своихъ поведеніяхъ , мысляхъ и намѣреніяхъ. — Сему удивительному распоряженію особенныхъ дней жизни его мы одолжаемся безсмертнымъ произведеніемъ его Философіи.

Онъ любопышно и совершенно хотѣлъ знать все , что объ немъ говорили , не для того , дабы тѣхъ , которые объ немъ говорили вольно , наказывать , а
узнать ,

узнать, что хвалили и что оуждали въ его поведеніяхъ — сіе же общее сужденіе употребить въ чемъ-либо къ своему исправленію, или къ большому побужденію дѣлать добро. — Когда объ немъ говорили худо, и говорили напрасно, обвиняли въ какой-либо погрѣшности или порокъ, копорыхъ онъ совѣмъ не былъ причастенъ; но онъ всегда къ обвинителямъ своимъ посылалъ письма, или говорилъ что нибудь самолично, не съ тѣмъ, чшобъ предъ ними оправдаться, но болѣе для того, чшобы клеветниковъ вывести изъ заблужденія и сдѣлать поумнѣе.

Будучи увѣренъ, что неизблемость общественныхъ состояній и крѣпость ихъ зависяшъ наипаче отъ совѣтовъ съ мудрыми людьми, ничего онъ не предпринималъ важнаго ни въ воинскихъ, ни въ политическихъ дѣлахъ безъ сношенія не только съ близкими и особенными своими совѣшниками, но даже съ тѣми, копорые заслужили у всѣхъ о себѣ доброе имя, и копорыхъ онъ чемъ либо отличилъ предъ прочими при своемъ Дворѣ, въ городѣ, или въ Сенапѣ. И когда онъ въ чемъ отъ другихъ шребовавалъ совѣта, тогда не токмо не показы-

валъ ни малѣйшаго вида гордости, но находилъ еще для себя въ помѣ удовольствіе, и за особенную то почиталъ пользу для общества, дабы соглашаться во многомъ съ мнѣніями прочихъ. *Ибо несравненно правильнѣе, говорилъ онъ, чтобы я слѣдовалъ мнѣніямъ толикаго числа великихъ особъ, которые всѣ мнѣ друзья, нежели чтобы тоlikое число великихъ особъ слѣдовало моимъ совѣтамъ.*

Вѣрный исполнитель словъ своихъ былъ сей Государь; посему онъ порожественно поносилъ ложныя умствованія полиптиковъ, утверждающихъ, что мудрый и искусный Государь не долженъ иногда сохранять даннаго слова, а особливо когда оно клонится къ его вреду и невыгодѣ, и что онъ можетъ употреблять его иногда какъ приманку къ уловленію въ сѣти шѣхъ, копорымъ онъ слово свое ввѣряетъ. — Сіи вредныя положенія чтобы всевозможнымъ образомъ опровергнуть, *Маркъ Аврелій* издалъ законъ, достойнѣйшій всякаго вниманія всѣхъ Государей: *опасайтесь когда нибудь то λογитать за выгодное, что принуждаетъ нарушать вѣрность.*

Онъ никогда не желалъ себѣ шѣхъ пышныхъ и гордыхъ пишловъ, какія при-

присвоили прочимъ Государямъ; ниже могъ терпѣть, чѣобы къ его чести сооружали храмы и воздвигали жерпвенники. *Ибо отъ единыя добродѣтели, говаривалъ сей разумный Государь, зависитъ постановленіе Императоровъ на равной стелени съ богами, а не отъ шума и ласкашельства народнаго. Государю, царствующему правосудно, вся земля есть вмѣсто храма, а всѣ тесные люди представляютъ предъ нимъ лице Священниковъ и Министровъ.*

Дабы возродить въ сердцѣ подданныхъ благородное чувствованіе и взаимное доброжелательство, онъ приказалъ соорудить храмъ богинѣ покровительствующей благодѣаніямъ, или самой Добродѣтели, которой прежде Римляне не воздавали никакой почести. — Безъ сомнѣнія никому сполько не приличествуетъ успановленіе сего новаго служенія, какъ *Марку Аврелію*, шакому Государю, которой совершенно зналъ всѣ обряды и обычаи своего народа, и которой самъ непреспанно опправлялъ оныя съ великимъ удовольствіемъ.

Споль добрый Государь, совершенный отецъ и другъ своего народа, могъ ли ожидать, чѣобы кто нибудь покусил-

ся

ся бытъ предъ нимъ изъ числа его на-
мѣстниковъ неблагодарнымъ возмутише-
лемъ, а наипаче шомъ, котораго онъ
опличалъ отъ прочихъ особенными зна-
ками своихъ милоспей и уваженія?
При всемъ шомъ вѣроломный *Кассій* оп-
важился открьшь себя мяшежникомъ,
объявивши себя Императоромъ, и симъ
поступкомъ большее придалъ онъ сянїе
мужественному духу *Марка Аврелїя*,
которой по правиламъ умспвенной
Философїи дошолъ не вѣрилъ сей измѣ-
нѣ, доколѣ не получилъ полныхъ доказа-
тельствъ къ неоспоримому о ней увѣре-
нїю. Во время сего возмущенїя онъ
былъ въ Паннонїи, занимался усмиренї-
емъ Сарматовъ и Маркомановъ, не вос-
хотѣвшихъ ему повиновашься, и по сво-
ему благоразумїю одержалъ надъ ними
пторжество. Нужда, воспрепятствовашъ
успѣхамъ *Кассіевымъ*, которой прекло-
нилъ на свою спорону Египетъ, Сици-
лїю и Сирїю, была напослѣдокъ для него
необходимою. Онъ собралъ свои войска;
сказалъ имъ убѣдительную рѣчь, и самъ
назначилъ себя предводителемъ противъ
мяшежниковъ. — Однако въ самомъ еще
началѣ предпрїятїя извѣстили его *Фор-*
меи, что *Кассій* былъ убитъ; и сіе
извѣ-

извѣстіе привело его въ чрезвычайный ужасъ. Онъ въ рѣчи своей къ воинамъ говорилъ: „Того полько, друзья
„ мои, я опасаюсь, чшобы Кассій, не могущій перпѣшь моего присудспвія, и
„ показашься моимъ, не убилъ самого
„ себя, или кто другой, зная, что мы
„ идемъ низложимъ его, не послужилъ
„ намъ сею постыдною жерпвою. Я не
„ прогаюсь самую громкою славою, ка-
„ кой я могу ожидать отъ своей побѣ-
„ ды. — Чшожь меня ласкаетъ? Про-
„ спить врагу моему; показать себя дру-
„ гомъ шакому человѣку, кошорой осквер-
„ нилъ всѣ священныя права дружества;
„ словомъ, жить вѣрно съ вѣроломцемъ. —
„ Сіи слова васъ, можетъ быть, удивля-
„ ютъ, и кажутся неимовѣрными; но
„ не сомнѣвайшесь въ ихъ точности.
„ Ибо добро не совсѣмъ еще на земли
„ испребилось, и намъ еще предоспавле-
„ ны нѣкоторыя черты древнія добродѣ-
„ тели. — Ежели боги благопоспѣшатъ
„ мнѣ сдѣлать щаспливый конецъ симъ
„ возмущеніямъ, то первое мое будетъ
„ удовольспвіе доказать предъ вами спра-
„ ведливостъ того, что шеперь кажется
„ невозможнымъ. И тогда великую
„ получу я себѣ корысть изъ угрожаю-
„ щаго

„ шаго мнѣ великаго зла, когда на са-
„ момъ дѣлѣ убѣжду васъ въ сей немалой-
„ важной истинѣ, что междуособные
„ бунты можно прекращать безвредно. „

Маркъ Аврелій предъ всѣми откры-
валъ свое соболѣзнованіе, какое въ немъ
произвела неожиданная смерть Кассіе-
ва; ибо онъ такъ объ ней писалъ къ
Императору Фоспину: „ Я читалъ не-
„ однократно письмо Формеевъ, кошо-
„ рымъ вы мнѣ совѣщаете наказатъ
„ соумышленниковъ Кассіевыхъ; но что
„ касается до меня, я рѣшился простить
„ его дѣшей, жену и весь родъ его; хо-
„ чу написатъ къ Сенату, чтобы осуж-
„ деніе ихъ было не столь строга и
„ наказаніе не столь жестоко; поелику
„ Римскаго Императора ничто болѣе не
„ можетъ прославить, какъ милосердіе.
„ Оно Цесаря и Августа включило въ число
„ боговъ, и чрезъ него только отецъ мой
„ заслужилъ имя *благотестиваго*. — На-
„ конецъ, естли бы сіе междуособіе могло
„ прекратиться по моему желанію, то
„ ниже самый Кассій былъ бы убитъ. „

И въ самомъ дѣлѣ *Маркъ Аврелій*
писалъ къ Сенату, и просилъ его не
преслѣдоватъ по всей строгости зако-
новъ фамилію и соучастниковъ Кассіе-
выхъ.

выхъ. „ Я васъ прошу, писалъ онъ къ
„ нимъ, уменьшите обыкновенную вашу
„ спротопись, и недѣлайте обиды моему сни-
„ сходенію, ниже насилія моему мило-
„ сердію, или, лучше скажите, вашимъ
„ собственнымъ. . . . кого либо осуждая
„ на смерть. Я васъ прошу, чтобы ни
„ одинъ Сенаторъ не былъ наказанъ, со-
„ сланные въ ссылку были бы возвраще-
„ ны, а исключенные изъ числа гражданъ
„ наслаждались бы своимъ имуще-
„ ствомъ. — О Боже! когда бы я могъ
„ воскресить умершихъ! Ибо я ни-
„ какъ не могу перенѣть, чтобы Госу-
„ дарь опмщевалъ обиды лично до него
„ касающіяся, потому что мщеніе всегда
„ мнѣ кажется великимъ преступленіемъ,
„ сколько бы оно впрочемъ правильно ни
„ было. — И такъ просните вы дѣтей
„ Кассіевыхъ, его жену и весь родъ его.
„ Но что я говорю, просните? — Они
„ ничего не сдѣлали, они ни въ чемъ не
„ виновны. Пусть они живутъ въ
„ спокойствіи; пусть чувствуютъ, что
„ они живутъ подъ управленіемъ *Марка*
„ *Аврелія*; пусть имъ возвращены бу-
„ дутъ всѣ ихъ сокровища; пусть они
„ владѣютъ серебромъ, золотомъ и всемъ
„ имѣніемъ; пусть они будутъ богаты
„ без-

„ безбоязненно, и живущъ свободно; ку-
„ да они ни пойдутъ, пусть носятъ
„ на себѣ, и да изъясляютъ всѣмъ зна-
„ ки моего и вашего снисхожденія. „

По семъ *Маркъ Аврелій* отправился во Египетъ и въ Сирию, чшобъ прекра-
пить возмущеніе, и привести въ поряд-
къ какъ политическія, такъ и воин-
скія на воспокъ обстоятельство. Онъ
не читая сжегъ всѣ письма, какія бы-
ли найдены въ кабинетѣ Кассіевома,
и пѣмъ, которые сему поступку удив-
лялись, сказалъ на послѣдокъ, *что онъ*
противъ сердечнаго своего расположенія
ненавидѣть другихъ не можетъ. — Онъ
простилъ всѣ города, которые послѣдо-
вали сторонѣ возмущителя.

А когда возстановилъ онъ безо-
пасность на воспокъ, отправился изъ
Рима въ Аѳины, гдѣ по своему жела-
нію благоучредилъ великіе обряды, от-
правляемые въ честь Царей. — Сіи об-
ряды составляли торжественнѣйшіе и
самые священныя изъ праздниковъ языче-
скихъ. Чшобы къ нимъ быть пріобщену,
необходимо надлежало вести жизнь не-
винную, и не дѣлать ни малѣйшаго
порока, заслуживающаго обличеніе. —
Во

Во время пріуготовленія къ сему служенію было обыкновеніе, предъ лицемъ жреца общенародно изслѣдывашь состояніе желающихъ исполнять обрядъ сей.

16015.
Онъ былъ принятъ въ Римъ, въ которомъ не былъ онъ почти восемь лѣтъ, со всѣми извѣщеніями почтительной радости, живой, искренней радости. А чтобы дать всѣмъ чувствовать, сколь сіе для него было пріятно, дарилъ многихъ золотыми деньгами. — Послѣ сего онъ отправился на нѣсколько времени въ Лаванію, гдѣ занимался Философіею безъ всякаго возмущенія, Философіею, которую называлъ своею *матерью*. — Между прочимъ какъ ему было извѣстно, что народъ побѣдоносный и свободный не можетъ живя въ покоѣ пребыть безъ зрѣлищъ, и сіе не противно благоразумію, чтобы онъ въ праздности занимался невинными играми: посему для обезпеченія его отъ лишнихъ заботъ и для воспрепятствованія, чтобы онъ не вымышлялъ какихъ либо новостей пагубныхъ для республики, самъ учредилъ зрѣлища и великолѣпныя игры.

Скифы и жители Сѣвера когда приняли противъ его оружіе, онъ самъ

Б

распо-

расположился съ ними сражаться, и, какъ бы предчувствуя, побѣдитъ ихъ. — Римляне же, видя его изнемогающимъ, и опасаясь, чтобы здравіе его, которое со дня на день казалось для нихъ драгоценнѣе, совсѣмъ не прекратилось отъ тяжкихъ сей новой войны трудовъ, всѣми силами спарались воспрепятствовать его намѣренію: но не могли въ шомъ успѣть, собрались всѣ въ его дворецъ, и просили съ великимъ усиленіемъ, не предпринимать начашаго дѣла прежде, доколѣ не издастъ новыхъ правилъ, касающихся до управленія ихъ состояній, предполагая, что естли боги лишатъ ихъ навсегда щастія его видѣть, то съ сею помощію могли бы они итти по пути добродѣтели, копорую любятъ училъ онъ ихъ собственнымъ примѣромъ. — *Маркъ Антоній*, будучи пронупъ сею прозьбою и добрымъ расположеніемъ къ себѣ Римлянъ, провелъ цѣлые три дни въ извясненіи имъ великихъ трудностей нравственности, и далъ имъ основательнѣйшія правила для управленія всѣхъ до жностей жизни общественной. По семъ отправился онъ съ *Коммодомъ*, своимъ сыномъ, котораго назначилъ уже бытъ наслѣдникомъ Имперіи.

Пред-

Предпріятіе его было щасливо. Онъ при семъ случаѣ, какъ и въ прежде бывшихъ, оказалъ великіе примѣры мужества и благоразумія. Онъ когда самъ намѣревался объявить прешію войну симъ упорнымъ варварамъ, тогда занемогъ опчаянною болѣзнію при Виеннѣ въ Оспронѣ, а другіе говорятъ, близъ Сирміи въ Паннонѣ; но гдѣ бы то ни было, сія болѣзнь въ короткое время прекратила жизнь его. Въ сей крайности, кошорая обыкновенно служилъ разслабленіемъ крѣпости великихъ людей, сей мудрый Императоръ доказалъ, что истинны, кошорымъ онъ научалъ другихъ собственнымъ примѣромъ, споль глубоко впечатлѣны были въ его сердцѣ, что ничто не могло ихъ не сполько со-всѣмъ уничтожить, но даже ослабить.

При семъ когда съ одной спороны *ловиновеніе* законамъ Промысла содѣлывало для него смерть пріятною, тогда съ другой спороны *любовь*, какую онъ питалъ въ себѣ къ народу, исполняла душу его горестію. И чемъ ближе чувствовалъ онъ смертныи часъ, тѣмъ болѣе смущался о благополучіи народномъ. Онъ опасался, что сынъ его не во всемъ ему будетъ послѣдовать, и что онъ посреди

Б 2

шума

шума ласкателей вскорѣ его забудетъ, и оставитъ всѣ мудрыя его наставленія и примѣры добродѣтели, которые онъ преподавалъ ему.

На канунъ своей смерти онъ велѣлъ собратъ къ себѣ всѣмъ своимъ друзьямъ и главнымъ начальникамъ. По спешеніи же ихъ собравши послѣднія свои силы, говорилъ онъ къ нимъ слѣдующее :

„Соболѣзнованіе, какое вы имѣете о мнѣ
„ въ шеперешнемъ моемъ состояніи, меня не удивляетъ; ибо соспрананіе
„ человеческое есть свойство, и болѣзни,
„ видимыя нами въ другихъ, всегда оно
„ умножаютъ. И такъ я желаю, что-
„ бы слезы, ліющіяся изъ очей вашихъ,
„ произвели изъ другаго источника.
„ Чувствованія, какія я къ вамъ питаю,
„ заспаляютъ меня несомнѣнно ожи-
„ даю съ вашей стороны взаимной друж-
„ бы. Вотъ время пристойное, время,
„ въ которое могу быть увѣренъ, под-
„ линно ли я заслужилъ вашу любовь и
„ почтеніе, какія я имѣлъ всегда къ
„ вамъ самимъ. Вотъ случай, въ копо-
„ рой вы можете открыть мнѣ вашу
„ благодарность памятованіемъ моихъ къ
„ вамъ благопвореній. — Вы видите предъ
„ очами своими моего сына, котораго вы
„ сами

„ сами воспитали, и которой, вступая
„ въ юношескій возрастъ, какъ въ вол-
„ нующееся море, имѣеть нужду въ
„ благо разумнѣйшихъ кормчихъ —
„ имѣеть нужду, дабы восхищенный
„ своими спраспиями на подобіе сильныхъ
„ въспровъ, не погрузился въ пучину
„ пороковъ. И такъ вмѣсто отца,
„ котораго онъ скоро лишится, не отка-
„ жись, чтобы онъ въ васъ рачитель-
„ ныхъ нашелъ родителей. — Прими-
„ те попеченіе о его юности; не откажи-
„ тесь подавать ему совѣты, въ копо-
„ рыхъ онъ великую имѣеть нуж-
„ ду. Внушите ему, что всѣ богат-
„ ства міра не могутъ удовлетворить
„ прихотямъ тирановъ, ниже многіе
„ стражи, недреманно спрежущіе пре-
„ столъ его, сильны, когда онъ будетъ
„ пороченъ, защитить его отъ нена-
„ висти народной. Заспавьте его вник-
„ нуть, что шъ только царства обшир-
„ ны и спокойны, которыхъ Государи
„ вмѣсто порожденія злобы посредствомъ
„ жестокостей своихъ и насилій вли-
„ вають снисхожденіемъ и кротостію одну
„ любовь въ сердца своихъ подданныхъ.
„ Вперяйте ему непрестанно, что достой-
„ ные и лучшіе служители для Государя
„ суть

„ сущь не шѣ, копорые служатъ изъ
„ спраха и принужденія, а копорые
„ повинуются изъ доброй воли, во всѣхъ
„ обстоятельстввахъ доказываютъ вѣр-
„ ность, и ни мало не могутъ быть
„ подозрѣваемы ни въ ласкашельствѣ, ни
„ въ лицемеріи. Не забудьте показать
„ ему, сколь шрудно, но при всемъ помѣ
„ необходимо нужно, чтобы независимая
„ власць разумѣла умѣрять свои желанія
„ и прихотямъ опредѣлять границы.
„ Ежели вы его наставите въ сихъ истин-
„ нахъ; ежели вы ему непрестанно буде-
„ те напоминать, что ему знать долж-
„ но: то вы къ удовольствію своему уви-
„ дите въ немъ *добраго* Императора
„ какъ для себя самихъ, такъ и для
„ всей Имперіи. Чрезъ сіе, когда я
„ буду уже и во гробѣ, много вы утѣ-
„ шите мое сердце; чрезъ сіе изъ всѣхъ
„ услугъ лучшій вы для меня воздвигне-
„ те памятникъ; чрезъ сіе вы меня,
„ его и себя самихъ непоспѣдно просла-
„ вите. „

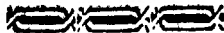
Лишь только произнесъ онъ сіи слова,
сильное изнеможеніе опныло языкъ его.
Онъ упалъ на постелю, и наупро скон-
чался на 52 году жизни, а на 22 цар-
ствованія своего, оставивъ по себѣ вели-
кую

кую печаль современникамъ и вѣчное воспоминаніе о добродѣтеляхъ своихъ попомшву. — Когда объявленіе о смерти его было обнародовано, тогда всеобщее возродилось о немъ сожалѣніе въ арміи и во всей Италіи. Никогда не было пролипто столько слезъ, и никогда Римъ не чувствовалъ горшеи печали, какъ по кончинѣ сего Государя: ибо казалось всѣмъ, что вся слава и щастіе сего Государства прекрапились съ жизнію *Марка Антонія*. Одни изъ сѣшующихъ называли его своимъ опцемъ, другіе брапомъ; сіи неусыпнымъ начальникомъ, а шѣ добрымъ Императоромъ; всѣ же единогласно Государемъ умнымъ и примѣрнымъ во всѣхъ добродѣтеляхъ. А всего удивительнѣе то, что между безчисленнымъ множествомъ гражданъ, приписующихъ ему различныя похвалы и почести, не было ни одного, копорой бы не признавался въ самомъ сердцѣ, что онъ говоритъ истинну.

Сенатъ и граждане почитали его болѣе, нежели сколько прилично почиташъ — *теловѣка*. И когда малымъ еще казалось для нихъ и то, что они до совершенія погребательной церемоніи въ честь его поставили злашую щашую

въ чертогахъ Юліановыхъ, въ которыхъ послѣ не рѣдко весь собирався Сенатъ и воздавалъ ему безсмертное уваженіе; они объявили пѣхъ бышь святошацами, которые смотря по имуществу своему не имѣли въ домѣ своемъ портрета или статуи *Марка Аврелія*.

Сей Государь, шoliko разумный, благодѣтельный и щастливый въ жизни своей, высочайшій и лучшій изъ всѣхъ Императоровъ, какіе были въ Римѣ, по смерти своей къ несчастію оставилъ Имперію порочнѣйшему изъ всѣхъ людей, сыну своему *Коммоду*. Однако шо еще много послужило къ щастію для сего добродѣтельнаго Государя, что онъ умеръ прежде, нежели узналъ пороки сына своего. Споль чудное прошивоположеніе между *Маркомъ Авреліемъ* и *Коммодомъ* понудило сказать одного пѣхъ временъ *Благодѣтельнаго Философа* слѣдующія слова: „ Всякой отецъ, будучи честнымъ „ человекомъ, долженъ пренешать, ког- „ да видишь дѣтей Брутовыхъ оставших- „ ся подъ игомъ тирана, а царство *Мар-* „ *ка Аврелія* при сынѣ его превратившее- „ ся въ позорище злобѣйствъ и лю- „ шостей. „

ДУХЪ,
или
ИЗВРАННЫЯ МЫСЛИ
МАРКА АВРЕЛІЯ
о Богѣ и Промыслѣ.

Ежели есть Богъ, то мы не должны сожалѣть объ оставленіи міра; поелику Богъ не учинитъ намъ ни малѣйшаго зла. А ежели нѣтъ Бога, или Онъ не пріобщается къ дѣламъ человѣческимъ, то какъ намъ жить въ свѣтѣ безъ Промысла и безъ Бога? — Не возможно! — По сему *есть Богъ*, который объ насъ имѣетъ попеченіе. — Есть Богъ; ибо Онъ каждому изъ насъ сообщилъ силу, воспящую упасъ въ очевидную погибель, или въ непредвидимое несчастіе.

Когда безбожникъ тебя спроситъ: „гдѣ ты видѣлъ Бога? и по чему ты воздаешь ему столь великое почтеніе?“, — тогда ты долженъ ему

опвѣстствовать, что Богъ вездѣ видимъ, объясняя сію истинну слѣдующимъ подобіемъ: пусть изъ насъ никто не видитъ души своей: однако нѣшъ человека, которой бы не признавалъ въ себѣ быть оной и не уважалъ ее. То же надлежитъ сказать и о Богѣ. — Чудныя дѣйствія силы Его, копорыя мы ежедневно чувствуемъ, доказываютъ, что есть Богъ, и заставляють насъ Его почитать.

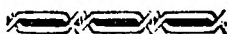
Ежели мы тщательнo изслѣдуемъ всѣ дѣла, то увидимъ, что все въ свѣтѣ случается правильно. *Правильно* — подъ симъ словомъ я не разумю того, что все печетъ въ свѣтѣ по дѣйствію извѣстныхъ физическихъ причинъ, но по законамъ истинной справедливости. По сему все зависитъ отъ высочайшаго Существа; Оно одно каждому воздаетъ должное.

Все видимое въ мѣрѣ открываетъ въ себѣ живые знаки Божія Промысла; ибо по самое, что приписують случаю и щастію, исполняется по законамъ природы, по связи и сдѣленію многихъ и дальнѣйшихъ причинъ, управляемыхъ Промысломъ. Отъ Него всѣ вещи получаютъ бытіе свое, движимость и храненіе.

Чрезъ

Чрезъ все печеніе вѣковъ безсмерт-
ный Богъ не раздражается безконечнымъ
числомъ согрѣшающихъ, а напротивъ
печется всѣми образами о исправленіи
ихъ: но когда сами грѣшимъ мы, будучи
смертны; тогда для чего не умѣемъ сно-
сить другихъ недостатки?

Кто отвергаетъ повиненіе все-
общей, нравственной причинѣ, т. е. Про-
мыслу: тотъ бѣдный невольникъ; а кто
оной не видитъ, тотъ слѣпъ.

*О должностяхъ человека въ разсужденіи
Бога, общества и себя самого.*

Мы имѣемъ три обязательства: первое связуетъ насъ съ причиною насъ окружающею, съ *нашимъ тѣломъ*; второе съ причиною Божественною, отъ которой все происпекаетъ случающееся въ мірѣ, съ причиною всеобщею, съ *Богомъ*; третье наконецъ связуетъ насъ со всѣми людьми, съ *обществомъ*.

Въ ожиданіи, что щасливая мину-
та кончины своею приближается, что
ты долженъ дѣлать? Бога почитать
и благодарить, а человекамъ дѣлать
добро. — Для сего нужно, чтобъ ты
всегда

всегда имѣлъ въ готовности правила, руководствующія къ познанію вещей Божескихъ и человѣческихъ. Для сего нужно не опускать ни малѣйшаго дѣла, клонящагося ко благу, которымъ связуясь въ общежитіи одни семейства съ другими. Для сего нужно знать, что никогда не можешь ты хорошо исполнить ни одного дѣла совершенно человѣческаго, ежели не разумѣешь отношеній, какія оно имѣетъ съ дѣлами Божиими; ниже дѣла Божія, ежели не знаешь, какую оно имѣетъ связь съ дѣлами человѣческими.

Нѣтъ бѣднѣе человѣка, хотящаго все узнать, все постигнуть, — человѣка, которой, не довольствуясь испытаніемъ пропащей земныхъ, силится по своимъ догадкамъ проникнуть въ самый духъ всѣхъ человѣковъ; силится совсѣмъ забывши, что для него очень довольно вѣдать часть Божества, находящуюся внутри его самого, и воздавать должную почесть своему Создателю.

Честь, которой пребуетъ отъ насъ Богъ и безсмертная наша душа, состоитъ въ томъ, чтобъ мы жили свободно, успѣвая въ добрыхъ дѣлахъ, не порабощая себя никакой страсти, предохраняясь отъ на-

наглоспи злыхъ, и не раздражаясь пѣмъ, что дѣлаеть Богъ и подобные намъ человекѣки. Ибо что дѣлаеть Богъ, то заслуживаетъ наше *погтеніе* по важности премудрости, могущества и прочихъ совершенствъ Его; а что дѣлають человекѣки, то заслуживаетъ нашу *любовь* по причинѣ родства, какое мы имѣемъ со всѣми.

Уважай и изощрай свое воображеніе; ибо отъ него зависить и вредъ и польза. Берегись, чшобъ оно въ разумъ швоемъ не породило мыслей прошивныхъ природъ швоей и недостойныхъ безсмертнаго духа. Требуемое отъ себя и природою и разумомъ состоить въ томъ, чшобы ты хранилъ во всемъ съ самимъ собою согласіе, подобныхъ любилъ, Богу повиновался. И такъ, опвергнувъ все прочія заботы, сими только шремя должностями занимайся.

Непринужденно; чшосердечно избирай все, что для тебя кажется лучшимъ; къ изящному только всѣми силами прилѣпляйся. А чшобъ въ семъ выборѣ не ошибиться, должно знать, что лучшее есть то, что полезно. Полезное же отъ вреднаго можно различить такъ: что для тебя полезно какъ для разумнаго

наго живошнаго, того ты долженъ при-
держиваться; а что для тебя выгодно,
какъ для живошнаго просто, сѣ ты
долженъ отвергать. Чтобы безошибочно
знать всегда такое различіе, надлежитъ
имѣть о всемъ разсужденіе вольное,
несѣсенное никакимъ предразсудкомъ.

Никогда не должно быть въ поступ-
кахъ своихъ низкимъ, въ обращеніи съ
свѣшомъ безпокойнымъ, въ мысляхъ
вѣтренымъ, въ намѣреніяхъ нерѣшимымъ,
въ разсужденіяхъ упорнымъ и опрометчи-
вымъ, ниже наконецъ своею должностію
и своими дѣлами чрезвычайно заня-
тымъ.

Ты заслуживаешь всѣ постигающія
тебя нещастія; поелику ты *завтра* хо-
чешь сдѣлаться честнымъ человѣкомъ,
а не желаешь быть такимъ *нынѣ*.

Берегись когда-либо за полезное
почитать то, что тебя принуждаетъ
нарушить вѣрность, поперять спыдъ,
кого нибудь ненавидѣть или обезче-
спить, быть лицемернымъ и алчнымъ,
искать наконецъ крѣпкихъ оплошвъ, или
по крайней мѣрѣ непроницаемой завѣсы
для прикрытія своихъ пороковъ.

Нашъ

Нашъ разумъ имѣетъ четыре къ поврежденію склонности, отъ копорыхъ непрерыванно надлежитъ ему предохраняться. Когда они показываються, тогда должно оныя испреблять, говоря въ разсужденіи первой: сіе воображеніе не было нужно; въ разсужденіи второй: сіе клонится къ разоренію общества; въ разсужденіи третъей: сіе не согласно съ моими чувствованіями; въ разсужденіи чешвертой: чрезъ сіе я подвергаю божественнѣйшую часть себя самого части презрѣннѣйшей, части смершной, шѣлу и всѣмъ скопскимъ его пожеланіямъ, ш. е. душу и ея непорочность.

Сколь презрительны шѣ низкіе люди, копорые сами собою хвалящяся, почитають себя великими полишиками, во всемъ поступающими по правиламъ высокой Философїи, но въ самой вещи изъ себя представляють младенцевъ!... Каждому болѣе всего должно заниматьшя шѣмъ, чего шребуетъ отъ насъ природа.

Должно старатьшя, чшобы никто не могъ объ насъ сказать, что мы дурныхъ свойствъ, или изпорченные люди. И ештли кшо такъ объ насъ думаешъ, мы должны засшавляшя мыслишя о себѣ

со-

совсѣмъ иначе. Сіе зависитъ отъ нашей воли; ибо что кому препящствуетъ быть человекомъ добрымъ? Ежели кто изъ насъ не таковъ, лучше ему желать, чтобы Промыслъ прекратилъ жизнь его; ибо самый разумъ не одобряетъ долгожитія людей злыхъ и порочныхъ. По сему кто желаетъ всегда быть человекомъ добрымъ, тотъ долженъ непрестанно разсуждать о благоустроеніяхъ природы, видимыхъ во вселенной, а наипаче о должностяхъ, которыми человекъ обязанъ исполнять какъ должности по законамъ естественнымъ до него въ особенности касающіяся.

Лучшій образъ мщенія, не уподобляться тому, кто наноситъ обиду. Каковы будутъ твои мысли, которыми ты всегда занимаешься, таковъ будетъ и духъ твой; ибо душа наша великое получаетъ впечатлѣніе отъ мыслей. И такъ должно стараться всегда писать и наговаривать ее добрыми разсужденіями.

Люди рождаются одни для другихъ: по сему должно ихъ наставлять или шerpить. Исправляй, или выводи изъ заблужденія погрѣшающихъ, ежели ты сдѣлаешь что въ состояніи будешь; а ежели нѣтъ, то

по помни, что ты для нихъ одаренъ крѣпостію и человѣколюбіемъ. Самъ Богъ всегда оказываетъ имъ знаки милости своей, и во многихъ случаяхъ подаетъ имъ для исправленія помощь. Онъ имъ посылаетъ здравіе, богатство и славу. Се, koliko они участвуютъ въ Его благости! . . . и ты долженъ подражать Ему.

Никто не откажется отъ полученія добра; ибо желать добра есть дѣйствіе врожденное въ насъ природою: да никто не долженъ и отъ исполненія онаго отказываться; ибо дѣлать другимъ добро, значить самому получать оное.

Свойственно человѣку любить тѣхъ, которые его обижаютъ. И всякой сіе легко исполнишь, ежели памятуешь, что обижающіе суть его сродники; что они проступились по невозможности, или по невѣденію, и что всѣ мы внезапно умремъ; а болѣе всего, что они обижая никакъ не могутъ сдѣлать душу обижаемаго худшею, нежели какова она была прежде.

Благосклонность непреборима, когда она чистосердечна, непришворна, безъ прикрасы. Ибо что можешь тебѣ сдѣлать человѣкъ самый наглый и ядовитый

В

шый

шый въ обществѣ, ежели ты къ нему снисходителенъ и благосклоненъ, ежели ты ему съ опкровеннымъ сердцемъ говоришь: „нѣтъ, любезный! не дѣлай „сего; мы рождены для лучшей цѣли. „Желая мнѣ причинить вредъ, ты не „меня, а самого себя шѣмъ болѣе оби- „дишь. „ — Не льспи ближнему, и не сердись на него; сіи два порока равномѣрно разрушаютъ спокойствіе общества, и другъ друга не менѣе вредны.

Ежели кто насъ въ дѣлахъ правильныхъ и честныхъ поноситъ, или явно обижаетъ, мы не должны съ нимъ имѣть вражду и ссору какъ съ человекомъ изъ зависти открывшимъ знаки своя злобы, а обязаны единственно его беречься, и то не какъ врага, но какъ человека, вредишь удобнаго, и удаляться отъ него, не питая ненависти. Такъ должно намъ поступать во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, не вникаешь спро- го въ то, что намъ причиняютъ ближніе; а принимаешь отъ нихъ добро и худо, какъ отъ ближайшихъ участниковъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ.

Кто не относитъ дѣйствій своихъ къ одной цѣли, тотъ не можетъ быть посюаннымъ человекомъ. — Какая же у
всѣхъ

всѣхъ должна быть сія цѣль? — Всѣ люди различное имѣютъ понятіе о истинномъ благѣ: однако всѣ по называющъ благомъ, что служитъ ко всеобщей пользѣ; по сему во всякомъ дѣлѣ должно имѣть въ виду то, въ чемъ всѣ согласны, и что клонится ко благу общественному. Кто всѣ движенія свои будетъ устремлять къ сей цѣли, тотъ въ своихъ поступкахъ будетъ твердъ и основателенъ.

Всякое упрю, лишь только вспанешь, такъ разсуждай самъ съ собою: „Я встаю на исполненіе дѣлъ человѣческихъ; по сему не долженъ я негодовать приступая къ дѣламъ, для которыхъ родился. Или для того я единственно произведенъ, чтобы распротершись на постель, нѣжить себя въ покоѣ? „ И такъ ты родился съ тѣмъ, чтобы наслаждаться однимъ удовольствіемъ бездѣйствія, а не съ тѣмъ, чтобы трудиться? Посмотри на произрастенія, на птицъ, на пчелъ, пауковъ и муравьевъ; они трудятся безъ усталости о украшеніи и приведеніи въ лучшій видъ своего состоянія: а ты не хочешь стараться о усовершенствованіи своей жизни? Ты не спишишь

къ дѣламъ, для которыхъ опредѣлила тебя природа? — Или ты говоришь, что тебѣ спокойствіе нужно? Нѣтъ сомнѣнія. — Но природа успокоенію положила границы, такъ какъ употребленію пишія и пищи. И ты сіи границы пресупаешь? Ты объ удовольствіи покая печешься безмѣрно, а о удовольствіи трудолюбія не помышляешь ни мало? — Сіе опъ того происходитъ, что ты самъ себя не любишь; ибо естли бы ты любилъ себя самага, ты любилъ бы и собственную природу, а любя ее, повиновался бы ея законамъ: но ты ея законамъ не повинуешься, слѣдовательно себя не любишь. — Всѣ художники, любящіе ремесло свое, сохнутъ и изнемогаютъ отъ трудовъ своихъ; они, занимаясь своимъ дѣломъ, часто забываютъ пишіе и пищу; попъ, раждающійся отъ трудолюбія, почти никогда не сходитъ съ лица ихъ: а ты — ты меньше ли долженъ повиноваться законодательницѣ природѣ, нежели сколько ей повинуется ткачъ, занимаясь своею работою, — балетчикъ, упражняющійся съ утра до вечера въ танцахъ, — скупой, изчисляющій непрестанно свои деньги, — гордый занимающійся тщеславіемъ? — Всѣ сіи люди однажды

воз-

возчувствовавши спрасъ къ дѣламъ своимъ, ни о чемъ сполько не помышляющъ и не заботясь, какъ объ нихъ, забывая сонъ и отдыхновеніе; но дѣла, служащія ко всеобщему благу, кажутся тебѣ отвращительными и недостойными вниманія? **Неизвинительное упущеніе!**

Мы родимся помогаемъ другъ другу, — какъ ноги, руки, рѣсницы и зубы сошворены для служенія всему шѣлу. — По сему вредимъ другъ другу, питаемъ къ другимъ ненависть, или имѣемъ отъ нихъ отвращеніе, противно человѣческой природѣ.

Ничто не дѣлаетъ душу нашу сполько великою, какъ порядочное и справедливое испытаніе всего, что можеть повстрѣчаться съ нами въ жизни, — тщательное разсмотрѣніе, къ какой части людей принадлежимъ мы, на что можемъ себя употребить, какъ мы думаемъ о вселенной, и въ особенности о чловѣкѣ, которой есть *гражданинъ* того *небеснаго града*, предъ коимъ всѣ прочіе грады суть низки и какъ бы гостинницы. — При семъ что поражаетъ мое воображеніе? Изъ чего я составленъ? сколько продолжительно будетъ время бытія моего? какую я себѣ долженъ предполо-

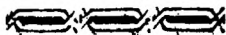
В 3.

жишь

жить для исполненія добродѣтель, кротость; мужество, истинну, вѣрность, чистосердечіе, воздержаніе, или мудрость? При всякомъ обстоятельствѣ я долженъ говорить: „ Это происходитъ отъ Бога; „ это есть слѣдствіе причинъ благорасположенныхъ Его Промысломъ; это дѣло челоука произшедшаго со мною изъ „ единаго источника; челоука, которой „ имѣетъ такую же разумъ, такую же „ волю, какъ и я; которой иногда знаетъ, „ а иногда знаетъ не хочетъ, что свойственно и прилично природѣ. Слѣдуя „ естественнымъ законамъ общежитія, я „ всегда и со всѣми поступать долженъ „ мирно и челоуколюбиво; а дѣламъ челоука „ явчскимъ, даже и маловажнымъ, опшдавать истинную цѣну обязанъ. „

Молитва у Аѳинянъ была такая: Юпитеръ! мы тебя просимъ, не преспавай посылать дожди на поля и луга Аѳинейскія. — По сему или не должно просить Бога обо всемъ, или должно просить Его со всякимъ чистосердечіемъ и непринужденностію.

Что вредно цѣлому рою; что и одной пчелѣ полезно быть не можетъ.

О должностяхъ Государей.

Маркъ Аврелій! тебѣ надобно поминить всегда сѣи два правила. *Первое*, чтобы все по дѣлашь для пользы челоуковъ, чего ошъ тебя пребуешь состояніе Законодателя и Государя. *Второе*, надлежитъ всегда принимаешь по сѣохотую, что опытные люди будущъ предлагаешь тебѣ лучшее, шѣмъ паче, когда все по основывается на правосудіи и всеобщей пользѣ, а не на собственомъ удовольствіи, корысти, или частной славѣ.

Берегись, *Аврелій!* измѣнись въ мучителя. Не снимай сей кѣрпины; скопировать ее очень не шрудно. — Будь чистосердеченъ, добръ, цѣломудренъ, величественъ, но безъ гордости, правдолюбивъ, благочестивъ въ отношеніи къ Богу, кротокъ, челоуколюбивъ, основателенъ въ исполненіи дѣлъ своихъ, попечителенъ о щастіи народномъ. Управляй собою какъ ученикъ *благотѣливаго Антонина*. Памяшуй, что онъ ничего не предпринималъ безъ разсужденія, отвергалъ клевету, сѣблгодушѣемъ принималъ достигавшія до него неправедныя жалобы, и не былъ боязливъ, ни подозрителенъ, ниже скоръ ко гнѣву. — Не за-

бывай никогда, какое онъ имѣлъ презрѣніе ко щеславію, прилѣжаніе къ дѣламъ, до какой степени дружество его было чисто и непремѣнно, съ какимъ удовольствіемъ онъ слушалъ пѣхъ, которыя его мыслямъ свободно предлагали свои мнѣнія, непришворныя и справедливыя мнѣнія.

Никакъ не одобряй, чтобы Государь за свои частныя обиды наказывалъ мщеніемъ; ибо мщеніе всегда кажется великимъ, сколько бы оно праведно ни было.

Помни сіе превосходное изреченіе Антисоеново: *дѣлать добро, а слышать о себѣ худое съ терпѣніемъ, есть добродѣтель царская.*

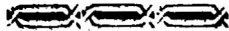
Уравненіе Государей богамъ зависитъ отъ одной добродѣтели, а не отъ шума и ласкашельства народнаго. Государю, правосудно царствующему, вся вселенная служишь вмѣсто храма, а честныя люди вмѣсто жрецовъ и священниковъ.

Все, что Государь можетъ сдѣлать къ чести и къ умноженію достоинства въ первыхъ своихъ Министровъ, что укрѣпляетъ его силу и возвышаетъ величіе, должно быть основано на правосудіи.

Не

Не зависишь отъ Государя содѣлать подданныхъ своихъ такъ щасливыми, какъ бы ему хотѣлось; но отъ него зависишь употребить ихъ къ тому, что они разумѣютъ дѣлать, — и чрезъ сѣ всѣ будутъ щасливы.

Подданные когда видятъ Государя своего щедрымъ и благотворительнымъ, тогда налоги его сносятъ съ радостію, потому что его сокровища суть источники ихъ изобилія и щасія.

О благотворителяхъ.

Когда ты сдѣлалъ добро, а другой его получилъ; тогда для чего ты ищешь еще прешьяго, т. е. славы?

Когда ты жалуешься на неблагодарнаго, или на вѣроломнаго; тогда обвиняй самого себя; ибо вѣрно въ томъ швоя была ошибка, что ты повѣрилъ тайну свою еще неизвѣданному человѣку; или, что ты считалъ для себя за удовольствіе обращаться съ нимъ вольно, не требуя отъ него никакого почтенія, и не ожидая плодовъ отъ благодареній своихъ.

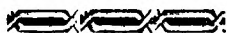
Съ другой стороны, ты сдѣлалъ человѣку добро: и сега не довольно ли

для себя? Какъ требовать награжденія за то, что ты исполнилъ послѣдуя природѣ? — Глаза наши никакой не требуютъ платы за то, что смотрятъ; ни ноги за то, что ходятъ; члены сн на такой конецъ и произведены; когда они исполняютъ дѣло свое, исполняютъ неминуемое: такъ и человекъ рождается для дѣланія добра, и когда онъ ни занимается симъ упражненіемъ, когда онъ дѣлаетъ что нибудь полезное для общества, всегда исполняетъ обязательство природы, для котораго онъ существуетъ на свѣтѣ, и дѣлаетъ то, что ему свойственно.

Есть люди, которые какъ скоро оказываютъ кому добро, тутъ же требуютъ платы — *благодарности*. Есть другіе, которые благодарность считаютъ за ничто; а по сему тѣхъ, которыхъ они чемъ-либо обязали, всегда почитаютъ своими должниками. Наконецъ есть и такіе, которые забываютъ то, что они для другихъ сдѣлали, подобно винограду, которой рождаетъ ягоды, и произведши для пользы другихъ плоды свой, ничего отъ нихъ не требуетъ. И какъ конь послѣ бѣгу своего, пестъ поелъ ловишвы, ичела по соспавленіи меда

не

не говорятъ: я бѣжала, я изловила, я составила медъ: такъ и человекъ сдѣлавши добро, не долженъ вездѣ проповѣдывать, что онъ сдѣлалъ; но наблюдая скромность, обязанъ продолжашъ исполненіе добра подобно винограду, которой при- невши плодъ, готовится въ свое время приносить и другіе.

О поведеніи мудраго.

Поставляя всю свою радость и спокойствіе въ прохожденіи отъ одного добраго дѣла къ другому, и никогда не забывая Бога.

Иди всегда прямымъ и безопаснымъ путемъ, которой тебѣ показываетъ природа; по сему нѣтъ ничего справедли- вѣе, какъ при всѣхъ обстоятельствеахъ все говоришь и дѣлаешь согласное съ природою. Такое поведеніе избавитъ тебя отъ тысячи мученій, предохранитъ отъ безчисленныхъ безпокойствъ, освободитъ отъ всѣхъ угрызений совѣсти, какія по необходимости рождаются въ насъ отъ упущенія или отъ лицемѣрія.

Душа моя! когда же ты будешь доброю и чистою безъ всякаго смѣшенія

и

и притворства? Когда ты пронцапелънѣе и удобнѣе познаешь шѣло и все тебѣ окружающее? Когда вкусишь прямо живую сладость, ощущаемую при оказаніи любви и милостей ближнимъ? Когда ты взойдешь въ себя, и обогатишься свойственными тебѣ сокровищами? Когда ты откажешься отъ шѣхъ глупыхъ сладостей и суетныхъ удовольствій, которыхъ желать тебѣ вынуждаютъ одушевленные или неодушевленные швари? Когда ты уладишься отъ времени, мѣсцъ и странъ хорошо и пріятно расположенныхъ, отъ чистаго воздуха и людей дружелюбныхъ, съ шѣмъ, чшобъ всемъ симъ болѣе насладиться? Когда ты будешь совершенно довольна своимъ состояніемъ, найдешь удовольствіе во всѣхъ предметахъ тебѣ окружающихъ, увѣришься, что ты все имѣешь сама въ себѣ; что все можетъ споспѣшествовать къ швоему благополучію; что все, чемъ ты ни обладаешь, истекаетъ отъ Бога; что все благоугадное Ему есть добро, и что все, что Онъ на тебя ни посылаетъ, зависитъ отъ Его Промысла, отъ призрѣнія Существа пресвершеннаго, преблагаго, безконечно правосуднаго, которое всѣ вещи производитъ, объемлеть,

леть, сохраняешь, и когда они разрушаются, обращаетъ ихъ въ прежнее бытiе, а на мѣсто ихъ производитъ новыя первымъ во всемъ подобныя? Наконецъ когда ты будешь столь согласно и тѣсно соединена съ Богомъ и людьми, что живя подъ управленiемъ однихъ и тѣхъ же законовъ, никогда ни на кого не возропщешь, и никогда не подашь повода къ осужденiю своего поведенiя?

Когда ты хочешь доволенъ быть самимъ собою, помышлай о добродѣтеляхъ своихъ современниковъ, о храбрости одного и о скромности другаго; ибо нѣтъ ничего усладительнѣе, какъ образъ добродѣтелей, сiяющихъ во нравахъ и въ поведенiи людей, живущихъ съ нами въ одно время.

Когда ты прiобрѣлъ имя добраго, скромнаго, справедливаго, разумнаго, снисходительнаго и великодушнаго чело-вѣка: старайся, чтобъ сiе имя всегда при тебѣ осталось. А ежели по нещастiю ты его потеряешь, старайся скорѣе возвратитъ оное. И для сего помни, что наименованiе *разумнаго* научаетъ тебя тщательнo вникать и безъ упущенiя исполнять всякое дѣло до тебѣ принадлежащее. Наименованiе *снисходи-*
тель-

тельнаго заставляешъ тебя сносить съ добрымъ сердцемъ все то, что угодно вседѣйствующей природѣ низпосылашь на тебя. Наименованіе *великодушнаго* обязываетъ тебя возносить духъ выше всѣхъ движеній плоти, презирашь славу, смерть и прочее сему подобное. И такъ спарайся ты возвыситься до точности именъ сихъ; и когда достигнешь до вышней степеніи, пребывай твердымъ и непоколебимымъ, буди ты пренесенъ въ обиталище *блаженныхъ*; болѣе же всего къ соблюденію именъ сихъ можешъ тебѣ способствоватьъ памятованіе того, что *Вышній* не хочетъ, чтобы люди предъ Нимъ лицемерили, а желаетъ, чтобы они во всемъ Ему уподоблялись, и исполняли все, что сообразно достоинству человека. — Такъ фиговое дерево пворитъ, что ему прилично; и пчела, что ей свойственно.

Человѣкъ, не оплагающій до другаго дня бытъ совершеннѣйшимъ, долженъ почитаемъ бытъ за Священника, служащаго Божеству, равномерно внутри его, какъ и во храмъ присутствующему. — Такой человекъ помнитъ всегда, что плѣсная должна бытъ связь между всѣми разумными существами, и что сіе
свой-

свойственно человеческой природѣ, чтобы подобные другъ о другѣ пеклись. Онъ не ищетъ уваженія отъ всѣхъ безъ разбора, а только отъ пѣхъ, которые живутъ согласно съ законами природы. Наконецъ онъ никакъ не располагаетъ къ любленію пѣхъ людей, которые сами себя не любятъ.

Кто не забываетъ душу свою, и воздастъ священное уваженіе добродѣтелямъ, тошъ ни о чемъ не можетъ печалиться. Такой человѣкъ не ищетъ ни уединенія, ни большихъ обществъ; онъ живетъ безъ страха и безъ пожеланій; о томъ болѣе всего беспокоится, чтобы краткимъ временемъ жизни сладко воспользоваться; онъ готовъ ее и оставить безъ роптанія, когда необходимость того пошребуетъ; наконецъ онъ о томъ болѣе всего старается, чтобы ничего не упустилъ свойственнаго человѣку и полезнаго обществу. Когда бы Парки ни пресѣкли нить жизни его, она всегда исполнена добротъ достойныхъ вѣчности, и онъ никогда не уподобится актеру, сходящему съ театра безъ окончанія своей сцены.

Суешность великолѣпій, зрѣлища, трагедіи, комедіи, народныхъ собранія — все

все сіе естъ мяшежность муравьевъ, движеніе куколъ пружинами управляемыхъ. Когда случится бытъ на такихъ зрѣлищахъ, тогда должно бытъ памъ не съ развлеченнымъ намѣреніемъ, не безчинно, — но памяшовашъ, что всякой достоинъ бываетъ похвалы или поношеңія, по мѣрѣ хорошихъ или худыхъ дѣлъ, и по тому, какъ мы ими занимаемся.

Кто меня презираетъ, тому только извѣстно, по чему онъ сіе дѣлаетъ. — Чтожъ касается до меня, то надлежитъ всѣми силами спараться, чтобы ничего не сдѣлать или не сказать такого, что заслуживаетъ его презрѣніе. Онъ меня ненавидитъ, — сіе зависитъ опъ его воли; а мнѣ должно имѣть всегда шуже любовь ко всѣмъ людямъ вообще, какъ и къ тому, кто меня ненавидитъ; я всегда готовъ показатъ ему его погрѣшность, не обличая строго, не ища случая возгордиться своимъ терпѣніемъ, а исполняя единый долгъ любви и чистосердечія. Нужно, чтобы исправленіе другихъ проистекало изъ души нашей, и чтобы знаящій сокровенная челоуковъ и проникающіи во глубину сердецъ, видѣлъ, что люди ничемъ не огорчаются и ни на что ему не жалууются.

Къ

Къ чему на другихъ въ дѣлахъ своихъ чрезмѣрно полагаешься, или не доверяешь имъ? Потребно всякому самому видѣть, что ему исполнять должно. И по сему ежели кто видитъ дѣло свое, долженъ исполнять его съ крѣпостію: а ежели не видитъ, то надлежитъ ему быть нерѣшимымъ и требовать мнѣнія отъ опыннѣйшихъ совѣтниковъ. А ежели дѣло и при очевидности сумнительно, въ такомъ обстоятельстве надобно поступать со всею предосторожностію благоразумія, слѣдуя тому, что кажется справедливымъ. Вотъ лучшая цѣль, которую мы можемъ предполагать себѣ во всякомъ дѣлѣ; а уклоняясь отъ оной, легко можно впасть въ опаснѣйшее заблужденіе.

Богъ *ничего* не можетъ сдѣлать, или *все* можетъ. — Ежели ничего не можетъ, то для чего ты Его просишь? — А ежели все можетъ, то вмѣсто того, чтобы тебѣ Его просить о событіи пріятнаго и о удаленіи горестнаго; лучше требовать тебѣ отъ Него той милости, чтобы ты ничего не боялся, ничего не желалъ, ничемъ не огорчался; ибо если бы Богъ помогаетъ человѣкамъ, то наипаче въ томъ, что Ему, а не намъ угодно. По

Г

сему

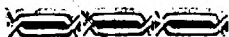
сему пусть кто хочетъ, проситъ Его о снисканіи любви владычицы своего сердца; а ты Его проси о томъ, чтобъ никогда не имѣшь тебѣ подобныхъ желаній; пусть кто хочетъ Его проситъ о разрушеніи какого либо дѣла, а ты Его проси, чтобъ никогда ни имѣшь тебѣ нужды въ разрушеніи его; пусть кто хочетъ Его проситъ, чтобъ не умеръ сынъ его, а ты проси Его, чтобъ тебѣ не огорчаться тогда, когда и у тебя сына не станешь. — Совершай такимъ образомъ прошеніе свое, и ты узришь благій плодъ отъ онаго.

Не должно принимать на подобіе младенцевъ мнѣній своихъ родителей, п. е. держаться оныхъ по той причинѣ, что наши родители ихъ придерживались и намъ оставили, а надлежитъ ихъ испытывать и слѣдовать истиннѣ.

При употребленіи мнѣній должно болѣе улаживаться борцу, нежели поединщику: ибо сей какъ скоро бываетъ лишенъ шпаги, шутъ же лишается самой жизни; а шутъ напрошивъ всегда руки свои имѣетъ готовыя къ сопровленію, и ему къ лучшему оныхъ употребленію нужна одна отважность.

Есть-

Еспьли бы кто имѣлъ въ одно время и мать и мачиху, то бы онъ всегда одну почиталъ, и былъ возлѣ другой: мачиха своя дворъ, а мать философія; держись болѣе послѣдней, и покойся въ ея объятіяхъ; она тебя сдѣлаешь сноснымъ двору, и дворъ сдѣлается тебѣ сноснымъ; ибо вездѣ съ нею можно жить, и припомъ хорошо; а при дворѣ жить можно: слѣдовательно и при немъ хорошо жить можно.

О благополучіи.

Хочешь ли жить благополучно? Сіе зависишь отъ себя: ибо ты самъ на себя долженъ жаловаться, ежели чувство къ добру въ сердцѣ швоемъ охладѣло.

Ты всегда будешь благополученъ, ежели умѣешь во всемъ поступать правильно, и ежели во всѣхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ своихъ слѣдуешь руководству разума. Вошъ два дѣйствія общія природѣ какъ Божеской, такъ и человеческой—*первое*, избравши добро въ исполненіи его не медлить, а опдалять препящствія; *второе*, истинное благополучіе полагаешь въ справедливости.

Бышь благополучнымъ, означаетъ самому себѣ доставлять щастіе, и имѣть всегда добрыя въ душѣ расположенія, добрыя движенія, и наконецъ добрыя видѣть отъ оныхъ слѣдствія.

Меня бьютъ, перзаютъ, проклинаютъ: что дѣлашь? — не уже ли это препятствуетъ душѣ моей бышь всегда чистою, разумною, справедливою? — Ежели бы кто находясь при прозрачномъ источникѣ, спалъ его бранить, тогда источникъ перемѣнилъ ли бы отъ него чистую свою воду? И хотя бы онъ въ него бросилъ нѣсколько грязи, не очистилъ ли бы и не промылъ ли бы онъ въ скорости сію нечистоту? То же долженъ дѣлашь и ты, дабы имѣть внутри себя источникъ свѣжій, а не водоемъ мутный, скопляемый отъ дождя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ чистыхъ потоковъ.

Старайся непрестанно снискать себѣ свободу, чистосердечіе, кротость и умѣренность. Сіе - то означаетъ бышь совершенно честнымъ человекомъ, и щастливо окончатъ путешествіе свое, когда мы можемъ разлучиться съ сею жизнію, не познавши лжи, лицемерства, роскоши и гордости.

Де-

Демокрипъ сказалъ : „ малымъ зани-
„ майся , ежели ты желаешь бытъ спо-
„ коенъ ; — но не лучше ли бы ему ска-
„ зать : „ исполняй все нужное , все , че-
„ го потребуешь разумъ отъ человѣка рож-
„ деннаго для общества ? „ — Въ семъ
правилѣ нравственности все заключается
вмѣстѣ , какъ спокойствіе происпекаю-
щее отъ добра , такъ и спокойствіе отъ
занятія немногими дѣлами . И подлин-
но , ежели мы отъ всѣхъ дѣлъ и рѣчей
нашихъ опдѣлили бы все ненужное , мы
бы болѣе имѣли времени для исполненія
добра , и менѣе скуки , рождающейся отъ
упущенія нужнаго за бездѣлицами . Для
сего-то въ началѣ всякаго дѣла должно
каждому себя спрашивать : сіе дѣло изъ
числа ли необходимо нужныхъ дѣлъ ? —
Не токмо дѣла , но даже и мысли без-
плодныя осматривать должно ; ибо когда
уничтожаются бесполезныя мысли , пог-
да и дѣла излишнія безъ исполненія
осматриваются .

Въ чемъ же состоить благополучіе ?
Въ дѣйствіяхъ отъ человѣка требуемыхъ
природою . — Какъ мы можемъ себя до-
вести до свободнаго исполненія дѣлъ
сихъ ? Соблюдая здравое разсужденіе ,
производящее въ насъ добрыя движенія

и добрыя желанія. — Что такое есть здравое разсужденіе? — Естественныя понятія о добрѣ и злѣ, открывающія намъ, что все не дѣлающее челоуѣка справедливымъ, воздержнымъ, мужественнымъ и свободнымъ, есть зло; а что производитъ противное, то есть добро.

Челоуѣкъ нигдѣ не можетъ обрѣсти лучшаго спокойствія, какъ въ себѣ самомъ; ни въ какомъ мѣстѣ не можетъ онъ снискашь лучшей свободы, какъ въ душѣ своей, а наипаче естли онъ имѣетъ въ себѣ всѣ тѣ драгоценныя совершенства, какія только нужно имѣть для истиннаго спокойствія. *Спокойствіемъ* я называю благоучрежденіе и благорасположеніе душевное. Предавайся чаще сему спокойствію любезному и сладкому болѣе прочихъ; обрѣтай въ немъ новое удовольствіе, новыя силы и новую крепость; старайся при наслажденіи онымъ сдѣлать себя совершеннѣйшимъ. Не покидай изъ рукъ своихъ правилъ нравственности, правилъ краткихъ и основательныхъ, которыя всегда удобны разогнать всякую печаль и скуку, удобны расположишь тебя къ тому, чтобы ты ни на что въ свѣстѣ не ропсалъ и не жало-

жаловался. Да и на что жаловаться. Злость человѣческая болѣе всего насъ раздражаетъ; но естли ты подробно размыслишь о сей истиннѣ, что люди раждаются одни для другихъ: то узнаешь, что справедливость требуетъ огорченія другъ отъ друга переносить великодушно. При семъ часто случается, что многіе погрѣшаютъ противъ своей воли; по сему какъ можно огорчаться озлобленіями ихъ учиненными безъ намѣренія? — Посмотри на древность. Многіе имѣли между собою непримиримую вражду, ненависть и злобу: всѣ умерли — и огорченія ихъ уничтожились. Не забывай сихъ правилъ, и ты ни на что въ свѣтѣ жаловаться не будешь.

Или можешъ быть ты огорчишься произшествіями, случающимися по учрежденію природы? Въ такомъ обстоятельстве вникни въ слѣдующую мысль:

„Или Промыслъ всемъ управляетъ, или случай. Естли Промыслъ, то ты ему долженъ повиноваться; а естли случай, то не ему надѣ шобою, а тебѣ надѣ нимъ поржествовашъ лично. „Или вообрази, что вселенная естъ городъ, въ которомъ не одинъ ты, а многіе милліоны людей равному

съ тобою подвержены жребію : отъ сего
безпокойство твое уменьшится , огорченіе
твое пройдетъ . Когда же тебя вещи
прямо чувственыя пронупъ , тогда ты
долженъ подумать , что наша душа ни
въ чемъ бы не участвовала съ плѣомъ ,
мучимымъ болѣзнями или прельщаемымъ
сладоуспраіемъ , естли бы она всегда
хорошо въ себя входила и знала совер-
шенно употребленіе совершенствъ сво-
ихъ . — „ Но можешь быть желаніе сла-
„ вы тебя подстрекаетъ ? „ — Представь
въ очахъ своихъ , съ какою скоростію
всѣ вещи изъ бытія превращаются въ
ничтожество , и какъ скоро ихъ забы-
ваютъ ; представь предъ очами своіи-
ми хаосъ и безконечную бездну време-
ни , которое за тобою послѣдуетъ / и
которое тебѣ предшествовало . Что
отъ прошедшаго памятно нынѣ , и что
отъ настоящаго впредь будетъ не за-
быто ? Одна суешность восклицаній ,
и пустой звукъ рукоплесканій , непо-
стоянность и невѣжество народа , помы-
шляющаго хвалишь тебя въ такомъ
низкомъ мѣстѣ , въ которомъ истин-
ная хвала никогда не обитала : ибо вся
земля есть пунктъ , и всѣ мѣста ,
которыя люди населяютъ , самую ма-
лень-

лѣйшую часть ея составляютъ. Въ сихъ же мѣстахъ сколько найдется людей, которые тебя хвалятъ будутъ? Какого роду люди сѣи? Спуютъ ли они того, чѣмъ ихъ слова писали твое любочестіе? Не лучше ли тебѣ заниматься пою частію себя самого, въ которой твое благополучіе истинно содержится? Оставь постороннія огорченія; не будь упоренъ послѣдую чувственности, показывай себя свободнымъ, любя добродѣтель; зри на всѣ дѣла свѣта и вещи какъ челоуѣкъ благоразсудительной и мужественной, какъ гражданинъ неба и житель земли. При созерцаніи сихъ истинъ не должно забывать и сихъ двухъ положеній: *первое*, что вещи сами по себѣ не трогаютъ нашу душу; ибо находясь внѣ оной, они сами въ себѣ безмятежны; а если они насъ смущаютъ, то сіе происходитъ отъ сужденія, какое мы объ нихъ имѣемъ; *второе*, что все видимое можетъ перемениться въ одну минушу, и онаго болѣе не будетъ; слѣдовательно ни къ чему не должно быть пристрастнымъ. Въ справедливости второго положенія могутъ убѣдить тебя всѣ переменны, которыя ты видѣлъ, и которыя всегда представляются очамъ

твоимъ; словомъ, всякъ видяшь, что свѣтъ есть непостоянство, а жизнь пустое мнѣніе.

Все время человѣческой жизни есть почка; матерія, изъ которой человѣкъ составленъ, есть непрестанная перемена; его *чувства* шупы и не надежны; *тѣло* — плѣніе, *щастіе* — темная ночь, *слава* — мечта; крашко сказашь, все касающееся до тѣла подобно быспропекущей рѣкѣ; а все, что опиносится до духа, подобно дыму и сну. — Жизнь наша есть непрестанное сраженіе и путешествіе къ другому оначеству. И что же можешь сдѣлать человѣка щастливымъ на столь прудномъ поприщѣ? Одна *Философія*, которая состоишь въ томъ, чтобъ душу свою сохранять въ чистотѣ и въ цѣлости, показываешь ее господствующею надъ сладострасшіемъ и огорченіями, стараться все то въ ней впечатлѣшь, что она должна имѣть при возвращеніи къ источнику, отъ котораго происекла прежде.

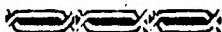
Рѣдко случается, чтобъ люди были нещастны по невѣденію скрышностей чужаго сердца: ибо разумной человѣкъ всегда остерегається потерять то, что ему *любезно*. Но не лзя не бышь намъ не-

несчастными, когда мы не знаемъ, что паищся въ нашемъ сердцѣ: ибо не знашь того, означаетъ не любишь собственное благополучіе.

Еслили кто тебя нагло обидѣлъ, то ты спреси самаго себя: можешъ ли это бышь, чтобъ въ свѣтѣ не было безспыдныхъ людей? Ежели нѣтъ, то не жадайся на необходимое, а спарайся возчувствовать въ себѣ ту добродѣтель, какую въ каждаго изъ насъ вдохнула природа для забвенія всякой обиды. Чуждайся гнѣва и памятозлобія. Кропость и снисхожденіе сильны ежели не совсѣмъ унищожить, по крайней мѣрѣ умалишь тяжесъ всякой обиды.

Когда ты желаешь каждое дѣло исполнять съ удовольствіемъ, съ важно-спію, со справедливостію и свободою: для сего нужно исполнять тебѣ его такъ, какъ бы оно было самое послѣднее въ твоей жизни; нужно исполнять его безъ всякаго насилія совѣсти и разуму, безъ самолюбія и съ совершеннымъ повиновеніемъ Промыслу Божію. Очень немногое надлежитъ исполнять для того, чтобъ вести жизнь благочесливую и благополучную; ибо Богъ ничего болѣе
въ

въ разсужденіи сего ошъ насъ не потребуемъ, какъ послѣдованія Его закону.

О благѣ и злѣ теловѣтеской жизни.

Глупо мыслишь, будшо природа, управляющая міромъ, или по невѣденію, или по слабости чинишь споль грубое упущеніе, что попускаетъ благимъ и злымъ произшеспвіямъ встрѣчаться съ добрыми и худыми людьми равномѣрно, безъ всякаго разбора. Жизнь и смерть, честь и безчестіе, скорбь и удовольствіе, бѣдность и богатство — всѣ сіи предметы равно случаются съ добрыми и худыми людьми; слѣдовательно они, будучи сами по себѣ ни похвальны ни поспыдны, не могутъ быть ни истиннымъ добромъ, ни истиннымъ зломъ для человека. Ежели бы они были истинные блага, то не должно бы хвалишь ихъ, которые признаются, что они въ оныхъ не имѣютъ нужды; ниже ихъ, которые желаютъ избавишь самихъ себя ошъ тяжести помянутыхъ благъ. Съ другой стороны не всегда ли мы видимъ, что чѣмъ больше человекъ лишается сего рода благъ, или чѣмъ великодушнѣе сноситъ то, чего онъ по необходимости

мости лишается: шѣмъ онъ бываетъ добродѣтельнѣе?

И по чему мы встрѣчающіяся съ собою произшествія чаще привыкли называть *нещастіемъ*, нежели благополучіемъ? Что не противно человеческой природѣ, то можетъ ли быть нещастіемъ для человѣка? Произшествія, на которыхъ мы жалуемся, препящивующъ ли намъ быть справедливыми, великодушными, воздержными, разумными, уклоняющимися отъ наглости, свободными и обладающими прочими добродѣтелями, въ которыхъ природа находить все ей свойственное? По сему во всѣхъ имѣющихъ съ нами случившихся обстоятельствахъ, могущихъ повергнуть насъ въ печаль и уныніе, надлежитъ памятовать сію истинну, что все встрѣчающееся съ нами по природѣ не есть нещастіе, а то первое есть щастіе, чтобъ всякое естественное зло переносить неослабно.

Ежели Богъ помышлялъ уже объ окружающихъ меня предметахъ, и о томъ, чему со мною должно случиться: то я увѣренъ, что Онъ со мною сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать *лучшаго*. Да и не льзя думать о Богѣ, чтобы Онъ предпринялъ какое либо дѣло безъ бла-

благаго намѣренія. Какую же бы Онъ имѣлъ причину сдѣлать мнѣ зло? Какая бы изъ того происпекла польза для Него, или для вселенной, о которой Онъ имѣетъ попеченіе особеннѣйшее? Ни малѣйшей. — Ежели же Богъ о томъ не помышлялъ, что до меня касается въ особенноти, то конечно Онъ предвидѣлъ, что то зависитъ отъ моей воли: и шакъ я долженъ все воспрѣчающее со мною переносить съ терпѣніемъ. Ибо все, что со мною ни случается, случается яко слѣдствіе благоучрежденій Богомъ премудро уставленныхъ. И хотя бы Богъ ни о чемъ не помышлялъ — чему спрашно и безумно вѣрить — не должны ли мы и тогда входить разсужденіемъ въ себя самихъ? Или о себѣ разсуждать намъ запрещено? — Сіе разсужденіе всякому можетъ открытъ, что ему полезно. Полезно для насъ то, что тѣсно соединено съ природою и съ нашимъ состояніемъ; а вредно, что съ ними несогласно. Вотъ въ чемъ состоитъ истинное добро и зло каждаго человѣка въ настоящей жизни! По природѣ я разуменъ, склоненъ къ общежитію: по состоянію имѣю отечество, въ которомъ живу; какъ *Антонину*, мнѣ принадлежишь

жишъ Римъ, а какъ *теловѣку*, свѣшъ. Что полезно симъ обществамъ, по естѣ и мое единственное добро.

Ты производишь нѣкоторое разстрой-ство и вредъ въ людяхъ, когда ты несогласенъ съ причиною всего естества; и ты идешь прошивъ оной, когда чувствуешь мнимое зло, и тяжестію его, какъ истиннымъ зломъ, огорчаешься. Да хотя бы и подлинная она послала на тебя непріятныя случайности, можешь ли ты ропсать на оную? можешь ли, когда причина посѣщающая тебя естѣша, которая тебя во многомъ прежде сохраняла и впредь еще сохранять можетъ? Впрочемъ истиннаго зла мы сами виновники.

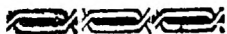
Раскаяніе естѣ поношеніе, которымъ мы сами себя удручаемъ, вознерадѣвши о чемъ либо полезномъ; и сіе раскаяніе ясно доказываетъ, что Богъ въ произведеніи совершеннаго зла не участвуетъ.

Кто не забываетъ своей пользы и говоритъ объ ней; тотъ памятуетъ и то благо, о которомъ онъ въ предохраненіе себя отъ зла пещися долженъ.

Чело-

Человѣкъ доброй и честной никогда не раскается въ томъ, что онъ не спарался о сластолюбіи и корысти: по сему никакой порокъ не можетъ быть добромъ, а составляетъ вещь злую.

Здравое око должно смотрѣть на все, что подлежитъ зрѣнію, а не говорить. Я хочу смотрѣть только на зеленое; ибо сіе свойственно только глазу больному. Слышаніе и обоняніе довольно здоровыя должны быть всегда готовы къ слышанію и обонянію всего, что можетъ быть слышимо и обоняемо. Здравой желудокъ долженъ употреблять равномерно всякую пищу: таковъ же долженъ быть и здравый разумъ; онъ долженъ быть готовъ ко всему, что съ нимъ ни встрѣчается. Тотъ, кто хочетъ, чтобъ жили его дѣти, чтобъ все по хвалили, что онъ ни дѣлаетъ, подобенъ глазу, которой хочетъ всегда смотрѣть на одно зеленое; или зубу, которой ничего не хочетъ вкушать, кромѣ мягкаго.

О страстяхъ.

Спыдно намъ, ежели полько духъ нашъ имѣетъ силу представлять лице наше такимъ, какъ ему хочешся, и ежели оно не можетъ сего учинить само собою.

Тѣ, копорые другъ друга презирають, другъ другу ласкають и хопятъ другъ друга превзойти, всегда одни другимъ порабощены бывають.

Я всегда пому удивлялся, что люди, копорые любятъ самихъ себя болѣе, нежели другихъ, состояніе избирають не сполько по своему мнѣнію, сколько по совѣшу прочихъ. И сіе всего вѣрнѣе, что мы больше спыдимся того, какъ объ насъ другіе думаютъ, нежели что сами о себѣ мыслимъ.

Посмотри на то, что дѣлають чувспенные люди; они ѣдятъ, пьютъ, спятъ и исполняютъ прочія естественныя нужды. Посмотри на тѣхъ, кои повелѣвають другими; они надушы гордостію, бывають вспылчивы, и низвергаютъ въ пропасть несчастія тѣхъ, которые имъ подвластны. Представь на послѣдокъ въ своей памяти тѣхъ, кои бывають невольниками самихъ себя, и на корысть мѣняютъ честь свою съ па-

Д

КМИ

кими людьми что послѣ случисься можешъ?

Познавай надменнаго изъ того, что онъ самъ о себѣ думаетъ, къ чему склоняетъ всѣ свои намѣренія, и отъ чего удаляется. При семъ размышляй: какъ море мечетъ иногда цѣлыя кучи песку одну на другую, и послѣднія изъ нихъ покрываютъ первыя: также печетъ и жизнь надменныхъ; первыя ихъ пріятія скоро бывають погребены послѣдними.

Душа человѣческая безчеститъ себя, когда бываетъ недовольна тѣмъ, что случается въ свѣтѣ, и когда скучаетъ непріятными произшествіями, случаемися въ ономъ. Черезъ сіе она удаляется отъ всеобщей причины, объемлющей и содержащей въ себѣ всѣ существа частныя.

Она безчеститъ себя, когда имѣетъ отъ подобныхъ себѣ отвращеніе, и питаетъ къ нимъ ненависть; въ такомъ случаѣ она идетъ пропивъ себя самой, и вредитъ себѣ. — Сіе бываетъ во гнѣвѣ, въ злобѣ и мщеніи.

Она безчеститъ себя, когда попускаетъ поржесивовать надъ собою сладострастію, или прискорбію.

Она

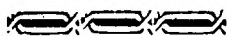
Она безчеститъ себя, когда въ чемъ мибудь припворствуетъ, или упошребляетъ хипрость въ словахъ, а обманъ на дѣлѣ.

Она безчеститъ себя, когда ни къ какому концу не относитъ дѣлъ своихъ и движеній; все производитъ безразсудно, безъ намѣренія и слѣдствій: малѣйшя даже дѣла должно относитъ къ извѣстной цѣли; цѣль же, какую разумной человѣкъ долженъ себѣ во всемъ предполагать, соспоитъ въ послѣдованіи разуму и законамъ вселенной, копорая всѣхъ градовъ и обществъ древнѣе.

Гнѣвъ и печаль гораздо болѣе причиняютъ намъ зла, нежели вещи, на копорыя мы жалуемся, и онѣ копорыхъ раждаются въ насъ помянутыя спраси.

— Когда ты бываешь во гнѣвѣ, памяшуй, что въ сей спраси нѣтъ ничего мужу приличнаго; а напросивъ въ крошоси и въ прочихъ добродѣтеляхъ прямо человѣческихъ находится весьма много свойственнаго мужамъ совершеннымъ. Не забывай никогда, что крѣпость и бодрость тому только принадлежатъ, кто добродѣтеленъ; а въ томъ, кто пороченъ, гнѣвливъ или печаленъ, онъ микогда не обипающъ. Гнѣвъ, равно какъ

и печаль, есть признаковъ слабаго духа. — И въ шой и въ другой спраспи мы равное терпимъ пораженіе, и къ сраженію бываемъ неспособны.

О суетахъ міра.

То только можешъ назвашься временемъ, что видимъ. Настоящее есть почка; прочее прошло уже, или еще неизвѣстно. И пакъ жизнь cadaго есть минуша; мѣсто, гдѣ онъ живешъ, малѣйшая часпичка земли; самая продолжительная слава — мечта скоро исчезающая, и опъ одного къ другому непримѣнно переходящая. Она, умирая прежде нежели мы для нее родимся, не только не даешъ намъ узнать объ пѣхъ, копорые прежде насъ умерли, но даже не позволяешъ намъ узнать себя самихъ.

Топъ, кто хвалитъ, и шопъ, кого хваляшъ, Панегиритъ и Герой имѣющъ жизнь весьма крапкую. Кромъ сего звукъ всякой хвалы раздаешся въ малѣйшей только часпи свѣта. Всѣ люди между собою несогласны, и нѣшъ ни одного, копорой бы совершенно былъ миренъ съ самимъ собою.

Сло-

Слова, копорыа были употребляемы въ древности, нынѣ неизвѣсны, и имѣють нужду въ объясненіи: то же должно сказать и о великихъ людяхъ прошедшихъ вѣковъ. Камиллъ, Цезонъ, Волезъ, Леонаръ — за сими нѣсколько позже жившіе, Сципіонъ, Катонъ, по помѣ самый Августъ, а за нимъ Адрианъ и Антонинъ — всѣ они имѣють нужду въ лѣтописяхъ, копорыа бы напоминали, что они нѣкогда были. — Всѣ вещи подлежатъ паденію, все видимое плѣнно. Въ одну минушу имена великихъ людей дѣлающа баснословными; а мало спустя послѣ того они остаются погребены въ вѣчномъ забвеніи. И когда я такъ говорю, говорю объ нѣхъ, копорыа показали себя свѣту въ величайшемъ сіяніи, копорыхъ слава привлекла къ себѣ вниманіе цѣлаго свѣта. Сии-то люди какъ скоро испустили духъ свой, забышы остались отъ другихъ совершенно; объ нихъ теперь говорить уже перестали. — Что же сказать можно о славіи людей средственныхъ? Слава, хотя бы она и подлинно была безсмертна, что иное есть, какъ не суеша?

Предположимъ, что тѣ, копорыа себя хвалятъ будущъ, суть безсмертны,

и что твоя слава будетъ безконечна; я ничего не скажу, будетъ ли она что нибудь значить въ то время, когда ты уже будешь мертвъ; а во время твоей жизни она есть одна хвала, обольщающая слухъ, безъ всякой надежной пользы. И такъ ежели она есть вещь невыгодная: то отказывайся отъ оной, доколь есть еще время отъ сего суешного подарка природы отказать, и временно привергайся къ тому, что гораздо совершеннѣе и шверже. Изумрудъ менѣе ли тогда драгоцененъ и прекрасенъ, когда его не хваляшь? То же сказать можно о вѣрности, справедливости, челоуѣколюбїи и скромности. Людская хвала никогда не сдѣлаетъ насъ лучшими, ниже злословіе худшими.

Всѣ любящъ о себѣ слышать хорошее; но никто столько не хочетъ быть хвалимъ отъ современниковъ своихъ, сколько отъ потомковъ: такъ какъ неприятно бы намъ было слышать похвалу отъ тѣхъ, кои уже умерли и прежде насъ жили на свѣтѣ.

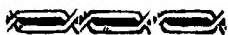
Сколько людей на свѣтѣ не знающихъ твоего имени? Сколько пакихъ, которые его забудутъ въ короткое время? И между тѣми, кои тебя знаютъ

и

и теперь хвалятъ, сколько найдется такихъ, которые скоро поносятся тебя будуще? Наконецъ должно быть увѣрену, что ни память твоего имени, ни слава, ниже все видимое на землѣ не достойно нашего старанія и уваженія.

Кто не знаетъ, что есть міръ: тошъ не вѣдаетъ, гдѣ онъ и находится. И кто не знаетъ, для чего онъ созданъ: тошъ не знаетъ, каковъ свѣтъ, и что такое онъ самъ. Кто не имѣетъ сихъ понятій: тошъ не можетъ сказать причины, почему онъ человекъ, и для чего родился? По сему какимъ человекомъ долженъ казаться боящейся поношенія людскаго, и желающей похвалы отъ тѣхъ, коихъ большая часть не знаетъ, откуда они, и что они?

Что ты дѣлаешь на кафедрѣ, другъ мой, произнося въ похвалу другихъ Панегирики и надгробныя? Не воспоминаешь ли болѣе о томъ, что слова твои ничего не значатъ? — „ Я очень это чувствую: но я вижу, что это нравится людямъ и составляетъ такую вещь, о которой многіе заботятся. „ — Однако по тому только, что прочіе глупы, долженъ ли и я быть неблагоразуменъ? — Не дозволено ли, что я нѣкогда былъ такимъ?

О друзьяхъ.

Я научился никакъ не подозрѣвать друзей своихъ въ томъ, будто они могутъ мнѣ измѣнить въ дружествѣ своемъ; я научился никогда не скрывать отъ нихъ причину, какую они подали мнѣ къ сожалѣнію о себѣ; я научился наконецъ поступать съ ними такъ, что они ни по чему не могутъ предузнавать моихъ чувствованій въ разсужденіи того, что мнѣ пріятно, или непріятно.

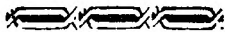
Мы никогда не должны презирать жалобы нашихъ друзей, сколько бы онѣ маловажны ни были; а напрошивъ должны стараться всѣми силами выпши изъ подозрѣнія ихъ, и снискашь у нихъ довѣренность.

Какъ низко и подло говорить: „Я „рѣшился обращаться съ вами хладно- „кровно. „ — Что ты хочешь дѣлать, другъ мой? Нужно ли на словахъ такое выраженіе? Дѣло само собою говоритъ гораздо яснѣе. Оно написано на челѣ швоемъ; все, что сокрыто въ душѣ швоей, должно-быть открыто въ очахъ швоихъ и при томъ такъ выразительно, чтобъ можно было въ оныхъ читать такъ, какъ читаешь все любовникъ въ глазахъ своей любовницы; словомъ, надобно, чтобъ че-

честной и чистосердечной человекъ былъ сполько же опкрытъ въ своихъ чувствіяхъ, какъ и дурной; не для того, чтобъ онъ могъ самъ перемѣниться въ худаго, но чтобъ изъ опкрытія его чувствованій болѣе всѣ познавали, сколько онъ честенъ.

Хитросъ, прикрывая любовію, есть мечъ сокрытый въ ножнахъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ скрытое дружество. Убѣгай его болѣе всего.

Благодѣянія друзей должно принимать съ благодарностію, а не съ презрѣніемъ.

О смерти.

Человекъ *Философъ* смерти ожидаетъ съ спокойнымъ духомъ, зная совершенно, что она есть разрушеніе стихій, изъ которыхъ составлено всякое животное.

Еслили встрѣчается проливное и съ самыми стихіями, ежели и онъ еже-
часнымъ подлежатъ перемѣнамъ, измѣ-
няясь одна въ другую: то для чего
бояться разрушенія и перемѣны пѣла
нашего, когда оныя случаются въ при-
родѣ? — Для чего, когда все встрѣчаю-
щееся

щеся въ природѣ не есть зло, и зломъ бытъ не можетъ? Нѣтъ такой боязни довольной причины.

Ты произведенъ, какъ часть земли, и ты возвратишься въ ту же землю, изъ копорой произведенъ. Многія возжигаются жершвы и куренія на одномъ и помъ же жершвенникѣ: многія швари умираютъ на одной и шой же поверхности вселенной. — Одинъ еиміамъ попадаетъ въ огонь прежде, а другой позже, но равно и шотъ и другой попадаетъ: шакже и изъ людей одинъ умираетъ прежде, а другой послѣ, но всѣ равно умираютъ.

Всѣ проходятъ въ одну минушу — и прославляющій и прославляемый. Человѣку всегда должно имѣть предъ глазами свойшва вешей, дабы видѣть, сколь онѣ ненадежны и шлѣбны. Кто родился вчера: шотъ нынѣ спалъ уже *мумію* (*), или сосшавляетъ малѣйшую частьцу праха. Мы должны жить сообразно природѣ, для шого, чшобы хорошо умереть. — Мало времени намъ ошпаешя
жить ;

(*) *Муміями* назывались шѣла, умащенныя аромашами и бальсамомъ, погребаемыя въ сыпучемъ шескѣ во Египтѣ.

жить; ибо всегда остается онаго меньше, нежели сколько его было съ тѣхъ поръ, какъ мы родились: по сему, когда часъ опшества нашего настанетъ, мы должны спарашься умирать спокойно и радостно, на подобіе зрѣлаго ма-сличнаго плода, которой упадая благо-словляетъ землю его пишавшую, и при-носитъ благодареніе древу, его произ-распившему.

Одна вещь существовать начинаетъ, а другая перестаетъ, и большая часть оныхъ давно уже прошла. Сіи непрерывныя перемѣны непрестанно обновляютъ мїръ, такъ какъ неудержимая быспро-па времени каждую минушу обновляетъ цѣлые вѣка. Въ семъ непрестанномъ печеніи кто бы захотѣлъ прилѣпиться къ вещамъ непостояннымъ, копорымъ не лзя вѣрнться: шотъ уподобился бы челоѣку, спремающемуся поймать какую нибудь изъ тѣхъ пшечекъ, копорья ле-тають по воздуху, и копорыхъ мы ше-ряемъ изъ вида въ ту самую минушу, какъ скоро ихъ примѣтимъ. И такъ образъ нашей жизни подобенъ дыханію воздухомъ, или испаренію дымящейся кро-ви. — И такъ что значитъ умереть? Лишнться способности дышать на ру-кахъ

кахъ того, отъ кого мы получили оную
вчера или шрешьяго дня. — Гомеръ ска-
залъ :

*Отъ вѣтра сильнаго жестокия зимы
Хоть съ дровъ увядшій листь на землю упа-
даетъ ;
Но какъ приходъ весны опять увидимъ мы ,
Другія листьа взоръ нашъ на древахъ срѣтаетъ :
И смертнымъ всѣмъ законъ такой же пред-
лежитъ ;
Одинъ родился лишь — другой въ гробу ле-
житъ*

Истинныя листьа суть шѣ люди ,
кошорые громко о себѣ проповѣдуютъ ,
кошорые хвалятъ или поносятъ другихъ
явно , или обижаютъ и шерзаютъ другъ
друга сокровенно Листья суть и
шѣ , кошорые возобновляютъ по шебѣ въ
пошомкахъ память , и сами за побою
вскорѣ увянутъ Наконецъ всѣ ве-
щи суть яко листьа . Весна ихъ про-
изводитъ , вѣшрѣ сбиваетъ ; они увя-
даютъ — и шлѣнїе ихъ поядаетъ .

Но ты , смертный ! ты всего боишь-
ся , и всего желаешь , какъ будто ты
безсмертенъ . Еще пройдетъ минуша ,
и — швои очи закроются на вѣки .

О свойствахъ душевныхъ.

Свойства разумныя души суть сїи : она сама себя видитъ , сама себя соспавляетъ , и предспавляетъ себя такою , какою ей бытъ угодно . Она наслаждается плодами , которыя сама приноситъ , и всегда можеть говорить : *я все то имѣю , что мнѣ принадлежитъ* . Душа протекаетъ всю вселенную ; она проходитъ все неизмѣримое пространство ея окружающее ; она сама съ собою разсуждаетъ ; она измѣряетъ нѣкопорымъ образомъ вѣчность ; она понимаетъ и проникаетъ въ періодическое перерожденіе вещей , и какъ бы чистая въ будущемъ , ясно видитъ , что какъ нѣ , которыя послѣ насъ будутъ жить , ничего не увидятъ новаго , такъ и нѣ , которыя жили прежде насъ , видѣли только то , что и мы видимъ . — Другія свойства души человѣческой суть любовь къ ближнимъ , справедливость , спыдливость и уваженіе себя превыше всего на свѣтѣ .

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
Ю Л І А Н А.

* * *

S'occuper, c'est savoir vivre.

ВВЕДЕНІЕ.

Хотя можно сказать о Юліанѣ, что слава его не столь достопамятна, какъ *Марка Аврелія*: однако же истинно, что изъ всѣхъ преемниковъ Авреліева царства никто ему столько подобенъ не былъ, какъ Юліанъ. И шотъ и другой были Философы, и по однимъ поступали правиламъ; ихъ вкусъ, ихъ дарованія, ихъ добродѣтели нравственныя, политическія и воинскія, ихъ нравы были одни и тѣ же. Несходство ихъ сложенія и обстоятельствъ времени, въ которыхъ они жили, можетъ быть главною служившею причиною зашумѣній, помрачившихъ картину жизни Юліановой. Какъ бы то ни было, погрѣшности Юліановы не должны служить къ совершенному забвенію превосходныхъ качествъ души его и сердца. — По сему, дабы намъ соблюсти точную средину между его обвинителями и Панегиристами, дабы не совсемъ лишить его славы, въ которой участвовали *Траяны*, *Антонины* и *Марки Авреліи*, и не отнять у нихъ почестей, какія воздастъ имъ потомство, мы вознамѣрились представить Читателю

Б

крат-

краткое, ясное и почное описаніе жизни сего Государя, образъ его мыслей, нравъ его и управление престоломъ.

Юліанъ (Флавій Клавдій Юліанъ) былъ сынъ *Юлія Констанція*, брата *Константина Великаго*, родился въ *Констаншинополѣ* въ 331 году. На шестомъ году онъ хотѣлъ погибнуть въ одномъ кровопролитномъ произшествіи, въ бытность котораго онъ лишился отца своего. При первомъ неистовствѣ смертоубійцъ нѣкоторые друзья сокрыли его и брата его *Галла* отъ очей ихъ. Императоръ *Констанцій*, когда уже никакъ не могъ отъ возставшихъ возмущенныхъ спасти себя, заблаговременно разсудилъ удалитъ отъ двора дѣтей своихъ. *Юліанъ* былъ посланъ къ *Евсевію Елисколу Никомидійскому*, которой по всей очевидности хотѣлъ склонитъ его къ избранію духовнаго состоянія. Изъ дѣтства нечеловѣческое ко всему любопытство расположило живой и пылкій духъ его къ познаніямъ. Его проникательность и присутствіе духа подкрѣпляемы были удивительною памятью. Онъ непрестанно упражнялся въ чтеніи книгъ, и что прочиталъ, твердо шю помнилъ; что однажды выучилъ, того никогда не по-
за-

забывалъ, такъ что и его учителя признавались въ томъ, и сожалѣли, что учить его было нечему. Латинской языкъ былъ въ его время употребительнѣйшій въ Имперіи: однако онъ ему обучался столько, сколько было нужно для того, чтобъ умѣть говорить свободно. Греческой языкъ былъ для него языкъ любезный; онъ ему посвятилъ себя особенно. Занимаясь непрестанно древними Греческими писателями, коихъ сочиненія чрезвычайно его плѣняли, онъ самъ наконецъ сдѣлался примѣрнымъ для великихъ учителей писателемъ. Онъ имѣлъ склонность къ Поэзіи, и великую охоту къ музыкѣ, которую называлъ искусствомъ божественнымъ. Послѣ его остались нѣкопорыя стихотворческія сочиненія, написанныя съ чувствительною нѣжностію и здравымъ разсужденіемъ. Не льзя не видѣть изъ его сочиненій, что онъ зналъ все, что въ его время знать было нужно, дабы прослыть вездѣ ученымъ человекомъ. Когда же съ такимъ успѣхомъ онъ усовершенствовалъ свой разумъ, Евнухъ *Мирдоній*, воспитатель его, не опустилъ ничего къ образованію его нравовъ; а наипаче старался вдохнуть въ него велико-

Е 2 душие,

душе ; скромность ; презрѣніе къ чувственнымъ удовольствіямъ , отвращеніе отъ зрѣлищъ , и любовь къ жизни , упражненіямъ посвященной.

Когда Императоръ *Констанцій* сдѣлалъ *Цезаремъ Галла* : тогда *Юліанъ* получилъ свободу отправиться въ *Константинополь* , чтобъ тамъ болѣе успѣть въ знаніяхъ . Онъ прилѣпился къ краснорѣчію ; и скоро сравнялся съ славнымъ *Риторомъ Ливаніемъ* : но при всемъ томъ былъ скромнѣе ; ко всемъ , а особенно къ бѣднымъ лаековъ . Труды и поступки его были блистательны въ *Константинополѣ* , и тогда начали говорить ; что онъ достоинъ быть Государемъ *Констанцій* , будучи недоволенъ шакимъ слухомъ , повелѣлъ ему удалиться въ такое мѣсто малой *Азіи* , въ какое бы онъ захошѣлъ , и — *Юліанъ* волею его повиновался безпрекословно .

Занимаясь любезными науками , онъ всегда умѣлъ пользоваться свободою , которая у него не была опшня Императоромъ . Онъ много путешествовалъ по различнымъ провинціямъ *Азіи* не столько для того , что его о томъ просили , сколько для пользы своего здоровья . —
При

При семь и дружество его не ослѣпляло: ибо когда онъ былъ въ *Юніи*, тогда онъ очень много негодовалъ на одного изъ своихъ родственниковъ, пѣснаго своего друга, за то, что сей обидѣлъ нѣкотораго чужестраннаго Философа, *Юлиану* впрочемъ неизвѣснаго. При всѣхъ случаяхъ, когда только онъ могъ обнаружить врожденное благородство и снисхожденіе свое, оказывалъ оныя съ ревностію и скоростію. Исполненіе сихъ двухъ добродѣтелей составляло одинъ изъ навыковъ его жизни. Вотъ что онъ написалъ, будучи Императоромъ: „Пусть

„представлятъ мнѣ человека, которой

„дошелъ до крайней бѣдности раздава-

„ніемъ милосыни; мои же милосыни

„всегда мнѣ служили къ обогащенію,

„не смотря на то, что я мало наблю-

„далъ экономію. Въ сей истиннѣ увѣ-

„рился я, будучи еще частнымъ челове-

„комъ, когда раздѣлялъ съ бѣдными по-

„слѣднее, что только у меня было. Всѣ

„мы обязаны воздавать должное всѣмъ

„человѣкамъ; а съ большимъ располо-

„женіемъ должны благодѣтельствовать

„людямъ честнымъ, не опказывая нѣ-

„нужномъ даже нашему непріятелю;

„ибо не нравамъ и свойству человека,

„а самому челоѣку мы оказываемъ свои
„ милоспи. „

Лишь шолько началъ *Юліанъ* ожидашь себѣ лучшаго состоянія, вдругъ опшняли у него спокойствіе, кошорымъ онъ наслаждался, будучи еще въ ссылкѣ. Виновники преступленія, опшнявшіе славу и жизнь у *Цезаря Галла*, по самымъ глупымъ предлогамъ обвиняли *Юліана* въ тѣхъ порокахъ, кои приписывали его брашу. По сему обвиненію онъ былъ отданъ подъ спражу воинамъ, кошорые съ нимъ безчеловѣчно поступали, возили его цѣлые семь мѣсяцовъ всюду, и наконецъ привезли въ *Миланъ*, гдѣ тогда былъ дворъ. — Здѣсь онъ долго находился между жизнью и смертію, будучи обвиняемъ опъ *Евнуховъ* и покровительствуемъ Императрицею *Евсевіею*, кошорая, имѣя великую любовь къ знаніямъ и нѣжное сердце къ несчастнымъ, для освобожденія *Юліанова* употребила всѣ свои силы. Она постаралась исходашайствовать у Императора позволеніе, чшобы позволено ему было удалиться въ *Грецію*. Онъ уѣхалъ и поселился въ *Афинахъ*, гдѣ рѣшилъ окончить жизнь свою, занимаясь науками и обращаясь съ учеными людьми.

Одна-

Однако онъ тамъ прожилъ не долго. *Констанцій*, видя Имперію свою со всѣхъ сторонъ опустошаемую, Галловъ пришъ-сняемыхъ варварами; припомъ не смѣя оставишь Италію, вздумалъ наконецъ опдашь справедливость *Юліану*. Онъ до-вольно зналъ, что сей меньшій сынъ не любилъ его; припомъ зналъ онъ его умѣ-ренность и великодушіе, которыя его дѣлали подобными *Титу*: по сему онъ надѣялся, что порфира, въ которую онъ расположился облечь *Юліана*, заставитъ его позабышь прошедшее. Съ симъ намѣреніемъ онъ вызвалъ его въ Миланъ, и мало спустя времени, объявилъ его *Цезаремъ* предъ глазами всего воинства и при великомъ восклицаніи народа. 355 года шестаго Ноября *Юліанъ* заступилъ мѣсто несчастнаго брата своего. Въ продолженіи церемоніи онъ показалъ се-бя не слишкомъ къ чести приспраспнымъ; впрочемъ радость оживила лице его, въ глазахъ его примѣтна была важность, соединенная съ кротостію. Все сіе пред-вѣщало въ немъ великаго Государя и лю-безнаго Монарха.

Въ сей день *Юліану* исполнилось 24 года. Онъ вскорѣ послѣ сего отправился на Алпійскія горы; онъ *Галловъ* онъ былъ

принявъ какъ *Ангелъ защитникъ*, коего присутствіе могло положить конецъ всѣмъ ихъ несчастіямъ. До сего времени изъ книгъ неизвѣстна была *Юліану* воинская наука; но ему и чтеніе служило вмѣсто практики: ибо на самомъ дѣлѣ онъ скоро оправдалъ предчувствія *Галлоа*, и они большее возъмѣли къ нему уваженіе. Всѣ его сраженія прошивъ Нѣмцовъ были шасшливы, и послужили для него шѣмъ къ большей славѣ, чѣмъ искуснѣе умѣлъ онъ соединять въ *сраженіяхъ* неуспрашимое съ умѣренностію, а въ *нобѣдахъ* мудрое человеколюбіе съ мужествомъ. Подвиги его равнялись подвигамъ героевъ древняго Рима.

Выгнавши Нѣмцовъ изъ Галліи, и возстановивши прежнюю славу Римскаго оружія, вздумалъ онъ отправиться зимою въ Парижъ, въ 353 году. Сей городъ въ сіе время былъ не болѣе, какъ одинъ Кремль; однако имѣлъ уже какъ извнѣ, такъ и внутри себя строенія, приличныя къ принятію Императора. — Тогда уже былъ въ немъ Дворецъ, публичные бани, амфитеатръ, Марсово поле и славное предмѣстіе со спорными полудня. Сей Государь, которому живъ
въ

дѣ семь мѣстѣ очень понравилось, приказалъ привезти къ себѣ мать свою *Лютецію*, выстроилъ еще Дворецъ такъ названный *Термовъ*, коего оспашки показывають еще и нынѣ подѣ названіемъ *Юліановыхъ бань*. Вообще, онѣ очень полюбилъ Галловъ, и ими былъ любимъ равномѣрно. Простосерденіе, вольность и снротоссть во нравахъ сего народа были очень сходны съ его откровенностію, ласкою, несклонностію къ великолѣпію и роскоши. По примѣру *Марка Аврелія* онѣ жилъ, какъ Философъ во Дворцѣ и въ полѣ. Онѣ никогда не забывалъ сіе *Катоново* изреченіе: „Душа, которая „только пищу и питіемъ занимается, „къ великимъ дѣламъ совсѣмъ неспособна. „ — По сему правилу онѣ любилъ воздержаніе, и удалилъ отъ стола своего всѣ иѣжныя и излишнія кушанья. Онѣ довольствовался пищею простого воина; иногда употреблялъ ея стоя, и при томъ сътоль умѣренно, что говаривали объ немъ, будто онѣ лишился воздухомъ, какъ саранга. Онѣ стыдился даже и такихъ нуждъ, которые иѣсно соединены съ человѣчествомъ; почему говаривалъ, что *Философу и дышать не надлежало бы*. Онѣ спалъ мало,

Е 5

мало, и вспавалъ всегда въ назначенный часъ. Его постелю соспавлялъ коверъ, а одѣяло простая кожа. Онъ просыпался всегда въ полночь, занимался своими дѣлами, ходилъ осматривать караулы; по окончаніи осмотра, ежели ему позволяли обстоятельства, занимался науками до самаго дня. Онъ съ великимъ жаромъ и неупомимостію упражнялся въ *Философїи*, какъ въ знаніи, которое почиталъ за необходимо нужное въ разсужденіи должностей своего состоянія; иногда читалъ *Исторію*, какъ науку, которую называлъ надежною руководительницею къ снисканію опытности. Можно видѣть изъ его сочиненій, что онъ зналъ исторію Римскую и другихъ народовъ. Ежели бы его *залиски о войнѣ Галловъ* дошли до насъ: то бы мы включили его въ число знаменитыхъ Историковъ.

Юліанъ употреблялъ часть времени на занятіе правосудіемъ и воинскою дисциплиною, не смотря на то, что къ послѣдней наукѣ онъ менѣе всѣхъ былъ склоненъ. Однажды для маршированія предложили ему музыку, подъ наименованіемъ *балетъ Пирритескій*, у Грековъ и Римлянъ соспавлявшій нѣкоторую
часнь

часть воинскихъ упражненій. Въ отвѣтъ на то онъ сказалъ: *Ахъ Платонъ, Платонъ! какое ремесло для Филозофа!*

Къ упражненію въ судопроизводствѣ онъ имѣлъ болѣе способности. Бывая на судилищахъ, онъ рѣшилъ многія дѣла съ великимъ благоразуміемъ, и всѣ по большой части съ явными знаками снисхожденія. Прежде нежели онъ входилъ въ собранія, посылалъ шажущихся соперниковъ къ Намѣстникамъ провинцій съ шѣмъ, чтобъ они просили ихъ разобратъ дѣло свое во всей его сущности и спрогоспи; а сіи, сколько бы ихъ ни просили, никогда не могли перемѣнить своихъ мнѣній, утвержденныхъ на основаніи естественной справедливости. Родители преслѣдовали похитителя своей дочери до самой его смерти. *Юліанъ*, обративши вниманіе на сіи частныя обстоятельства, за благо разсудилъ такого рода преступниковъ опсылать въ ссылку. Родители говорили, что это пошачка: *такъ, подлинно!* отвѣтствовалъ имъ Императоръ; *но болѣе бы я вамъ пошачалъ, ежели бы обо всемъ судилъ по строгости законовъ. Всякой Государь есть живой законъ, которой своимъ снисхожденіемъ долженъ умѣрять*

рять все то, что мертвые законы имѣютъ въ себѣ жестокаго.

Послѣдуя симъ правиламъ, онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобъ осуждать тѣхъ, которые по судопроизводству ни въ чемъ обличены не были. Когда *Нумерій*, Намѣстникъ *Нарбонезской Галліи*, былъ обвиняемъ въ грабительствѣ, и когда онъ донощиковъ своихъ удичилъ въ несправедливости, а *Делондій Бордозскій*, славный стряпчій того времени, вздумалъ съ великимъ усиленіемъ непремѣнно оклеветать *Нумерія*: тогда *Цезарь* сказалъ съ сильнымъ жаромъ: *кто же будетъ виновенъ, ежели не вѣрить доносителямъ на преступниковъ? — Ежели при всякомъ доносѣ должно обвинять, отвѣтствовалъ Юліанъ, то кто будетъ невиненъ?*

Онъ ничего не дѣлалъ по пристрастію, или изъ корысти. Когда дѣло касалось до выгодъ справедливости и общаго блага: тогда непоколебимость его не уступала ни страху ни самолюбію. Въ продолженіе первой четверти зимы пребыванія его въ Парижѣ, хотя онъ многими былъ занятъ дѣлами, однако при всемъ томъ не оставилъ вникнуть въ положеніе расходовъ и приходоу государ-

дар-

дарственныхъ, съ шѣмъ, чѣмъ подашь помощь и облегченіе народу. — *Флоренцій*, блюстителъ Императорскихъ сокровищъ, предлагалъ ему, что наспойшь нужда въ умноженіи пошлицъ, дабы оными замѣнить поголовную подать. *Юліанъ*, смотря на новыя паксы, которыя *Флоренціемъ* были уже сдѣланы, и ему представлены, какъ на разореніе провинцій, уничтожилъ планъ его, объявивъ велегласно, что онъ лучше хотѣлъ бы лишиться жизни, нежели допустить такой налогъ. Вскорѣ по томъ сдѣлавъ полное и точное вычисленіе всѣхъ государственныхъ доходовъ, показалъ онъ, что довольно и прежде бывшихъ общественныхъ податей, какъ на полищическія, такъ и на воинскія издержки. *Флоренцій*, будучи любимцемъ Императора, отважился послать къ Цезарю сдѣланное имъ учрежденіе о пріумноженіи доходовъ; *Юліанъ* же его не только не подписалъ, но не хотѣлъ его даже и слушать. — Начальникъ преторства, не смотря ни на что, въ глазахъ самаго Государя рѣшился на сіе столь страшное злодѣйство. — „Возможно ли, чѣмъ я на сіе согласился? сказалъ *Юліанъ*; я, которой во всякомъ подобномъ случаѣ долженъ

„ по-

„ поступать, какъ ученикъ Платоновъ и
„ Аристошелевъ? — Да и должно ли оп-
„ давать бѣдную чернь подъ власть гра-
„ бителей, которые своимъ безчеловѣчї-
„ емъ могутъ довести ее до крайности?
„ Мы смертію наказываемъ Трибуна; мы
„ лишаемъ его самой гробницы, когда онъ
„ не сохраняешь вѣреннаго ему поща,
„ а самъ живъ остаётся. И при семъ
„ случаѣ ослабили бы мы свою долж-
„ ность, когда бы преспали защищать
„ людей невинно утѣсняемыхъ. — Богъ
„ насъ поспавляетъ на верховной степе-
„ ни яко недремляющихъ стражей; и ког-
„ да мы подвергнемъ смерти другихъ,
„ сами оставаясь живыми: тогда Онъ
„ насъ — также какъ и мы Трибуна —
„ накажетъ. Ежели же въ такомъ слу-
„ чаѣ упорность моя производитъ въ
„ другихъ неудовольствїе: то *великое*
„ *для меня утѣшенїе есть свидѣтель-*
„ *ство доброй совѣсти.* — Ежели заспу-
„ пивъ мое мѣсто кто другой и такъ
„ поступитъ, я шѣмъ не огорчуся: но
„ что касается до меня, то *лучше жить*
„ *мало и дѣлать добро, нежели жить*
„ *долго и дѣлать зло.* „

Императоръ, убѣжденный *Флоренці-*
емъ и посредствомъ подлой своей поли-
шки

пики опасаясь, чтобъ Юліанъ не исполнилъ на самомъ дѣлѣ добра въ опмѣненіи учрежденія Флоренціева, велѣлъ ему въ семъ случаѣ поступить гораздо осторожнѣе; но сей Государь, будучи всегда твердъ въ добрыхъ своихъ намѣреніяхъ, на вторичное предложеніе Флоренціево шакъ отвѣчалъ: „Должно бы быль и „ шѣмъ довольну, ежели бы Галлы, разоренные варварами и ремесленниками, „ заплашили шарья подати; а шребо- „ ванъ что нибудь больше, означало бы „ шребовать невозможнаго. „ — *Констанцій* не счелъ за нужное болѣе упорство- ванъ — и намѣреніе Флоренціево не исполнилось.

Юліанъ, живучи въ Парижѣ, наслаждался великою славюю, удовольствіемъ, и любовію гражданъ и воиновъ. Когда онъ получилъ отъ Императора указъ о томъ, чтобъ выслать искусныя и оборныя войска на воспокъ: тогда онъ пришелъ въ великое смущеніе. — Ежели не послать, думалъ онъ самъ въ себѣ, то чрезъ сіе навлеку я на себя гнѣвъ *Констанція*; а ежели послать, то самому и Галламъ должно быль въ опасности отъ власни варваровъ. Однако подъ конецъ рѣшился онъ отправишь въ над-

надлежащее мѣсто требуемая войска, и въ тоже самое время разсудилъ скинуть съ себя порфиру. Во время же опправленія начальники войскъ, соболѣзнуя о разлученіи своемъ съ ихъ опечесивомъ и съ добрымъ Государемъ, явно начали ропшати на повелѣніе Констанція, и одни другихъ къ сему болѣе побуждали. Войны, равно опечаленные высылкою, во всемъ послѣдовали примѣру своихъ начальниковъ. Послѣ вышедши изъ шerpнїя, при наступленіи ночи всѣ они принимаются за оружіе, бѣгутъ въ чертоги Цезаревы, и прерывая другъ у друга голосъ, кричатъ: *Юліанъ Августъ!* — *Юліанъ* не могъ на сіе рѣшиться. Нѣжное сердце и честность запрещали ему сдѣлаться неблагодарнымъ и хищникомъ чести Констанціевой. Войны просили, чтобъ онъ къ нимъ вышелъ, и принялъ ихъ желаніе; но *Юліанъ*, не соглашаясь на ихъ требованіе, цѣлую ночь былъ въ такой атакѣ. Наконецъ войны болѣе будучи побуждаемы своимъ упорствомъ къ исполненію желанія своего, выламываютъ у Дворца двери, принуждаютъ насильственно выйти къ себѣ *Юліана*, и не смотря на всѣ его представленія, вопорично провозглашаютъ его *Августомъ*, за

защитникомъ государства. — Генераль *Морусъ*, снявъ съ себя золотую цѣпь, украшенную дорогими каменьями, надѣлъ ему оную на голову на подобіе короны. По семъ опасаясь быть жершвою полишической ревности, *Юліанъ* отправился къ Императору, дабы извѣстить, сколько Галлы и всѣ войска его полюбили.

Констанцій, услышавъ сіе, хотѣлъ принудить *Юліана* опказаться отъ Имперіи, угрожая ему въ противномъ случаѣ лишеніемъ жизни. *Юліанъ* же, будучи надеженъ на вѣрность своихъ войскъ, и видя себя въ необходимости, рѣшился воспротивиться его предложенію; и какъ бы предваряя явную опасность, онъ вознамѣрился овладѣть Имперією. Воины, которые за годъ прежде чрезвычайно хотѣли оставить Галловъ, похвалили его предпріятіе, и положили мечи на свою шею, увѣряли его, что они готовы вездѣ за нимъ слѣдовать до пролитія послѣдней капли крови.

Но не много спустя времени, *Иллирія*, въ которой *Юліанъ* былъ принятъ торжественно — *Македонія*, *Греція*, *Италія* и *Сицилія*, услышавъ, что *Констанцій* умирая наименовалъ его своимъ преемникомъ, покорились его законамъ.

Ж

За

За симъ вскорѣ предпринялъ онъ путешествованіе въ Константинополь, и въѣхавъ въ него при восклицаніи всего города, въ которомъ онъ родился. Въ сіе время болѣе всего старался онъ кончить намѣренія свои, клонящіяся ко всеобщему благоденствію и славу Имперіи. Въ сіе время онъ воздвигъ храмъ *Справедливости*, и обратилъ свое вниманіе на пѣхъ, которые въ прежде-бывшее правленіе государства употребили довѣренность Императорскую на утѣшеніе народа. Онъ уничтожилъ *Куріевъ*, или *Агентовъ Императорскихъ*, которые не иное что были, какъ великіе и весьма вредные клеветники, въ короткое время пріобрѣтавшіе несметное богатство. Они богатыхъ людей опредѣляли къ худымъ мѣстамъ, опъ которыхъ не можно было имъ иначе освободиться, какъ деньгами, и продавали милость преступникамъ, заслужившимъ всю строгость правосудія. Двое изъ сихъ Куріевъ покусились было предстать предъ него, съ тѣмъ, чтобъ извѣстить его о скрытномъ пребываніи *Флоренція*, шого начальника Препорства, на котораго *Юліанъ* прежде многократно жаловался; извѣстивъ — и за то ошатахся на своихъ мѣстахъ. Но

Юліанъ

Юліанъ поступилъ съ ними какъ съ до-
нощиками, и сказалъ: „Неприлично
„ Императору употреблять неправиль-
„ ные стези для открытія несчастныхъ,
„ которыхъ страхъ наказанія довелъ до
„ укрывшя.,,

Зная, что большій расходъ составля-
ли для него содержаніе евнуховъ и жало-
ванье придворнымъ, нежели содержаніе ар-
міи, онъ отпустилъ ихъ жить по своей
воль. „ Не имѣя жены, (онъ лишился
„ Елены супруги своей) и не чувствуя
„ желанія жениться, я не имѣю болѣе
„ нужды какъ въ евнухахъ, такъ и въ по-
„ варахъ; а пищи я никогда безъ нужды
„ не употребляю, и употребляю не хо-
„ чу, такъ говорилъ онъ. — По сему нѣ-
которые заключали объ Юліанѣ, что
онъ болѣе философствовалъ, нежели
сколько Государю философствовать над-
лежитъ, безмѣрно придерживаяся простоты,
и унижая Монаршее величіе. Другіе
напротивъ говорили, что Государь,
знающій царствовать, имѣющій отлич-
ныя качества, когда захочетъ, можетъ
быть знаменитъ безъ всякаго посторон-
няго блеска. — И какая подлинно невы-
года для подданныхъ, что они не бу-
дуть отдавать отчета Государю въ

Ж 2

вели-

великолѣпїи , которое онѣ опмѣняетъ ; опчета , которой всегда можетъ быть соединенъ съ ихъ ущербомъ ? И такъ въ опмѣненїи всѣхъ родовъ пышности Монаршая Философія ни мало непредосудительна : поелику она клонится ко всеобщему благу.

Констанцій обращался съ Сенаторомъ горделиво. Онѣ повелѣнїя насылалъ Сенаторамъ безъ сношенїя съ ихъ волею , а объявляя одну необходимость исполненїя своихъ повелѣнїй. Онѣ никогда не позволялъ имъ при себѣ садиться , и самъ не ходилъ въ ихъ собранїе. — *Юліанъ* напрошивъ былъ съ ними непрестанно , желалъ , чтобы всякой изъ нихъ обо всемъ судилъ съ полною свободою ; и какъ онѣ имѣлъ даръ краснорѣчїя , то о представляемыхъ дѣлахъ произносилъ мнѣнїя свои иногда *лаконически* , съ важноспїю Царскою , а иногда *обширно* и съ витїйствомъ Оратора. Послѣ *Юлія Цезаря* онѣ былъ первый и послѣднїй изъ Императоровъ , которой въ Сенатѣ обще , какъ и всѣ , подавалъ свой голосъ.

Склонность его къ трудамъ была неушомимая и почти безпримѣрная. Онѣ возобновилъ древнїе законы , исправилъ и объяснилъ ихъ , дабы уничтожишь всякой

кой поводъ къ шажбамъ и соперничеству; или издавалъ новые весьма ясные и опредѣлительные. Онъ уменьшилъ налоги, опвергнулъ или положилъ мѣры всему тому, чего предшественники его требовали касательно до наружнаго его уваженія. Никакой Государь не помышлялъ менѣе его о своемъ обогащеніи. Онъ всегда имѣлъ въ устахъ сіе Александра Великаго изреченіе: *сокровища мои у друзей моихъ.* — Юліанъ воображалъ, что его имущество въ большей безопасности, когда оно хранится въ рукахъ подданныхъ, а не въ его собственныхъ. По сему поступку онъ былъ подобенъ дѣду своему *Констанцію Хлору*, коимъ по любви къ безкорыстію получилъ наименованіе *убогаго*, — шило не менѣе знаменитѣйшее для Императора, какъ и имя завоевателя. При немъ дана была полная свобода просить въ судахъ о удержаніи за собою земель истиннымъ ихъ владѣльцамъ; и съ государственною казною, коимъ сборъ при сребролюбивомъ Государѣ всегда бываетъ неупущителенъ, при семъ Императорѣ *Философъ* не рѣдко противное встрѣчалось.

Престолъ его, для всѣхъ доступный, служилъ для несчастныхъ убѣжищемъ, а

для виновныхъ камнемъ претрыканія. И шѣ и другіе видѣли въ немъ безприсра-
стіе *Кассіевъ* и непорочность *Ликурговъ*. Онъ благосклонно выслушивалъ прозбы
шѣхъ, кои искали у него правосудія ; не
было дѣла, которое бы онъ почиталъ
своего вниманія недостойнымъ. Есте-
ственнаѧ справедливость была душою
судопроизводствъ его ; судопроизводствъ ,
въ которыхъ онъ показывалъ болѣе му-
дрость своего духа, нежели силу зако-
новъ. Ежели когда случалось ему въ чемъ
нибудь ошибиться, то онъ позволялъ
начальнику Преторства и шѣмъ, кото-
рые къ нему были другихъ доступнѣе и
ближе, замѣчать или удерживать ско-
рѧ свои рѣшенія. Когда Адвокаты хва-
лили его съ примѣшнымъ ласкапедьствомъ
и хитроспѣю, тогда онъ имъ отвѣщ-
ествовалъ : *понравилась бы мнѣ ваша*
похвала, естли бы я зналъ, что вы
столь же охотно и смѣло меня оуждае-
те въ то время, когда я усинюсь тогда
достойнымъ.

Юліанъ ненавидѣлъ злобныхъ, и
опѣ ихъ былъ равно ненавидимъ ; при
всемъ томъ и опѣ ихъ умѣлъ онъ се-
бѣ пріобрѣсть славу, ибо онъ и въ нака-
заніяхъ обнаруживалъ къ нимъ любовь
свою,

свою, и будучи побуждаемъ милосердіемъ, болѣе угрожалъ и исправлялъ порочныхъ, нежели мучилъ и погублялъ ихъ. Пресшупники, противъ которыхъ онъ ожесточался болѣе всѣхъ, были тѣ люди, которые частную свою вражду прикрывая нѣкопорымъ видомъ ревности къ Монарху, обвиняли невинныхъ въ преступленіяхъ, раздражающихъ Царское величіе. Не многого стоило Юліану поскользнуться при такомъ обстоятельстве: такихъ пресшупниковъ онъ ужасался, тонко вникалъ въ враждебную клевету донощиковъ, и всегда ею гнушался. — Нѣкопорой гражданинъ обвинялъ себя подобнаго въ томъ, что онъ имѣетъ злоумышленные виды на Императорство, и не преспавалъ о томъ упреждать Юліана, которой никакъ не хотѣлъ ему вѣрить; но послѣ, чтобъ избавиться отъ докучъ его, Юліанъ спросилъ его: *какого состоянія человекъ имѣ обвиняемый?* — Онъ богатый купецъ, отвѣчалъ донощикъ. — *Какое ты имѣешь на то доказательство?* примолвилъ Государь съ улыбкою. — То, отвѣщивовалъ обвинитель, что онъ сдѣлалъ себя платье пурпуроваго цвѣшу. — Юліанъ пересталъ съ нимъ говорить, и обратившись къ

Ж 4

сво-

своему казначею, сказалъ: я хогу, чтобъ сему вредному ябеднику дали обувь пурпуроваго цвѣту для того, чтобъ онъ ее отнесъ къ тому, кого обвиняетъ, по прилигiю къ его платью.

По смерти Марка Аврелiя не было ни одного Императора достойнѣйшаго паче Юліана царствовать; — и въ самомъ дѣлѣ никто не царствовалъ съ большею славою, и никто не заслужилъ себѣ шипла правосуднаго и снисходительнаго отца отечества, кромѣ Юліана.

Сей Государь, будучи обольщенъ Софистами, имѣлъ несчастiе оставить Христіанство, и явно объявить себя покровителемъ язычниковъ и защитникомъ ихъ идолослуженiя. Сей поступокъ составляетъ для него незагладимое пятно, не смотря на прогiя добродѣтели и дѣла, достойныя всякаго подражанiя. Никто его не можетъ оправдать въ семъ порогнѣйшемъ отступленiи отъ вѣры. Онъ не гналъ Христіанъ оружіемъ, но употреблялъ всякаго рода хитрости къ ихъ вреду и пришъсненiю. Онъ учредилъ жрецовъ, называемыхъ Еллинистами (*),

и

(*) Еллинистами въ древности назывались Жиды, въ Александрiи жившіе, говорившіе языкомъ Греческимъ, принявшіе обычаи Еллиновъ, — и Греки, принявшіе законъ Еврейскій.

и предписалъ имъ правила жизни самыя мудрыя, съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобъ сдѣлать религію ихъ столько же почитаемою, сколь *логгенна и Божественна Христіанская Религія*, и шѣмъ принудить ихъ всѣхъ безъ всякаго затрудненія къ принятію оной. Трудно понять, какимъ образомъ Государь столь разумной и столь просвѣщенной, оставилъ религію, *которой дѣламъ и нравственности онъ удивлялся*; — и весьма чудно, какъ онъ предался *ощутительнымъ заблужденіямъ Еллинистовъ*. Охудая его за сіе *непростительное* оппаденіе, которое по самой справедливости ничѣмъ загладить не возможно, не лзя съ другой стороны, не нарушивъ справедливости, не согласиться, что онъ имѣлъ многія добродѣтели, составляющія истиннаго Философа.

Возшествіе *Юліана* на царство произвело ужасъ въ варварахъ. Нѣмцы, Французы и прочіе сосѣдственныя народы, даже самыя Индѣйцы искали съ жадностію его дружества. Одни только Персы смѣли еще чинить враждебныя нападенія на Римскую Имперію, и отважились гордиться своею храбростію и славою. По сему *Юліанъ* рѣшился прошивъ ихъ

принять оружїе и усмирить ихъ. Сѣ такимъ намѣренїемъ скоро онъ отпра-
вился въ походъ, оставивъ въ Констан-
тинополѣ многіе знаки любви своей. Обра-
таясь къ сему городу, наконецъ онъ ска-
залъ: *Констанцій любилъ Константино-
поль, какъ свою сестру, а я его люблю,
какъ свою мать и кормилицу.*

Солоръ Второй, Государь храбрый,
управлялъ въ то время обширною Персид-
скою Имперїею. Онъ, не смотря на на-
слѣдственную противъ Римлянъ нена-
висть и на побѣду, какую одержалъ онъ
надъ ними въ началѣ войны, какъ скоро
узналъ, что *Юліанъ* выступилъ въ по-
ходъ, самолично предводительствуя
арміею, состоящею изъ 65 тысячъ вои-
новъ, предложилъ ему миръ, и послалъ
къ нему Посланника съ смиренными и
уничижительными условїями. Сей Госу-
дарь, чувствовавшій въ себѣ храбрость
Александрову, и захопѣвшій царство-
ваніе свое прославить шоржествомъ надъ
гордыми Персами, отвергнулъ *Солоровы*
предложенїя. По томъ съ помянутымъ
числомъ арміи отправился самъ въ Пер-
сію, запасшись великимъ множествомъ
провизїи, но ничего не взявши съ собою,
чтобъ служило для удовольствїя и нѣги.
Одна-

Однажды случилось увидѣшь ему позади арміи своей многихъ верблюдовъ, навьюченныхъ дорогими винами. Топчасъ запрещилъ онъ провожаемымъ своимъ итти далѣе, сказавъ: *оставьте сіи горькіе истосники роскоши и безгнѣя. Солдатъ не долженъ пить вина, ежели онъ не получилъ еще онаго отъ непріятеля. Я самъ хочу жить, какъ простой солдатъ.*

Наконецъ сіе начатое предпріятіе было роковымъ для Юліана. Послѣ многихъ выигранныхъ сраженій, доведшихъ Солора почти до крайности, когда Юліанъ съ пылкимъ жаромъ, безъ всякой осторожности, не имѣя на себѣ латъ, преслѣдовалъ въ пылъ Персидскую армію, тогда мешательнымъ копьемъ ошорвали ему руку, и пронзили въ грудь. Рана сдѣлалась смертельна. Всѣ пособія и искусство *Орибаза*, искуснаго лѣкаря и вѣрнаго его друга, были безплодны.

Тѣ, которые были къ нему доступнѣе другихъ, собрались въ его палатку, имѣя изображеніе печали на лицѣ, а болѣе скрывая оную въ сердцѣ. Юліанъ, лежавши на коврѣ и будучи одѣтъ львиною кожею, (шакова была всегда его постелья) оказалъ особенное мужество въ самую послѣднюю минушу своей жизни.

„Лю-

„Любезные мои сотоварищи! сказалъ
„онъ предстоящимъ; природа пребудетъ
„назадъ отъ меня того, что она мнѣ
„въ займъ дала, и я ей долгъ мой воз-
„вращаю съ радостію, такъ какъ долж-
„никъ, которой непременно долженъ
„расплатиться безъ огорченія, безъ
„прискорбія и жалобъ, кои большая
„часть людей почитаетъ неразлучными
„отъ соспоянія, въ какомъ я шеперь
„нахожусь. Философія меня увѣрила,
„что душа дополъ не бываетъ щаспли-
„ва, доколъ она не освободится отъ
„узъ тѣлесныхъ, и что тогда лучше
„радоваться, нежели печалиться, когда
„знашиѣйшая часть насъ самихъ осво-
„бождется отъ той, которая ее без-
„честитъ и унижаетъ. Я благодарю
„Вѣчнаго Бога, что онъ не попустилъ
„мнѣ погибнуть ни отъ злоумышленія,
„ни отъ мученій продолжительной бо-
„лѣзни, ни отъ рукъ жестокаго тирана.
„Я вижу милость Его ко мнѣ изъ то-
„го, что онъ посылаетъ мнѣ спокой-
„ную смерть посреди дѣлъ славныхъ,
„мною учиненныхъ. Желаетъ смерти,
„когда еще можно жить, и желаетъ про-
„долженія жизни, когда время уже уме-
„реть, — и то и другое означаетъ равную
„сла-

„слабость. — Чшожь касается до выбо-
ра Императора, я не хочу предупре-
ждать собственное ваше избраніе: ибо
мой выборъ можетъ пасть на кого ни-
будь пристрастно; а слѣдственно, ког-
да онъ утвердится, можетъ послу-
жить въ погибель шому, кпо мною
будетъ назначенъ. При всемъ томъ,
какъ добрый гражданинъ, я желаю,
чтобъ мѣсто мое было занято достой-
нымъ преемникомъ. „

Окончавъ сіи слова, съ спокойнымъ
духомъ онъ приказалъ, чтобъ тѣло его
было опнесено въ *Тирсисъ Сицилійскій*;
а по, что ему собственно принадле-
жало, онъ раздѣлилъ друзьямъ своимъ.
Анатолій былъ въ числѣ оныхъ. Не ви-
давши сего друга, онъ потребовалъ его
къ себѣ; и когда ему сказали, что онъ
очень щастливъ и безъ его милостей,
тогда *Юліанъ* понялъ, что *Анатолій*
былъ убитъ. При семъ случаѣ онъ очень
пронулся смертію сего своего друга, по-
елику дружество составляло особенную
добродѣтель въ *Юліановомъ* сердцѣ. Напо-
слѣдокъ поговоривъ нѣсколько о превосход-
ствѣ и безсмертіи души съ *Прискомъ*
и *Можейміемъ*, онъ тихо скончался но-
чью 26 Іюня 383 года, въ 39 лѣто сво-
ей

ей жизни, а царствованія въ 8, считая съ того дня, какъ онъ былъ объявленъ Цезаремъ.

Юліанъ, послѣ его заступившій престоль, приказалъ тѣло его опнести въ *Тирисъ*, и издалъ повелѣніе о украшеніи его гроба.

Извѣстно, что не всѣ сочиненія *Юліановы* достались потомству, а осталось нѣкоторое число его писемъ, въ которыхъ, а особливо въ его такъ называемыхъ *Цезаряхъ* и *Мизологонѣ*, столько находится Философіи, разума, краснорѣчія и просвѣщенія, что не можно довольно похвалить о утраченныхъ другихъ.

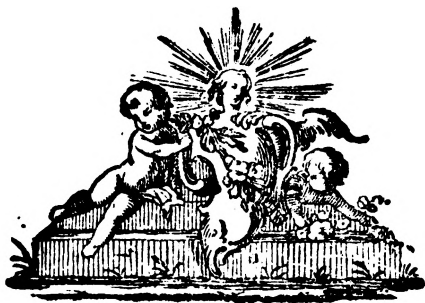
Цезари безъ прекословія почитаются за первѣйшее изъ его сочиненій. Непросвѣщенная древность не оставила намъ ни одного сочиненія, которое бы было ему равно по важности содержанія, и которое бы при всей краткости вмѣщало въ себя столько тонкости, основательности, наставленій нравственныхъ, остроумия и пріятности. Сіе сочиненіе есть описаніе жизни всѣхъ Императоровъ, до него царствовавшихъ въ теченіе 400 лѣтъ. *Маркъ Аврелій* есть главный предметъ сего сочиненія, и *Юліанъ* отдаетъ ему первенство между Государями,
кото-

которые заслуживаютъ бытъ прославленными.

Мизологонъ, ироническая сапхира на жителей Антіохійскихъ, есть рѣдкое сочиненіе въ своемъ родѣ. *Юліанъ* самъ себя въ ономъ изображаетъ, но совсѣмъ въ другомъ Философскомъ видѣ, нежели каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь увеличиваетъ онъ свои ошибки, обвиняетъ себя въ хорошихъ качествахъ, такъ какъ въ порокахъ, и противопоставляетъ оные порокамъ жителей Антіохійскихъ, кои изображаетъ онъ подъ видомъ добродѣтелей. Въ сей сапирѣ примѣтна особенная пылкость его разума; она наполнена многими хорошими замыслами, философическими положеніями и нравственностію.

Сіи письма суть живое и истинное изображеніе его духа и сердца. Въ нихъ легко всякой примѣшитъ можеть его мысли о правленіи — правила, касающіяся до образованія нравовъ, и сердечныя чувствованія къ друзьямъ его. Письмо къ *Темистію* наполнено высокими наставленіями, касающимися до усовершенствованія обязанностей Государя. *Юліанъ* помѣспилъ въ ономъ достойные почтенія знаки скромности своей. Кратко скажешь, сочиненія

ненія *Юліановы* столь много дѣлають ему чести, и служатъ къ незабвенной его памяти, сколь много изображены въ оныхъ свойства всѣхъ добродѣтелей, а еще больше наблюденъ тонкій вкусъ древнихъ *Латинябъ*. По сему-то мы можемъ надѣяться, что и въ наши времена ученое общество благосклонно приметъ часть его размышлений, которыя мы ему представимъ подъ названіемъ *Духа* или *избранныхъ мыслей* сего Императора *Философа*.

ДУХЪ,

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
Ю Л І А Н А.

О законѣ.

Законъ есть первая изъ добродѣтелей. — Почтеніе, какое мы обязаны имѣть къ Богу, должно быть всему предпочтено. Благочестіе есть величайшее благо изъ всѣхъ благъ, а нечестіе величайшее зло изъ всѣхъ золъ.

Древніе говаривали, что время есть оселокъ справедливости, а я къ сему прибавляю еще — благочестія и закона.

Богъ не имѣетъ нужды въ нашихъ ласкательствахъ. Почитаніе мудрое и законное, обѣты, удобные привлечь благословеніе небесное, моленія смиренныя — вотъ все, чего Онъ отъ насъ требуетъ.

Догадка есть удѣлъ человеческого разума; а совершенное всего знаніе есть доля Божія.

О Священствѣ.

Вести жизнь безпорочную, успѣвать въ добродѣтеляхъ, заниматься достойно исполненіемъ своего служенія; — вопль чего потребуешь Божество отъ Священниковъ.

Во Священство должно производить людей испытанной добродѣтели. При семъ избраніи не должно смотрѣть ни на рожденіе, ни на богатство, а надлежитъ изыскивать людей съ существенными качествами, каковы суть любовь къ Богу и къ человѣкамъ. А посему, дабы увѣришься, любишь ли онъ Бога, можно узнать изъ того, когда онъ открываетъ оцунительные знаки любви сея къ ближнимъ, внушеніемъ страха Божія и расположеніемъ всѣхъ къ исполненію закона Его. — Что онъ любитъ ближнихъ, можно сіе видѣть изъ того, когда онъ всякому старается сдѣлать добро, и когда при самомъ убоженствѣ удѣляетъ безъ рошанія требующимъ последнее.

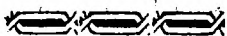
Жизнь Священника должна быть непрестаннымъ примѣромъ и доказательствомъ того, чему онъ учитъ. Мало для него удерживаться отъ дѣяній постыдныхъ; его языкъ и слухъ всегда дол-

должны бытъ предостерегаемы отъ того, что стыдъ производить. Онъ долженъ удаляться отъ всякой непристойной шушки, и удерживаться отъ всѣхъ грубыхъ словъ. Наука, которая имъ болѣе всѣхъ приличествуетъ, есть Философія, и то не Епикурейская и Пирроническая, а научающая познавать Бога и Его Промысль. Онъ можетъ, да и обязанъ читать книги: *Священное Писаніе*, *Исторію*, но ни подъ какимъ видомъ тѣхъ баснословныхъ и гибельныхъ вымысловъ, которые основаны на любовныхъ хитростяхъ.

Человѣкъ, посвятившій себя Богу, не можетъ много заниматься житейскими суедами, а обязанъ болѣе поучаться закону Божію, заниматься пѣніями духовными, многократно молиться Богу *днемъ* предъ лицомъ всѣхъ людей, а при наступленіи *ноги* въ шайнъ; разсуждать всегда о премудрости небесной, жить въ чистотѣ и смиреніи.

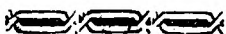
Священники могутъ бытъ въ публичныхъ мѣстахъ, но рѣдко должны входить въ суды, и то развѣ для защищенія несчастныхъ. Они паче всего должны стараться убѣждать народъ исполнять неотлагаемый долгъ милосыни.

Недостойные Священники должны быть изъ сего званія изключаемы; но доколѣ они бывають еще на своемъ мѣспѣ, должно уважать ихъ, каковы бы они ни были.

О безсмертіи души.

Мы не изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что душа погибаетъ прежде тѣла, или съ нимъ вмѣстѣ. Мы почитаемъ ее *безсмертною*. И когда такъ думаемъ, въ то время утверждаемся въ справедливости сей истинны не на словахъ и мудрованіяхъ человѣческихъ, а на свидѣтельствѣ самаго Бога — Бога, которому паче всѣхъ извѣсны сіи истинны, и знаніе сіе въ разсужденіи его необходимо.

О Философіи.

Можно ли сказать, что *Александръ* болѣе сдѣлалъ, нежели *Сократъ*? — Се-му мы обязаны премудростію *Платона*, искусствомъ *Ксенофонта*, мужествомъ *Антисфена*, Философіею *Еретріана*, *Себея*, *Федона* и прочихъ, не говоря о тѣхъ знаменимыхъ мѣстахъ, въ кото-рыхъ

рыхъ потъ же учитель произвелъ такъ называемыя Лицеи, Порпики, Академіи. Скажите же мнѣ теперь, какое добро произвели въ свѣтѣ *Александровы* побѣды? Преобразили ли онѣ правленіе какого нибудь города въ лучшее состояніе? исправили ли чьи нравы въ особенностяхи? Онѣ обогатили многихъ — это правда; но никого не сдѣлали ни воздержнѣе ни умнѣе. Плодъ, копорой онѣ произвели даже для самаго побѣдителя, состоялъ токмо въ умноженіи его высокоумія и гордости. — Но всѣ, которые исправляются и въ лучшее приходятъ состояніе посредствомъ Философіи, — сею спасительною перемѣною одолжаются *Сократу*.

Философъ представляетъ въ свѣтѣ лице важное. Онъ не токмо можетъ давать полезныя совѣты обществу, но еще важнѣе — онъ умѣетъ подать добрый примѣръ. Его дѣянія бываютъ подпорою его ученія. Какъ онъ самъ въ себѣ есть то, чѣмъ хочетъ, чтобы и другіе были: по сему жизнь его есть лучшая и дѣйствительнѣйшая совѣтница, нежели повелѣнія шѣхъ, которые ничего болѣе не знаютъ, какъ только повелѣвать другими.

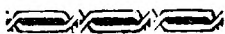
Поелику я спарался быть *Философомъ*, то боюсь, чтобы въ томъ вѣкъ,

въ копоромъ еще очень много имѣютъ предубѣжденій въ разсужденіи Философій, не заставили ее отвѣчать за мои погрѣшности. Я молю Бога, чѣмъ Снъ послалъ мнѣ съ нею счастье и благо-разуміе. Я всегда болѣе всего имѣю нужды въ помощи Божіей, а попомъ уже и въ помощи Философовъ. Вы должны всѣмъ споспѣшествовать моимъ намѣреніямъ; успѣхъ въ оныхъ возродитъ во мнѣ благодарность. Я никогда себя того не присвою, что посредствомъ меня произведутъ другіе, и, сколько требуется справедливость, всякое доброе дѣло относя не къ себѣ, но къ Верховному Существо, котораго мы бываемъ только орудіями, я васъ прошу присоединиться ко мнѣ для принесенія единокорной благодарности *благодати* Его.

Чтобъ быть мудрымъ, должно взирать на необходимую зависимость нашу отъ Бога и законовъ, а не на владычество надъ равными себѣ и на то, чѣмъ заставляешь ихъ чувствовать свое величіе. Должно стараться о защищеніи бѣдныхъ прошивъ угнетеній богатаго, укрощать запальчивость, гнѣвъ, обиду, несправедливость, владеясь самимъ собою, умѣть управлять своимъ сердцемъ.

Без-

Безпокойство и насильственные искушенія иссушаютъ сердце. Они опнимаютъ нѣкоторымъ образомъ смѣлость воздѣвашь для моленія руки. Но когда въ сердцѣ нашемъ водворяется невинная радость и сладкое спокойствіе, тогда мы чувствуемъ ревность и надежду возсылать теплыя моленія Высочайшему Существу — *Богу*.

О воспитаніи.

Истинное знаніе не состоитъ въ громкомъ хвастовствѣ словами, а въ здоровомъ положеніи души, напоенной умными правилами въ разсужденіи добра и зла, честнаго и безчестнаго. По сему кто учитъ учениковъ своихъ тому, что ложно и несправедливо; мало, кажется, заслуживаетъ имя знающаго и честнаго человѣка.

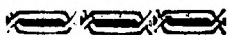
Ежели и въ разсужденіи малоспи языкъ несогласенъ съ мыслию: то сіе означаетъ во всякомъ случаѣ недоспашокъ справедливости и честности. Но говоришь такъ, а мыслишь иначе, о вещахъ важныхъ, и чрезъ сіе обманываешь юность, означаетъ торгъ, подобный торгу купцовъ, которые безсовѣстно хва-

ляшъ дурной товаръ для того, чшобъ его купили.

И такъ нужно, чшобъ Профессоры и учишели были люди честные, отличные отъ другихъ по своимъ дарованіямъ, а еще болъе по своимъ поступкамъ. Ибо не довольно, чшобъ они своихъ воспитанниковъ наставляли въ красноръчїи и въ другихъ наукахъ; но они болъе всего обязаны образовать честносїю ихъ нравы, и научать хорошему поведенію въ свѣтѣ.

Какъ мы не можемъ насильно удержатъ отъ болъзни тѣхъ, которые сами хошяшъ быть больными; а должны опшводить отъ того совѣтами; такъ должно поступать и съ незнающими; не нужно ихъ наказаніемъ склоняшъ къ какому нибудь дѣлу, а снисходительными наставленїями. Мы не должны ошибки другихъ ненавидѣшъ, а обязаны сожалѣшъ объ нихъ. Въ дурныхъ поступкахъ тѣлесныя наказанїя людей не исправляющъ; и такъ во всемъ болъе нужны совѣты. Между всѣми наиначе должны быть *терпѣніе* и *согласїе*. — По сему тѣ, которые въ заблужденїи находятся, не должны негодовать на тѣхъ, кои слѣдующъ истиннѣ; а сіи не должны огор-

огорчаться шѣми, которые заблуждаютъ больше по невѣденію, нежели по предразсужденію.

О должностяхъ Государя.

Существенная должность Государя состоятъ въ подражаніи Богу; а подражаніе Богу означаетъ не имѣть ни въ чемъ недоспашка, и, сколько возможно, всякому дѣлать добро.

Необходимо нужно, чтобъ Государь по наружности своей хотя бы и представлялся человѣкомъ; но по внутреннимъ своимъ чувствованіямъ возвышалъ бы себя надъ человѣчествомъ; чтобъ онъ въ душѣ своей искоренялъ все, что есть общее съ живыми, *т. е. страсти*. Словомъ, онъ долженъ быть *чистымъ духомъ*, — онъ долженъ быть *Богоподобнымъ*.

Добродѣтельный Государь, Государь великій, долженъ хвалиться не только щасливымъ успѣхомъ дѣлъ своихъ, но даже справедливостію своихъ предпріяній.

Человѣкъ самый добродѣтельный состоитъ изъ разума и страстей; но чисный законъ есть разумъ страстей

непричастный. И сей - то законъ долженъ царствовать въ лицѣ Государя; къ нему онъ непремѣнно долженъ быть приведенъ, а не къ тѣмъ, которые сдѣланы внезапно, для особенныхъ случаевъ, и изданы законодапелями, которые сами никогда не слѣдовали правиламъ разума. Законы же, изданные мудрыми людьми, очищающіе духъ и сердце, наполненные справедливостію, почерпнутые изъ самой природы, не ограничиваясь одними настоящими обстоятельствомами, втекающъ въ самую существенность правленія, и обязывающъ къ исполненію себя всѣхъ членовъ общества.

Искусные лѣкари подслащаютъ свои лѣкарства, и стараются горестъ ихъ для принимающихъ оныя сдѣлать пріятною. Они вникающъ подробно во всѣ болѣзни, даже и въ маловажныя, съ тѣмъ, чпобъ предохранить больнаго отъ опаснѣйшихъ; а по сему больные во всемъ имъ повируются. Такимъ же образомъ долженъ поступать и Императоръ. Ежели онъ жестокъ, жестокость его должна быть не безъ границъ, а пошребно ей быть умѣряемой снисхожденіемъ. — Не во всемъ должно поступать по собственному предразсужденію, а иногда надобно смотрѣть на людскія наклонности. Со-

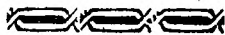
Солонъ, премудрый *Солонъ*, заплашивши всѣ долги, и чрезъ сѣе освободивши народъ Аѳинской опѣ ушѣсненія богатыхъ, не оставилъ себя безъ упрековъ; поелику друзья его, которыхъ совѣшу въ семъ дѣлѣ онъ послѣдовалъ, употребили сей случай къ своему обогащенію. Столько-то прудно, когда бывающъ на спешени Царской, избѣжашъ сихъ прискорбныхъ слѣдствій, при намѣреніяхъ добрыхъ, и дѣлахъ правильныхъ, при самой справедливости и безкорыстїи.

Государь, слушающій злобныхъ людей и ласкашелей, дѣлаешся ихъ невольникомъ; и когда онъ не любитъ честныхъ людей: тогда шѣ, которые дѣлающя его друзьями, изрываютъ ему пропасть для паденія его и безчестія. По сему много ему надлежитъ спарашься о помѣ, чтобы никогда не предпочеть ласкашеля *другу*.

Хоченъ ли кто щасливо и со славою царствовать? — долженъ быть благочестивъ, воздерженъ, бдигеленъ, въренъ въ разсужденіи друзей своихъ, исполненъ челоуколюбія къ низшимъ; долженъ любить подчиненныхъ, какъ *Богъ всѣхъ любитъ*. — Государи! подавайше взирающимъ на васъ примѣръ добродѣтелей,

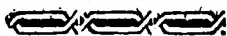
лей, не показывайше себя никогда невольниками своихъ спраспей. По сему мудрому поведенію жизни вы явитесь любезными Божесшву; *добрые* васъ будущъ почиташъ, а *злые* бояться; для *первыхъ* вы будете ушъшеніемъ, а для *последнихъ* страхомъ.

Доселъ многіе почти разумѣющъ Дворъ мѣспомъ двуязычія и ложной полипки, которую всъ на словахъ хваляшъ, а въ сердцѣ проклинаяшъ; — однако Дворъ не шаковъ. Вреднаго двуязычія въ нашемъ обращеніи болѣе уже не видно; мы живемъ свободно и честно; мы себя уличаемъ въ ошибкахъ, когда сіе нужно; мы опкрываемъ другимъ самую истинну, и дружество наше не терпимъ хипроспей. — Буди навсегда прославлено сіе шѣсное соединеніе! — Мы имѣемъ шасшіе шрудиться безъ усалости и принужденія; при семъ наслаждаемся и опдохновеніемъ, не прешаваая однакожъ шрудиться.

О великихъ людяхъ.

Дѣйствія великихъ людей не иное что суть, какъ публичныя спроенiя. Правительство полагаетъ онимъ основанiе, а прочiе его довершаютъ. Послѣднiй пришедши поставляетъ на немъ свое имя, хотя онъ ничего не сдѣлалъ, какъ только ошпукашурилъ спѣны. Прямо великiе люди были *Сцилiоны*, *Камиллы*. Они не присвоили себѣ чужихъ трудовъ, и не похишили для себя чужую славу. Они сами положили правило своимъ дѣйствiямъ, сами ихъ исполнили; и по сему заслужили себѣ славныя имена.

О щастiи.

Благополучiе, основанное на щастiи, рѣдко бываетъ благополучiемъ твердымъ, не смотря на то, что управляющiе другими не могутъ, такъ сказать, дышать безъ него.

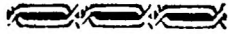
Пусть человекъ, о копоромъ говоритъ *Диогенъ*, не имѣющiй ни опечесства, ни дома, не добивается до щастiя и не ищетъ себѣ добра. *Всякому своя воля*. Но предполагаешь, что его
сила

сила и спокойствіе не зависяптъ отъ того, кому ввѣрены народы, и кто обремененъ безконечными заботами, означаетъ утверждающее спранные и нелѣпое мнѣніе. И когда надлежитъ согласиться, что Государь обладаетъ счастьемъ другихъ: то съ какимъ благоразуміемъ и предосторожностію онъ долженъ блюсти себя въ равновѣсіи, умѣя управлять въпрямъ счастія столь же искусно, какъ мудрый кормщикъ?

Величайшая трудность не въ томъ состоятъ, чтобы удержатъ или основать атаку, когда уже объявлена война, но въ томъ, чтобы показатъ себя достойнымъ дружества прежде, нежели началась война. Воспоржествовалъ нѣкогда надъ многими побѣдитель Азіи, и при всемъ томъ онъ былъ гораздо несчастнѣе *Дарія* и *Ксеркса*, которыхъ престолы онъ низложилъ. — Вотъ подводный камень, о которой разбились Персы, Македоняне, политическое состояніе Афинянъ, Аристократическое правленіе Лакедемонянъ, столько полководцевъ Римскихъ, и при томъ цѣлая шолпа Государей. Я бы не окончилъ еще исчисленія сего, ежели бы предпринялъ показатъ всѣхъ, кому богатство, побѣды и удовольствія служили въ погибель.

Съ

Съ другой стороны сколько душъ свободныхъ, благородныхъ, добродѣтельныхъ упало подѣ шяжестію нещастія! Погрузившись въ бездну злоключеній, они учинились пресмыкающимися невольниками, предметами презрѣнія и посмѣянія даже тѣхъ обществъ, которыя имъ прежде удивлялись. Для чего мнѣ здѣсь исчислять ихъ? Дай Богъ, чшобъ сіи плачевные примѣры менѣе были видимы въ свѣсѣ! Но ихъ видятъ и всегда будутъ видѣть, доколѣ живъ будущъ человѣки.

О дружествѣ.

Чшобы любить, надлежитъ узнать; а чшобы узнать, нужно испытать. Я вхожу въ дружество съ великою предосторожностію.

Иногда ласкашель оказываетъ смѣлость и откровенность друга. Но онъ есть кузнецъ, подкрасившій себя припираниемъ и румянами, надѣвшій бѣлое платье, чшобъ, естли можно, жениться на дочери чеснаго человѣка.

Когда ты избралъ себѣ друзей, почитай ихъ какъ друзей; живи съ ними со-

согласно, благородно и чистосердечно. Размышляй, что ты объ нихъ долженъ говорить; ибо ничто такъ не обидно, какъ нарушать довѣренность друзей своихъ.

Должно ли ожидать, чтобы насъ всегда звали въ гости? Или иногда должно предупреждать прошеніе друга? — Должно стараться имѣть дружество не церемонное, требуя отъ друзей такого же обращенія, каково наше; — словомъ, чистосердечнаго обхожденія, сердечной привязанности.

За что любятъ людей, которые жили шому уже 15 или 20 вѣковъ? — За то, что они были *добродѣтельны*.

Не продолжительною пересылкою писемъ, а живостию чувствованій должно измѣрять дружество. — Сладко другу быть *любиму* отъ своего друга!

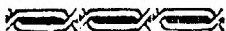

О самолюбїи.

Всякой уважаетъ образъ своихъ мыслей, и другихъ презираетъ. Кпо перпѣливо сноситъ нравы, противные своимъ: тошъ для меня кажется гораздо достоинѣйшимъ почтенія и похвалы, нежели кпо ими огорчается. Нравы тако-го челоѣка гораздо прїятнѣе.

Дурные музыканты, худые стихотворцы несносны шѣмъ, кои ихъ слушають; но природа ихъ такъ произвела, что они сами собою прельщаются.

Быть щасплымъ и быть вмѣстѣ хвалимымъ, сушь двѣ вещи между собою противныя.

О злословіи.

Кпо злобно говоритъ, тошъ мучитъ шѣхъ, кои его слушають. — Одобрять обиду, означаетъ чувствованъ удовольствїе отъ злословія; и хощя ты самъ ничего обиднаго не говоришь, все остаешься, хваля обиду, виновнымъ въ злословіи.

И

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
СТАНИСЛАВА.

* * *

*Animi divini est, semper aliquid
boni cogitare.*

DEMOCRATES.

В В Е Д Е Н І Е.

Безъ сомнѣнія болѣе видно своенравія, нежели справедливости, и болѣе также ругательствъ, нежели совѣтовъ найдется въ великомъ множествѣ сатиръ и эпиграммъ, сдѣланныхъ противъ нашего вѣка. Его не токмо не сравниваютъ, но поставляютъ гораздо худшимъ предъ вѣками *Перикла*, *Августа*, *Лудовика Великаго*. И всего удивительнѣе то, что первые изъ поносителей вѣка нашего суть тѣ, которые ищутъ средствъ къ прославленію его.

И подлинно не чудно ли, что когда духъ Философовъ силится опровергнуть и уничтожить предразсужденія: тогда напротивъ многіе писатели стараются опорочить знанія, которыя ихъ просвѣщаютъ, и домогаются произвести противъ вѣка, въ которомъ они имѣли щастіе родиться, безчестныя мысли.

Но не входя ни въ малѣйшее изслѣдованіе, клонящееся къ утвержденію, скольшакое поношеніе есть несправедливо и

противно патріотическому чувствованію, довольно примѣшшь и то, какіе плоды произвела Философія и прочія науки чрезъ цѣлое пятидесятилѣтіе. — *Людвигъ XV* пріобрѣлъ всю славу своего правѣда. Царствованіе его есть царствованіе особеннаго мужества, премудрости, и составляетъ примѣръ для многихъ знаменитѣйшихъ государствъ во всѣхъ частяхъ Европы. Какой вѣкъ видѣлъ больше Героевъ и вмѣстѣ Философовъ на престолѣ сѣдящихъ? — Мы не говоримъ здѣсь о Монархѣ Философѣ, которой, будучи почитаемъ примѣромъ восхожденія добродѣтели на степень счастья, составляетъ одно лице изъ тѣхъ, которые торжественно опровергають противниковъ своего вѣка. Но издавая въ свѣтъ *Духъ Станислава благотѣльнаго*, мы намѣреваемся изобразить его сколько можно естественнѣе, или такъ, какъ бы *самая душа* его была изображена въ его сочиненіяхъ. Да и что мы можемъ прибавить къ его изящнымъ качествамъ, когда они сами собою составляютъ похвалу высокую и громкую для сего великаго Государя?

Станиславъ Лещинскій, по своему рожденію, добродѣтелямъ и дарованіямъ буду-

будучи весьма достоинъ управлять пре-
споломъ своего отечества, въ самомъ
дѣлѣ былъ на оной возведенъ въ 1704
году. Всему свѣшу извѣстно, что не-
пріязненность *Карла XII*, Короля Швед-
скаго, которому онъ во всѣхъ сражені-
яхъ геройски соповариществовалъ, бы-
ла причиною возмущенія въ государствѣ —
возмущенія, въ бытность котораго *Стани-
славъ* лишился своего скипетра. По смер-
ти *Августа Саксонскаго* новое избраніе
Станислава и возстановленіе его зако-
новъ ни къ чему иному не послужили,
какъ къ изъявленію доказательствъ по-
чти неслыханныхъ мужества и величія
души его, и къ возвращенію ему чести,
которую *Фридерикъ Августъ*, соперникъ
его, у него восхищилъ. Когда Промыслъ
возвратилъ ему потерю его короны, и
вдохнулъ *Лудовику XV* желаніе отдать
ему другую вмѣстѣ съ Августѣйшею
своею дочерію: тогда при семъ щасшли-
вомъ оборотѣ онъ скоро позабылъ пре-
жнее свое положеніе, сдѣлавшись Наслѣд-
никомъ Герцогства *Лотарингскаго* и *Ба-
варскаго*, коихъ благополучія виновни-
комъ и утѣшеніемъ онъ былъ болѣе по-
чти 27 лѣтъ.

По примѣру *Марка Аврелія Антонина*, коего всѣ правила давно уже ему были извѣстны, ежели онъ чѣмъ упѣшался при воспріятіи высокой должности самодержавія, по оказываніемъ чувствій добродѣтельнаго Философа и шѣмъ, что предпринималъ всѣ мѣры, и употреблялъ всѣ силы сдѣлать подданныхъ своихъ щасливыми. — Возстановленіе всеобщаго благополучія и многія смутныя обстоятельства, препящывовавшія возникнуть сему возстановленію въ Польшѣ, были первымъ предметомъ высокой его полишки. Онъ желалъ всегда болѣе быть *отцемъ* своихъ новыхъ подданныхъ, нежели *Государемъ*, во все царствованіе свое оказывая весьма ясныя знаки благошворенія и челоѣколюбія. *Лотарингцы* съ своей стороны болѣе прочихъ старались заслужить любовь его и милоспи, и съ усердіемъ желали оказать ему то удовольствіе, чтобъ онъ управлялъ ихъ сердцами.

Воздвигнувъ храмы *Вѣтному*, открывъ прибѣжище бѣднымъ, имѣя попеченіе о воспитаніи нещасныхъ дѣшей, учредивъ посольства, украсивъ столицу, подкрѣпивъ торговлю щедротою, оказавъ великія милоспи для возстановленія

Изо-

изобилія и довольства въ своемъ государствѣ — *Станиславѣ*, кажется, не опу-
стилъ ничего, что бы могло учинить
безсмертною его благошворительную
Философію. Но сія самая Философія, ко-
торая побудила его произвестъ много
дѣяній, великому духу свойственныхъ,
требовала еще, чтобъ онъ оказалъ осо-
бенные знаки своего благоволенія и ува-
женія въ разсужденіи учености и знаній.
Она - то побудила его соорудить новое
святилище въ древнемъ замкѣ *Нанцій-*
скомъ, и учредить въ немъ ученое *Ло-*
тарингское обществ. Рѣчь, коею онъ удо-
стоилъ привѣстствовать сію Академію,
есть драгоценный памятникъ его мудро-
сти и прозорливости при семъ устанав-
леніи, и знакъ особеннаго почтенія къ
наукамъ и учителямъ, коихъ необходи-
мость и выгоды сей великій Государь
защищалъ весьма сильно противу всѣхъ
систематическихъ предубѣжденій *Женев-*
скаго Философа. А чтобъ гораздо болѣе
доказать уваженіе свое къ ученымъ обще-
ствамъ, Императору *Станиславу* очень
было пріятно, когда *Аркадская* Акаде-
мія включила его въ число своихъ Чле-
новъ. День включенія его безъ сомнѣнія
былъ день для сей Академіи радостишій,

и всегда будетъ знаменитою эпохою Музъ, поржествующихъ надъ неблагодарными своими гонителями. Такимъ-то образомъ Монархъ Философъ умѣлъ почитать знанія и науки, мудро управлять своимъ государствомъ, и споспѣшествовать щастію подданныхъ!

Но сего еще не довольно, что Императоръ *Станиславъ* покровительствовалъ науки и почиталъ ихъ: онъ самъ упражнялся въ оныхъ съ удовольствіемъ, съ успѣхомъ, съ чувствомъ благодарности. Во время нещастій онъ служили ему упѣшеніемъ, подкрѣпляли его добродѣтель, и ошъ упражненія въ оныхъ снискалъ онъ высокія мысли, единообразіе души въ щастіи и нещастіи, изящный духъ, основательность, краснорѣчіе, и всѣ тѣ дарованія, по которымъ ошъ всѣхъ отличаются различнаго рода сочиненія, вышедшія въ свѣтъ изъ его Философскаго кабинета. Нравственность, политика, высокія разсужденія, словесныя науки, — всѣми сего рода сочиненіями занято было трудолюбивое и блистательное перо его. Всего болѣе достойно удивленія то, что онъ, проводя жизнь всегда сообразную съ своимъ состояніемъ, всегда управляя самимъ собою по однимъ и тѣмъ же правиламъ

ви-

видамъ религїи , добродѣтели , человеколюбїя , дѣла свои принаровлялъ къ сочиненїямъ , а сочиненїя къ дѣламъ своимъ. Дѣла его всегда были живымъ и подражанїя достойнымъ испочникомъ его сочиненїй , а сочиненїя вѣрнымъ изображенїемъ его дѣланїй. Сей мудрый *Несторъ* Государей доказалъ собственнымъ примѣромъ , что не только науки и истинная Философія дѣлаютъ безсмертными Монарховъ , которые въ нихъ упражняются , но доказалъ еще и то , что всего приличнѣе Государямъ , подавать наставленїя свѣшу посредствомъ своихъ *сочиненїй* , а подданныхъ дѣлать счастливыми посредствомъ *благодѣланїй*.

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
СТАНИСЛАВА.

о благодѣяніи.

Дѣлать другихъ щастливыми — сего удовольствія нѣтъ пріятнѣе! Ничто насъ столько не утѣшаетъ, какъ оказываніе милосердія и вспоможенія несчастнымъ, которые всего того могутъ ожидать отъ подобныхъ себѣ, коимъ самъ Богъ препоручилъ объ нихъ попеченіе. Будучи споспѣшниками благоспей Божіихъ, благодѣтели исполняютъ свою должность, и тѣмъ возвышаются они надъ человѣчествомъ.

Одинъ человѣкъ самъ собою щастливымъ бытъ не можетъ; а тогда онъ будетъ такимъ, когда щастіе свое будетъ раздѣлять съ другими. По сему всѣ побѣдители, всѣ великіе люди, каковы бы они ни были, не могутъ наслаждаться совершеннымъ благополучіемъ, ежели не будутъ стараться доставлять оное другимъ. Сама природа научаетъ насъ,
что

что мы не можемъ быть щасливы, развѣ чрезъ щастіе другаго.

Какое бы варварское сердце не могло чувствовать удовольствія отъ облегченія мученій несчастнаго? *Благодѣнія* несчастнымъ оказываемыя не суть сѣмена, повергаемыя въ бесплодную землю, которыя по долгомъ времени согнивши въ ней, не могутъ вновь возродиться; но *сѣмена*, приносящія обильнѣйшій плодъ всегда; и ежели я могу такъ изъясниться — самое намѣреніе оказать *благодѣніе*, есть почти время жатвы. *Благошворенія* суть такое сокровище, которое со дня на день пріумножается по мѣрѣ, какъ оныя въ дѣйство производяшъ.

Сіе только препятствуетъ иногда *благодѣтельству*, что мы, оказывая *благошворенія*, дѣлаемъ *одолжаемыхъ* нами *неблагодарными*. Но *неблагодарность* имѣетъ ли силу уменьшать цѣну *благодѣній*? Или она еще болѣе служитъ къ ихъ блеску и славѣ? — Сердце благородное, сдѣлавъ добро, должно ли награду своихъ дѣйствій относить къ *чувствованіямъ*, которыя не въ его власти, или оно должно полагать оную во *внутреннемъ удовольствіи*, которое всякой по содѣланіи добра чувствуетъ въ душѣ

душѣ своей? Ежели благошворитель можетъ иногда не чувствовашъ удовольствія, раждающагося въ сердцѣ отъ благошворенія: то можетъ ли онъ всякой разѣ примѣнить всѣ знаки благодарности, которую онъ заслуживаетъ отъ одолжаемыхъ? Не извѣстно ли, что средство пріобрѣсти благодарность состоитъ въ томъ, чтобъ не требовашъ благодарности? Домогаться оной какъ должнаго, означаетъ отдалять отъ себя оную и принуждать, чтобъ она нѣкогда-рымъ образомъ уничтожилась и совсѣмъ погасла.

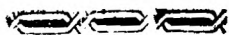
Тогда цѣнятъ и продаютъ свои благодѣянія, когда пребываютъ, чтобы они заплачены были чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ внутренняго удовольствія. Очень немногіе, получивъ благодѣаніе, остаются неблагодарными.

Благодѣянія, оказываемыя для корысти, столь низки, что не должно дивиться, когда многіе за нихъ нечувствительностію плащятъ.

Унижаютъ тѣ свои благодѣянія, кои желаютъ, чтобъ всѣмъ было извѣстно ихъ благошвореніе.

Добрая душа должна быть чувствительнѣе къ благодѣаніямъ, нежели къ огор-

огорченіямъ. Не должно исполнять съ хладнокровіемъ должностей человѣколюбія въ разсужденіи ближнихъ нашихъ. Кто дѣлаетъ добро по неволѣ, рѣдко случается, чтобъ оно во зло не обращалось.

О Государяхъ.

Чтобы Государь, знающій свои должности, любящій ихъ и исполняющій, милостіями и человѣколюбіемъ привлекающій всѣхъ почтеніе — почтеніе, коего самое его достоинство и власть силою и принужденіемъ пріобрѣсти не можетъ; чтобы Государь, другъ человѣковъ и своихъ подданныхъ, не наслаждался, ниже могъ наслаждаться чистымъ и совершеннымъ благополучіемъ — это бы весьма удивительно было. Однако на самомъ дѣлѣ сіе весьма часто случается. Ибо вокругъ его видны люди обманчивые и корыстолюбивые, которымъ добродѣтели его не нравятся въ то время, когда они всѣми силами стараются выхвалять ихъ; вокругъ его множество низкихъ, но гордыхъ сердецъ, которые будучи въ благоволеніи, оказываютъ себя неблагодарными, когда имъ ничего не остается болѣе къ

ВЫГО-

выгодъ своей претовашъ. Сколько вокругъ его и шакихъ людей, копорые будучи раздираемы различными спрашьями — завистію, ненавистію и честполюбіемъ, низвергающъ другъ друга, и вмѣспѣ соединяющъ для шого, дабы повредить Монаршія чувспвованія, ослабитъ его силу, и подъ видомъ хипраго повиновенія старающъ снискашъ его довѣренность для шого, чшобъ послѣ измѣнитъ оной. При семъ не смощра на всѣ Царскія дарованія, на добрыя его намѣренія, на самую его честность, злобные всегда находящъ въ немъ нѣкопорые пороки, *гестные* люди ошибки, *виновные* снисходительность.

Для Государей нѣшъ надежнѣйшаго и швердѣйшаго удовольствія, какъ протиспекающее отъ взаимной любви, ушвержденной между ими и ихъ подданными. И такъ шаспливъ попѣ Государь, копорой для снисканія любви своего народа не опускаешъ ничего, чѣмъ снискашъ оную можешъ.

Привлечь сердца означаетъ царствовать надъ ними; и сіе царшвованіе не предпочтительнѣе ли шого, копорое подкрѣпляешъ силою и властію? Безъ сомнѣнія; поелику сила и власть сами

по

по себѣ не могутъ быть пверды, когда Моцархъ любовію къ своимъ подданнымъ не заставитъ ихъ себѣ повиноваться.

Дѣло *воина* покорять и разрушать, а дѣло *Государя* спараться подданныхъ своихъ сдѣлать добрыми и щасливыми. Первому надобно имѣть враговъ, чрезъ которыхъ бы онъ могъ снискасть себѣ славу; а сей ни въ чемъ не имѣетъ нужды для своей славы, кромѣ того, чшобъ быть *любимымъ* отъ своего народа. Государь легко можетъ сдѣлаться *великимъ* человѣкомъ, а герой не всегда до того достигаешъ.

Власть законовъ есть основаніе власти Самодержца; исполненіе оныхъ составляетъ его безопасность. Онъ въ нихъ находитъ свою славу, славу несравненно вышшую пріобрѣтаемой оружіемъ отъ такихъ Государей, которые подъ малѣйшимъ предлогомъ благоприспоспости и корысти, или по одному спремленію разширить свои границы, для оказанія своей силы, ничего, кромѣ войны, не ищутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сей родъ славы можетъ умножить ихъ силу и величіе; но онъ по причинѣ пролитія крови очень дорого стоитъ человѣчеству. Государя для того ли начальниками поставляются

I

надъ

надъ подданными, чшобъ ими безъ нужды жершвовашъ изволенію своихъ спрашпей? Или они яко покровители и опцы должны содрогаться и того, когда необходимая крайность пребуешъ возбуждашь ихъ на защищеніе и соблюденіе опечества?

Свобода Государей не должна быть оплична опъ свободы его подданныхъ. Ибо не позволишельно ему желашъ всего, что шолько ешъ *возможно*; но онъ обязанъ, шакъ какъ и они, желашъ того, что *должно*. Въ шакомъ положеніи ему нечего будешъ бояться опъ своихъ подданныхъ, и его подданные болъе будшъ его *любить*, нежели бояться. Не опасаясь никакого безпокойства, онъ будешъ жить посредъ ихъ свободно; а они все благоденствіе, примъшное въ обществъ, къ нему опносите будшъ; и всъ наказанія, имъ учреждаемая, будшъ приписывашъ силъ законовъ. Онъ съ своей стороны будучи увъренъ, что шъ, которые исполняющъ его волю, подкръпляющъ и уважающъ власть его, никогда не подумаешъ, чшобъ усердіе ихъ и любовь къ нему могли угаснуть.

Не довольно для Государя искореняшъ злоупотребленія своего вѣка; онъ дол-

долженъ предуготовлять впредь предохранительныя средства въ разсужденіи всякаго нещасія: ибо не на время жизни его только судьба повѣрила ему правленіе народомъ; но надлежитъ, чшобъ его законы и примѣръ жизни управляли онымъ даже послѣ его смерти.

Государь ничего не можетъ сдѣлать полезнаго для опечесства, какъ вдохнушь ему великое и доброе понятіе о себѣ самомъ. Опъ внушеній Государя зависитъ, чшобъ народъ приверженъ былъ къ своему опечесству, даже съ нѣсколкою гордостію.

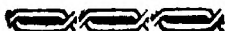
Умный человекъ не можетъ управлять государствомъ безъ твердости, и сія - то твердость служитъ погибелію для государства, управляемаго человекомъ неразумнымъ.

Государь легко можетъ снисхожденіемъ своимъ обезсилить власть свою; по сему онъ долженъ оказывать оное, но безъ всякаго повода къ злоупотребленію.

Нѣтъ ничего опаснаго въ Государѣ, какъ послѣ великаго сіянія мужества, измѣнять твердость свою въ слабость.

Тайна Царева должна быть запечатлѣнна молчаніемъ. Сколь щастливъ Государь, когда онъ во управленіи государ-

спвенныхъ доходовъ можетъ положишь-
ся на человѣка мудраго, просвѣщеннаго,
безкорыспнаго и вѣрнаго! Такой правитель
ежели бываетъ подлинно честный чело-
вѣкъ: то онъ есть сокровище, драгоцѣн-
нѣйшее всего шого, что ему ввѣрено.
Одинъ Король Польскій былъ проимено-
ванъ *Королемъ земледѣльцевъ*: ибо онъ
себѣ за удовольствіе поспавлялъ ихъ
защищать и имъ покровительствовашь.
Сіе имя безчестіе ли означаетъ болѣе,
или славу? Это я предоспавляю на рѣ-
шеніе Философій нашихъ временъ.

О щ а с т ѣ и.

Я никогда не понималъ, какъ мож-
но быть щаспливымъ, будучи безчест-
нымъ; и какъ можно быть честнымъ,
когда люди не бываютъ поспоянны въ
помъ соспоянїи, для котораго они рож-
дены самимъ небомъ? Птица погружаетъ
ли въ воду? Былинка не засыхаетъ
ли не на свойспвенномъ ей мѣстѣ? По
сему когда и люди жалуются на свое
соспоянїе, это значитъ, что оно имъ
не прилично, и что имъ не надлежало
бы вступашь въ оное.

Нѣтъ

Нѣтъ состоянія, которое бы само по себѣ служило къ щастію или къ несчастію нашей жизни; наши качества дѣлающъ ихъ такими, какими они намъ кажутся. Мы сами дѣлаемъ ихъ легкими или трудными, спокойными или безпокойными, пріятными или непріятными. Не простая хижина была причиною щастія *Діогенова*, ниже обширное Индѣйское государство могло само собою сдѣлать несчастливымъ *Александра*. Но *Цинику* угодно было жить въ своей бочкѣ, поелику онъ ничего не желалъ болѣе, кромѣ сего тѣснаго жилища, и по тому малымъ былъ доволенъ и щастливъ; а для побѣдителя *Азіи* и всей вселенной казалось все малымъ; ибо онъ не могъ положить границъ своему высокоумію; и такъ едва ли онъ когда былъ собою доволенъ и щастливъ.

Различные предметы нашего щастія подобны модѣ, которая нынѣ въ употребленіи, а завтра ее покидаютъ; нынѣ *новизною* своею прельщаетъ, а завтра *старинною* ее гнушаются. Участь ихъ болѣе зависитъ отъ своенравія, а не отъ разума: щастіе также бываетъ непостоянно и переменчиво. Оно подобно рѣкѣ, которая по времени прибываетъ

и умалляется; и хотя она чаще бываетъ въ струяхъ своихъ прозрачною, однако же не рѣдко въ печеніи своемъ бываетъ и мутною.

Щастіе, состоящее въ почтеніи и дружествѣ, котораго мы съ алчностію повсюду ищемъ, — щастіе споль драгоцѣнное для душъ благородныхъ, есть такое благо, безъ котораго никакъ обойтись не можеть. Оно есть дѣйствіе природы, дѣло разума, удѣлъ достоинствъ. Напрасно его ищутъ въ себѣ самихъ, оно содержица во власти намъ подобныхъ; опъ ихъ намъ должно ожидать его, и мы должны стараться заслужить его. Какимъ же образомъ? Ласкою искреннею, учтивостію нелицемѣрною, уваженіемъ непринужденнымъ, и прочими знаками почтенія, которые бы мы сами желали опъ другихъ видѣть. И такъ нужно намъ любить другихъ, *любить вистымъ сердцемъ* за то, что они могутъ быть цѣнителями нашихъ дарованій и нашихъ добродѣтелей; за то, что ихъ благосклонныя мнѣнія насъ утѣшаютъ, а голоса поддерживаютъ наши заслуги; за то, что они могутъ быть совершенными виновниками нашего щастія, обнадеживая насъ ободреніями,

пс-

поощряющими насъ къ большимъ успѣхамъ.

Удовольствія душевныя, которыхъ очень не многіе ищутъ — ибо не знаютъ цѣны ихъ — суть несравненно ласкиѣе и полезнѣе удовольствій чувственныхъ. Они зависяшъ отъ насъ самихъ; ибо въ нихъ нѣтъ ничего, что бы было не наше. Они суть *гисты*, потому что они ни съ чѣмъ не смѣшаны; всегда *одинаковы*, ибо страхъ не можешъ повредить ихъ, и скука никогда за ними не слѣдуетъ; всегда *тверды*, ибо одинъ возрастъ не гнушается тѣмъ, чѣмъ въ другомъ наслаждаются. Сія удовольствія заключаются въ дружествѣ, въ сосраданіи, въ челоуколюбіи, въ благодарности, въ удаленіи отъ чувственныхъ удовольствій, въ честности и въ исполненіи нравственныхъ добродѣтелей. Изъ сихъ нѣтъ ни одного, о комъ бы мы возимѣвъ понятіе, не могли имъ плѣниться. Каждое такое удовольствіе имѣетъ естественную свою красоту, которая ихъ дѣлаетъ всему свѣшу любезными, и привлекаетъ къ себѣ самыя грубыя души. Всѣ *вообще* находятъ въ нихъ корысть свою, и всякой *въ особенности* щастіе свое.

Щастіе, сколько бы ни было велико, еще бываетъ больше, когда насъ почитаютъ достойными онаго.

На что убѣгать несчастныхъ? Состояніе ихъ заставляетъ насъ чувствовать цѣну щастія, которымъ мы обладаемъ.

Всѣ средства, употребляемые хитрымъ образомъ къ достиженію щастія, отправляютъ наслажденіе онаго; одно только надежнѣйшее средство, которое само по себѣ есть уже щастіе, состоитъ. . . *въ правильномъ употребленіи разума.*

Познавать и чувствовать свое щастіе, означаетъ усугублять сладость онаго.

Во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ находится общее чувство, которое понудило первобытныхъ людей соспавить общества — общества, которыя, достигнувши того вида, въ какомъ находятся нынѣ, необходимо пребывая опъ насъ того, чтобъ они были въ порядкѣ, въ ненарушимости. Сіе чувство есть стремительное и непрерывное желаніе щастія. Оно есть общее всѣмъ возрастамъ, всѣмъ характерамъ, всѣмъ климатамъ, всѣмъ состояніямъ жизни. Оно болѣе, или менѣе

менѣ влечетъ къ предметамъ, могущимъ его удовольствовать, и влечетъ всѣхъ безъ извѣстїя.

Истинное щастїе жизни не состоитъ въ томъ, чтобъ быть всегда щастливыми; ибо сколько бы мы ни умѣряли нашихъ желаній, никакъ не можемъ считать себя безопасными отъ непредвидимыхъ прошивныхъ оборотовъ въ жизни. Болѣе всего не должны мы поспавлять своего щастїя въ непомѣрныхъ чувственныхъ увеселенїяхъ; ибо всякое пылкое удовольствїе чувствъ опасно. Да почерпаемъ наше щастїе изъ единыхъ добродѣтелей такъ, дабы при осщавленїи временнаго щастїя нашего съ жизнью сею, ничто не могло намъ препятствовать къ полученію блаженства въ вѣчности.

Щастїе самое совершенное имѣетъ въ себѣ, такъ сказать, худыя мокроты, которыя его повреждаютъ, дѣлаютъ непрїятнымъ, и которыхъ не можно ни узнать ни опредѣлить въ то время, когда ихъ дѣйствїя бывають очень чувствительны. *Лукрецій* назвалъ оныя *внутреннею и скрытою болѣзнію*, или порокомъ, которой зараждается и существуетъ въ самомъ совершеннѣйшемъ добрѣ. Оныя его портятъ и разливаютьъ горькую
I 5 желчь

желчь въ сердцѣ, чувствуящемъ добро, и дѣлають насъ хладнокровными къ тому, чѣмъ мы наслаждаемся. Но сей внутренній порокъ, сія пошанная болѣзнь, сей скрытый червь, отъ котораго засыпаетъ наше щастіе, не въ насъ ли болѣе находишься, заражаясь и возрастая отъ поврежденія нашихъ чувствъ? Не происпекаетъ ли онъ отъ несходства склонностей нашихъ съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ мы находимся, и въ которомъ не обрѣщаемъ желаемаго удовольствія?

Ежели бы всякой занималъ свое мѣсто, то всякой былъ бы щастливъ; — но никто недоволенъ тѣмъ, которое ему по опредѣленію Промысла въ удѣлъ досталось, и въ разсужденіи котораго онъ получилъ всѣ способности, долженствующія втекатъ въ оное. Всѣ, перемѣняя состояніе, предполагають невыгодность своего мѣста, а по сему почитаютъ себя опредѣленными для другаго выгоднѣйшаго, нежели въ какомъ находятся. Отъ сего — то происпекаетъ всеобщее несчастіе человѣчества.

Щастливы мы, или несчастливы, надежда насъ ободряетъ и питаетъ. Такова есть превращенность вещей человѣческихъ!

скихъ! Она оправдываетъ всѣ наши замыслы взаимною переменною добра и зла. Мы не имѣемъ причины того бояться, чѣмъ гнушаемся; и также не имѣемъ причины, чтобы то, чего мы желаемъ, непременно съ нами случилось.

Чтобы жить щасливо, изъ всѣхъ надежнѣйшее средство есть то, чтобы не быть разсѣяннымъ въ своихъ мысляхъ, знать самага себя, господствовать надъ своими склонностями, очищать цвѣтъ добродѣтели отъ черноты пороковъ, быть въ согласіи съ собственнымъ сердцемъ, любить его внушенія — ибо оно всегда говоритъ истинну — ушѣшаешься съ нимъ вмѣстѣ, и наконецъ, живя въ мірѣ, умѣешь непрестанно превозноситься надъ его прелестями.

Изъ всѣхъ чувственныхъ удовольствій всякое дорого цѣнится, судя по самому желанію. Минуту оными наслаждаясь, мы уже скучать начинаемъ; а всего удивительнѣе и прискорбнѣе то, что сія скука рождается въ насъ отъ нужды, или хотѣнія прочихъ удовольствій, которыя большее могутъ нанести намъ уныніе, нежели первыя. Вотъ обыкновенное дѣйствіе чувственныхъ удовольствій!

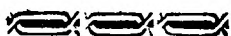
Удо-

Удовольствія , коими мы обладаемъ , никогда не соотвѣпствуютъ стремленію нашихъ желаній . Когда ищущъ счастья , тогда въ неизвѣстности обрѣтенія всѣ пишающся надеждою ; а когда его сыщущъ , тогда забывъ всѣ едва преодолимыя препяпствія , гоняющся за другимъ благополучіемъ .

Я думаю , что нѣтъ удовольствій , которыя бы сами по себѣ существовали , а наши чувствованія дающъ имъ бытіе ; ибо все , что мы ни находимъ привлекательнаго , все то происходитъ отъ нашихъ чувствованій , менѣе или болѣе живѣйшихъ , менѣе или болѣе различныхъ и сходныхъ съ другими людьми . Искать сущности удовольствій , было бы то же , что искать сущности въ *горькомъ* и *сладкомъ* . Всякая прелестъ отъ насъ зависишь . Мы сами обезображиваемъ вещи , или дѣлаемъ ихъ пріятными по своей воли , и мы очень неразумительны и неискусны въ уваженіи или въ презрѣніи ихъ призраковъ , коими обыкновенно сущность вещей мы прикрываемъ .

Все , чего отъ насъ требуетъ природа , пріятно . И такъ желанія свои мы должны соразмѣрять своимъ нуждамъ и способностямъ . А кто желаетъ себя къ
чему

чему нибудь принудить: потѣ раздражаешь природу, и сіе для него не можешь быть безъ наказанія. Тогда только мы можемъ быть спокойны, когда сохраняемъ равновѣсіе между нашими желаніями, и предметами шребуемыми отъ природы. Великая наука не шребовать *болѣе*, нежели *околько природа* шребуешь, и во всемъ, что намъ нужно, предашь на ея волю; однако всѣ желаютъ шого, чего только желать можно: потому и дѣлають шо, что имъ угодно.

О безвѣріи.

Что безразсуднѣе? заблужденія ли идолопоклонниковъ, или *Действъ*, которыхъ нынѣ очень много? Тѣ почитали низкихъ насѣкомыхъ, поелику вѣрили, что они боги; а наши Философы думаютъ о Богѣ очень вольно, ничего не опасаясь. Первые не почитали себя швореніями своихъ идоловъ, а только приносили имъ жершву куреній; а вторые созерцають Создателя своего въ Богѣ, и не хотятъ воздавать Ему должнаго почитанія. Лучшіе умы изъ древнихъ боялись раздражить боговъ, которые не имѣли

имѣли никакой силы; а наши мудрецы пели приписываютъ Богу всякое могущество, и при всемъ томъ не преспаютъ презирать Его правосудіе. Одни допускали Промыслъ и ничего не предпринимали безъ совѣщанія съ своими богами; а другіе все приписываютъ случаю, и не косящъ причину несчастій съ ними встрѣчающихся находить въ себѣ самихъ. Словомъ, шѣ желали бытъ одолжены всѣмъ своей вѣрѣ, хотя она, дабы заспавить ихъ себѣ бытъ покорными, никакой особенной награды имъ не обѣщала; а сіи вѣру свою опвергаютъ, не смотря на то, сколь она *утѣшительна* по своей нравственности. И такъ *Демсты*, не имѣя никакихъ правилъ, до управленія *настоящей* жизни касающихся, не предполагаютъ никакой для себя цѣли въ жизни *будущей*.

Какъ! сіи блистательные умы, напыщенные своими дѣлами, ослабленные своими дарованіями и упоенные высокимъ воображеніемъ, что они достигли до самой вышней степени прозорливости, какая только бытъ можетъ въ челоуѣкѣ — сіи высокомерныя швари, которыя съ вышины своей атмосферы съ жалостію
смо-

смотрятъ на непросвѣщеніе, на вѣру, и на киченіе прочихъ смертныхъ; — какъ! сіи мудрецы столь суепные, занимающіеся *только* собою, подкрѣпляютъ мнѣнія, прямому благородству человѣка противныя; мнѣнія, которыя предвѣщаютъ имъ самимъ совершенное разрушеніе! — Смерть пресѣчетъ жизнь ихъ, и все для нихъ съ нею кончится!... Съ какою безразсудностію могутъ они унизиться до такого пункта, что почитаютъ себя опредѣленными по смерти на совершенное уничтоженіе со всѣмъ бытіемъ своимъ? Какъ! на ту часть себя самихъ, о которой они размышляютъ съ столь глубокими умствованіями, которую они посредствомъ знаній сдѣлаютъ лучшею непреспанно пекущая, которую они желаютъ болѣе и болѣе украсить для опличенія себя отъ прочихъ шварей, и другъ предъ другомъ стараются успѣть совершеннѣе; — на ту часть они смотрятъ, яко на близкую къ вѣчному истребленію, и по разрушеніи вмѣстѣ съ тѣломъ во гробъ ихъ имѣющую въ прахъ превратиться! — Кто бы не удивился столь спрашному противоположенію ихъ мыслей съ ихъ дѣяніями?.. Отъ чего же столь много примѣтно гордости въ людяхъ, не надѣющихся
жить

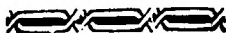
жить вѣчно? Какъ они могутъ отвергать *вѣчность* при толкомъ высокоуміи?

Жребій сей равенъ съ жребіемъ безсловесныхъ, и къ нему — то Философія, пышная по одной только наружности, не престаешь прилѣпляться? И такъ какой конецъ имѣютъ ихъ глубокія мудрованія и многотрудныя изысканія таинствъ природы? Открытіе очень важное: „ Не будетъ вѣчности. „ Но о когда бы они постарались согласить сіе открытіе съ тѣмъ внутреннимъ самолюбіемъ, которое увеличиваетъ ихъ предъ собственными ихъ глазами! съ тѣми характерами величія и благородства, которые самой подлой челоуѣкъ въ себя примѣчаетъ; съ тѣмъ желаніемъ безсмертія, которое непрестанно увѣряетъ насъ о вѣчности бытія нашего: — тогда бы мудрованіе ихъ перемѣнилось въ истинную премудрость.

Ежели лишитъ себя жизни есть вышшая степень безумія и бѣшенства: то какая польза и на то употреблать разумъ, дабы унижать себя до степени животныхъ безсловесныхъ, и со всякимъ жаднокровіемъ лишать себя надеждъ, какими пишаетъ насъ будущее блаженство, безъ котораго насюющая жизнь, СПОЛЬ

споль бѣдственнаѧ и крапкая , была бы больше наказаніемъ , нежели милосшію опъ Вышняго ?

Лицемѣры для того шолько служатъ Богу , чшобъ обманывать людей. Такіе люди гораздо виновнѣе и неизвинительнѣе, нежели самые безбожники, копорые оскорбляющъ Божество по своему заблужденію. Лицемѣры виновнѣе безбожниковъ и по тому, что они знаютъ Бога, почитаютъ Его, и вмѣстѣ надъ Онимъ, шакъ сказать, насмѣхаются. По симъ знакамъ нечестія они и злощаснѣе, нежели безбожники : ибо къ разогнанію мрака въ умахъ людей безбожныхъ часто многое способствуетъ и способствовать можетъ ; а лицемѣры всегда остаются въ ожесточеніи , всегда пребываютъ спокойны. Надобно бытъ чрезвычайному впечатлѣнію, чшобъ такое ихъ ожесточеніе и спокойствіе погасло въ ихъ сердцѣ. Сіе-то заставляетъ ихъ испытать, (чего бы я никогда знать не хотѣлъ) что самое страшное небесное наказаніе есть то, копорое упорныхъ наказываетъ, но не исправляетъ.

К

0

О совѣсти.

Ежели бы учреждены были законы для награжденія добрыхъ, такъ какъ они основаны для наказанія преступниковъ: то безъ сомнѣнїя изъ любви общаемыхъ наградъ число добродѣтельныхъ людей болѣе бы умножилось, нежели сколько уменьшается число порочныхъ отъ строгости опредѣленныхъ наказаній. Но ежели бы мы о семъ чаще разсуждали, то непременно такой судъ нашли бы въ своей совѣсти.

Развращенные люди отъ совѣсти всегда наказываемы бывающъ мучительными обличенїями за пороки самые тайные, а добродѣтельные отъ нее получающъ награжденіе за дѣла честныя, за дѣла самая скрытнѣйшія, освобождаясь не токмо внутренняго смущенія, но при томъ участвуя въ томъ спокойствїи, котораго никакая злоба и зависть нарушить не могутъ; участвуя въ томъ внутреннемъ удовольствїи, которое легче чувствовать, нежели изъяснить; участвуя наконецъ въ томъ наслажденїи добра, которое душу, могущую иногда забыть свою должностъ, насильно влечетъ къ исполненію оной. При всемъ томъ менѣе видно людей добродѣтельныхъ,

ныхъ, нежели сколько находится раз-
вращенныхъ. По сему видно не всё
единодушно почитаютъ то за истинну,
справедливость, честность и добродѣ-
тель, что одобряетъ совѣсть, и за что
она готовитъ безцѣнную награду.

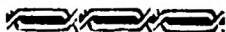
Не говоря о томъ много, можно ли
почитать *Аристида*, *Солона*, *Сократа*,
Фабія и *Сциліона* за то, что они поверг-
лись нѣкогда къ подножію кумировъ, ко-
ихъ мнимаго гнѣва они боялись? Ка-
кимъ образомъ невольники и долослу-
женія, обещающаго вмѣсто высочайшаго
благополучія крайнюю погибель, судя по
числу его гнусностей и по мѣрѣ наси-
лія, — какимъ, говорю, образомъ могли
они имѣть чувствованія столь благород-
ныя, чистыя, честныя, и нравы столь
строгіе, что могли собою для другихъ
служить примѣромъ? Какимъ образомъ
они могли сохранить воздержаніе, празд-
ную при неисновыхъ обрядахъ любодѣя-
наго *Юпитера* и безстыдной *Венеры*?
Какъ могли они быть неустрашими въ
сраженіяхъ, принося жершвы *Болзю*?
Какъ могли они уважать добро другаго,
почитая *Меркурія*; сносить безъ роптан-
нія и омерзенія смерть родительскую,
допуская жершвоприношеніе богу, умерш-

К а

ви-

вившему отца своего? И такъ справедливо, что чистый гласъ истинной совѣсти въ людяхъ такого рода мало дѣйствовалъ.

Гласъ совѣсти есть въ свѣтѣ судъ гораздо спрочайшій, нежели всякой судъ, установленный мудрымъ благочиніемъ. Онъ опличенъ отъ всѣхъ судилищъ своею дѣйствительностію и пользою. Онъ не имѣетъ орудій къ наказанію, но виновныхъ мучительно наказываетъ; онъ вездѣ и у всѣхъ народовъ одинаковъ. Всякой человекъ на семъ судѣ имѣетъ свой голосъ; невольникъ на немъ можетъ обвинять своего начальника, рабъ Государя. Честные только люди соснавляютъ судъ сей, и сами его ужасаются; преступники — и то самые наглые — не уважаютъ его святыхъ опредѣленій.

О добродѣтели.

Добродѣтель безъ пріятности и учтивства есть приманка безъ уды.

Человекъ разумный можетъ оказывать совершенства свои дарованіями своего разума; но не можетъ оказывать со-

со-

совершенство своихъ человекъ честный, не имѣющій въ себѣ никакого качества сердечнаго. *Нѣжность сердца* независитъ отъ наружной честности. — И такъ должно всякому имѣть всѣ добродѣтели, или по крайней мѣрѣ стараться пріобрѣсти ихъ. Заслуга честности отъ доброты сердца зависитъ.

Щастливѣе тотъ смертный, копорой, боясь удалиться отъ своихъ желаній или удовольствій, обуздываетъ ихъ, укрощаетъ, умѣряетъ, и управляетъ оными благоразумно; но тотъ еще *щастливѣе*, копорой, удаляя отъ себя все, что поражаетъ ихъ, ищетъ прямого удовольствія въ себѣ самомъ; копорой, не примѣчая никакого соотношенія между маловажностію и ничтожествомъ чувственныхъ существъ и между благородствомъ, неизмѣримостію и величественнымъ жребіемъ души своей, думаетъ, что удовольствія такія служатъ къ его стыду и униженію; копорой, будучи увѣренъ, что земля и вся вселенная не могутъ принести ему столько, сколько онъ самъ себѣ принести можетъ, на добро и зло смотритъ равнодушно; въ понятіи его скипетръ и посохъ представляють едино. Онъ презираетъ че-

К 3

сти,

спи, ничего не опасаясь; презираетъ богатства, ни мало ими не гнушаясь; презираетъ людскую славу, не почитая ее безславіемъ; презираетъ порочныхъ людей безъ всякаго поношенія и укоризны.

Сколько честныхъ людей уподобляется *Улису у Эламен!* — Они суть Герои, покрытые рубищемъ.

Всѣ изящнѣйшіе таланты, соединенные вмѣстѣ, не сплоскѣ одной добродѣтели.

Есть высочайшее для смертныхъ достоинство, которое само по себѣ не составляетъ достоинства, но всѣхъ превосходитъ; оно находится въ *гистомѣ сердца* челоуѣка.

Всѣ несчастіе челоуѣковъ, когда многіе изъ нихъ кажутся точно бытъ добродѣтельными, а въ самомъ дѣлѣ никогда такими не были!

Должно ли преславать бытъ добродѣтельнымъ для того, чтобы не подвергнутъ себя зависти и злобѣ? Какое было бы несчастіе, естъли бы солнце преслало свѣтитъ для того, дабы не помрачить зрѣнія слабыхъ!

О скромности.

Мы тогда не видимъ своего здоровья, когда онымъ наслаждаемся: такими же должно бы намъ быть, когда имѣемъ великой разумъ и просвѣщеніе.

Не всѣмъ прилично быть скромнымъ; но людямъ великимъ скромность необходимо попребна.

Ложная скромность сама собою открывається, попуская очень много развѣваться покрову, кошорой долженъ скрывать прочія добродѣтели.

Скромность равномѣрно попребна, какъ человеку имѣющему заслуги, такъ и не имѣющему оныхъ. Въ первомъ она придаетъ большую цѣну заслугамъ, а во второмъ прикрываетъ недоспашки.

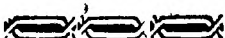
Истинная скромность должна заставлятъ насъ, чшобъ мы не знали своихъ талантовъ, но въ шоже бы время знали, чшо мы сохраняемъ скромность.

Скромность должна бы шѣмъ приличествовать больше, кошорые не имѣють прочихъ добродѣтелей.

Тщеславіе также несносно, какъ и принужденная скромность.

Принужденность болѣе обнаруживаетъ шо, чшо есть, нежели показываетъ шо, чѣмъ бы мы желали казаться.

По сему какъ шѣни въ каршинѣ необходимо нужны: шакъ скромность всегда соединена бышь должна съ заслугами; ибо она столько же придаетъ заслугамъ важности и блеску, какъ шѣнь каршинѣ.

О дружествѣ.

Союзы дружества споль нынѣ слабы, что они сами собою развязываются; они сполько служатъ ко сближенію сердецъ, а не къ соединенію оныхъ.

Дружество чѣмъ ближе подходитъ къ любви, тѣмъ оно совершеннѣе.

Въ несчастіяхъ нашихъ мы менѣе прогаемся участіемъ, какое берутъ въ оныхъ друзья наши, нежели сколько радуемся тогда, когда постигають несчастія непріятелей нашихъ.

Весьма шрудно сыскать человека, которой хочеть обращаться съ добродѣтельными друзьями.

Дружество прямо достойное почтенія есть то, которое, не имѣя никакого предубѣжденія, никакой зависти, никакой корысти, никакой спраси, сливаетъ чувства двухъ сердецъ вмѣстѣ, и связываетъ ихъ цѣпью, которой самая обре-

обременительная тягость составляетъ ихъ благополучіе.

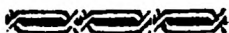
Мало потребно искусства для того, дабы заставить себя любить. Однако дружество не всегда дышетъ любовію.

Рѣдко случается, чтобъ несчастный человѣкъ имѣлъ друзей; и того рѣже, чтобъ онъ имѣлъ помощниковъ и утѣшителей.

Въ обществахъ, гдѣ женщины подаютъ голосъ, и хопяшъ надъ всѣми брать верхъ, гораздо легче чувствовать склонность къ любви, нежели къ дружеству. *Любовь* есть дитя, поражаемое лѣнностію и праздностію; да и нѣшъ женщинъ, которыя бы, дыша сею любовію, не привлекали къ себѣ людей безъ всякаго разбора сокровенныхъ ихъ качествъ. Но *дружество* есть дщеръ размышленія; оно не предполагаетъ въ другихъ прелестей больше, нежели сколько въ самой вещи они имѣютъ. *Любовь* жертвъ своихъ пребуешъ отъ щастія; а дружеству куряшя лучшія приношенія тогда, когда сила любви, вовлекая въ бездну злощастія, опнимаешъ у спражающихъ послѣднюю надежду.

Чтобъ имѣшъ всякому друга, лучшее средство къ сему состоитъ въ томъ,

чтобъ никогда и ни къ кому не имѣть ненависти: ибо изъ всѣхъ страшней опаснѣйшая есть ненависть; она пожираетъ по сердцу, которое ее въ себѣ скрываетъ, и несравненно болѣе приноситъ оному вреда, нежели тому, къ кому оно ее питаетъ. — Ахъ! для чего имѣть опшращеніе отъ челоѵка, каковъ бы онъ ни былъ? Ежели его не можно ни любить ни почиташь, по крайней мѣрѣ не должно съ нимъ обращаться хладнокровно. Порокъ только мы должны почиташь за зло и за причину всѣхъ нашихъ нещастій, за предметъ ненависти и опшращенія; а кто имъ зараженъ, къ тому мы обязаны въ сердцѣ своемъ имѣть сожалѣніе.

О-с-т-р-а-с-т-я-хъ.

Въ каждомъ изъ насъ находится любовь, которую всегда весьма легко примѣнить можно. Она управляетъ и господствуетъ надъ всѣми прочими страстями; она заставляетъ ихъ дѣйствовать или молчать; она ихъ возжигаетъ или погашаетъ. Сія страсть, прочимъ предпочтительная, и для всѣхъ пріятная, есть отличительный признакъ нашихъ

шихъ качествъ; она въ разсужденіи ихъ составляешь тоже, что красота въ разсужденіи лица; она естъ *физиономія* сердецъ, или разумѣнїе судишь о другихъ по чертамъ сердечнымъ.

Цари однимъ взоромъ могутъ, поколебать землю; но спрасни сердечныя еще ихъ могущественнѣе; онѣ и надъ ними господствуютъ, и ихъ столь же легко себѣ покоряють, какъ слабѣйшаго изъ смертныхъ.

Спрасни, которыя владычествуютъ надъ разумомъ, всегда его обманываютъ; онѣ прїемлютъ видъ должности, и обольщаютъ его спокойною безопасностію. Таковы суть собственно спрасни *Стоицескія*, и онѣ весьма шрудны и опасны къ укрощенію. Скупой, ими заразившись, говоришь, что быть богатымъ хорошо; надменный — что достигнуть великихъ чиновъ и достоинствъ лестно и прїятно; сладоспрасный — что не только полезно, но и нужно горести жизни облегчать веселостями.

Душа не можешь жить, ежели не будетъ въ безпрестанномъ дѣйствіи находишься: по сему нужны для нее души другія, которыя бы ее приводили въ дѣятельность, развлекали и ушѣшали.

Ей

Ей нравится иногда выходить изъ себя самой : по сему она часто о многомъ печалится , и опъ того ослабѣваетъ , помрачается и не знаетъ , мечтаетъ ли она о вещахъ , или разсуждаетъ ? Справедливо впрочемъ , что самыя живѣйшія спраси съ нею , или въ ней не рѣдко засыпаютъ . Но шѣмъ онѣ бываютъ опаснѣе , когда думаютъ , что онѣ упили . И кто сей опасности виною ? Спраси , или мы сами ? .. Корабль не достигаетъ пристани ; и когда онѣ погружается въ море , не въпры попопленія его бываютъ причиною , а оплошность кормчаго , которой въ бурное время отправился въ путь , и не умѣлъ воспользоваться благовременнымъ плаваніемъ .

Большая часть нашихъ спрасей состоитъ изъ такихъ , которыя слишкомъ слѣпы или живы , слишкомъ горды или безразсудны , неограниченны и безпредѣльны .

Слѣлыя спраси стремятся къ тому , о чемъ намъ и разсудить не даютъ времени , а часто ищутъ того , чего бы намъ необходимо должно удаляться .

Живыя спраси вынуждаютъ насъ превозмогать всѣ встрѣчающіяся препятствія , которыхъ бы миновать было можно .

Стре-

Спремительность ихъ испощаетъ наши силы; и мы часто оспаемся, послѣдуя имъ, на половинѣ бѣга приспыженными своею слабостію, и весьма негодующими на опважныя свои намѣренія.

Гордыя спраспи сущь шѣ, по копорымъ желали бы мы все объять и все восхипить. Онѣ насъ влекутъ къ тому, къ чему ни наши дарованія, ни наше состояніе, и рожденіе несклонны; и мы оканчиваемъ съ презрѣніемъ и съ необычайною гордостію то, что не могло послужить къ умноженію нашего высокомерія.

При *безразсудныхъ* спраспяхъ очень рѣдко случается, чшобъ мы вѣрныя избирали средспва къ своему удовольствію, а обыкновенно самыя отдаленныя и опасныя; да и весьма часто неправильныя намъ кажутся надежнѣйшими. По сему - то онѣ обезображиваютъ наши пошупки, заглаждаютъ слѣды добрыхъ дѣлъ нашихъ, и заспавляютъ насъ опасаться, чшобъ наши пороки не были видны. Сей спрахъ обыкновенно случается весьма правильно.

Наконецъ *безлредѣльныя* спраспи сущь шѣ, по копорымъ мы предполагаемъ себѣ не то, что нужно, а шолько то, что
намъ

опѣ нихъ получили; словомъ, будучи швореніями, необходимо другъ опѣ друга зависящими, должны мы имѣть чувства, одного съ другимъ связующія — чувства, которыя благоучреждаетъ природа, а доброе воспитаніе открываетъ, очищаетъ и исправляетъ.

Мы живемъ на земли, естли можно такъ сказать, двоякимъ родомъ жизни: первый родъ жизни есть общій съ животными; оный ничто иное есть, какъ простое распеніе, всякой день пріумножающееся и нѣсколько лѣтъ продолжающееся. Сію жизнь мы получаемъ безъ заслугъ, и споль же мало должны о потерянїи оной жалѣть, какъ и о томъ, ежели бы ее не получили. Другая же жизнь есть *существеннѣйшая* для человѣка. Она заставляетъ его со славою появляться на позорищѣ мїра, въ которомъ онъ живетъ шѣмъ прїятнѣе, чѣмъ болѣе старается имѣть нравъ кроткій и благодѣтельный, благочестіе несомнительное, а въ разсужденїи должностей общественныхъ вниманіе особенное. Такой человѣкъ живетъ въ почтенїи у другихъ, и сія жизнь по выгодамъ, какія онъ опѣ нее получаетъ, гораздо для него драгоценнѣе, нежели жизнь

про-

простая, по которой онъ ни къ чему болѣе не опредѣленъ, какъ къ питанію себя земными плодами. Тѣло, какъ скоро лишается духа, яко часъ безплодная, зарывается въ землю, а дѣйствія души въ человѣкѣ пребываютъ вѣчно. И ежели есть чинъ понятій вѣчныхъ, которой долженъ управлять всѣми нашими страстями: то можетъ быть есть и другой, изобрѣшаемый согласіемъ человѣковъ, которому мы должны покарять свои чувства. Одинъ есть независимъ отъ нашихъ мнѣній, отъ нашихъ склонностей, и учреждается совершенно отъ воли Божіей; а другой столько же непрѣмненъ и нуженъ, какъ и первый, не смотря на то, что онъ основывается на первыхъ понятіяхъ разума и одобряется отъ всѣхъ, которые соединились въ единое тѣло общества. Сей-то чинъ удерживаетъ насъ въ совершенномъ повиновеніи безъ нарушенія естественнаго равенства. Все принуждаетъ насъ сохранять его, какъ-то: внутреннее и врожденное чувство челоуѣколюбія, расположеніе, какимъ мы обязаны собратіямъ нашимъ, наша собственная польза, и общее благо отечества, которое мы соблюдать обязаны. — Сей чинъ полагаемъ

Л

гаемъ

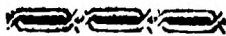
намъ нравится; не то, что предписываетъ разумъ, а то, чего требуютъ опыты насъ предразсужденія наши. По сему должно ли дивиться, что онъ намъ не столько доставляетъ удовольствія, сколько прискорбій и огорченій, и что онъ будучи противныя склонностямъ природы, служитъ для насъ болѣе причиною болѣзней, нежели сменемъ здоровья и жизни?

Все то есть крайность, гдѣ нѣтъ порядка: по сему - то самыя добродѣтели преобразуются въ пороки, крайняя сила въ дерзость, излишнее великолѣпіе въ расточительность, строгое правосудіе въ жестокость, необычайная милость въ слабость, безмѣрное чистосердечіе въ простоту, чрезвычайное благоуміе въ обманъ, неограниченное славолубіе въ гордость, а излишнее благочестіе въ суевѣріе. Совершенный человекъ престаешь быть совершеннымъ, какъ скоро онъ въ чемъ нибудь поступаетъ безъ разсужденія и противъ разума.

Первыя наши слабости производятъ въ насъ грызеніе совѣсти; вторыя заставляютъ насъ угрызеніе по тщѣливо сносить, а послѣднія презирають его. Такимъ образомъ робкой плавашель, кошкой

рой боится холодной воды, по немногу извѣдываетъ ее сперва около береговъ, дрожитъ, отступаетъ назадъ и опять впередъ подается; наконецъ по многомъ колебаніи, недоумѣніи и страхѣ погружается въ оную весъ, и о томъ уже сожалѣетъ, хотя весьма поздно, что онъ привыкъ ее не бояться.

Немощи *тѣлесныя* существуютъ противъ нашей воли. Мы ничего въ себѣ не имѣемъ, чтобъ могло урочавать ихъ. Наружныя *лѣкарства* не только ихъ не искореняютъ, а чаще служатъ къ приведенію ихъ въ большую силу. Но не шаковы болѣзни *душевныя*. Онѣ зависятъ отъ воображенія. Желаніе отъ нихъ избавишься есть надежнѣйшее средство, чтобъ ихъ болѣе не чувствовашь.

О обществѣ.

Будучи опредѣлены жить въ обществѣ, или, такъ сказать, совокуплять во едино всѣ наши силы и дарованія; — будучи принуждаемы отъ другихъ въ нуждахъ нашихъ требовать помощи, и будучи обязаны для собственной своей пользы отдавать то другимъ, что сами отъ

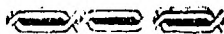
гаешь границы вольности, но ее совсѣмъ не разрушаешь, а напротивъ препяшсвуя людямъ заблуждать и погублять самихъ себя, болѣе совершенствуюешь ихъ волю.

Мы всѣ хотимъ выйти изъ границъ, которые назначены намъ Промысломъ, а шѣмъ самимъ вредимъ обществу; но ешьяли бы мы всегда были довольны своимъ состоянїемъ, коликую бы приносили оному пользу?

Мы всѣ хотимъ перемѣнить состоянїе, назначенное намъ природою безъ всякаго вниманїя къ несходству даровъ, какїя каждому изъ насъ природа сообщаетъ. Мы за нихъ хотимъ быть благодарными, пребывая не на одной степени, а въ различныхъ достоинстввахъ, и по сему забывъ преимущество рожденїя, которыми мы иногда хвалимся чрезвычайно, часто домогаемся быть всѣхъ выше. — Но для чего намъ стараться объ опличенїи себя чужими сокровищами, когда мы можемъ быть довольны шѣми, которыми намъ гораздо свойственнѣе, и которыми отъ каждаго изъ насъ неотъемлемы? Всякой долженъ быть доволенъ своимъ разумомъ и своимъ сердцемъ. Самый малый человекъ любитъ
ростъ

ростъ собой, такъ что находить въ немъ иногда поводъ къ нщеславію; впрочемъ онъ имъ не гордится, когда недоспаетъ въ лицъ его и въ прочихъ частяхъ тѣлесныхъ чего-либо предъ другими. Для чего же и мы равно не бываемъ довольны нѣмъ чиномъ, тѣмъ щастіемъ и тѣми наружными благими, копорыя въ удѣлъ себѣ мы получаемъ по раздѣленію Промысла?

Вездѣ, гдѣ люди не спекаются въ сообществѣ, несогласіе всегда за ними слѣдуетъ и пребываетъ вмѣстѣ съ ними. Они вездѣ встрѣчаютъ оное подъ великимъ, или малымъ покрываломъ, даже въ сообществахъ большаго свѣта, копорыя учреждаются отъ праздности и скуки, и въ копорыхъ очень многіе хвалящіяся честностію, учтивостію и политикою.

О настоящихъ нравахъ.

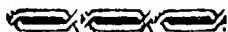
Многія слабости и пороки облеклись нынѣ въ душевныя совершенства. Скудость почитается нынѣ благоразумною экономіею, гордость благоприспоспосностію, хитрость берется за разумъ, етѣвб счищается живостію, худые примѣры по-

спавляются за обычай. Нынѣ всѣ почти думаютъ, что желать того, что здравое чувство отвергаетъ, означаетъ представлять себя выше предразсужденій несмысленной черни.

Патріотизмъ нынѣ не иное что есть, какъ чувство своего собственнаго щастія, и страхъ видѣть его испроверженнымъ.

Мраморъ твердый и гладкій отражаетъ представляемые ему предметы: тоже дѣлаетъ большая часть людей. Нещастія другаго изображаются на поверхности душъ ихъ, но никогда не проходятъ во внутренность.

Сколько людей занимается всѣми, или очень многими дѣлами, потому что они ничѣмъ заниматься не умѣютъ!

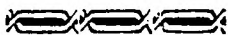
О великихъ людяхъ.

Великіе люди что составляютъ въ очахъ разума, хотя мало спрогаго? Они опличаются отъ прочихъ по основанію своего возвышенія; но сіе основаніе не состоитъ въ ихъ существѣ, и не дѣлаетъ ихъ ни очень умными, ни очень щастливыми.

Нѣтъ

Нѣтъ ничего великаго на землѣ, развѣ по сравненію: и по сему-то несчастная участь одного человѣка всегда дѣлаетъ блистательнымъ щастіе другаго. Мы кажемся богатыми, сильными, и почитаемыми по причинѣ бѣдности, слабости и униженія поселянина. И такъ мы ему одолжаемся, такъ сказать, всѣмъ нашимъ величіемъ, и мы ничего бы не значили, ежели бы онъ не былъ насъ ниже.

Я бы желалъ, чшобы менѣе было разспоянія между чернью и великими людьми. Поелику *чернь* спала бы думать о великихъ людяхъ такъ, что они въ самой вещи значушъ, а по сему никогда бы ихъ не боялась; и *великіе люди* не думали бы о черни очень низко, не почитали бы ее гораздо себя бѣднѣе, а по сему не ужасали бы ее своимъ презрѣніемъ.

О л о г т е н і и.

Нѣтъ столь великой почести, которая бы не была соединена съ малодушіемъ. То, чего великій человѣкъ болѣе всего долженъ спрашиться, есть самая его слава. Ежели онъ ее потеряетъ однажды,

Л 3

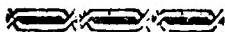
по

но едва ли когда потерю сію возвратишь можешь.

Мало людей, которые бы болѣе значили, нежели ихъ слава; и сколько находишься такихъ, которые болѣе стоятъ, нежели ихъ слава?

Поищемъ себѣ славы *по смерти*; но не подумаемъ, чтобъ она могла состоять въ чемъ другомъ, кромѣ успѣха въ добродѣтели. Другая же слава есть удовольствіе воображенія, — удовольствіе краткое и ненадежное.

Герой, который не имѣлъ въ виду, вступая въ сраженіе, кромѣ безсмертія своего имени, подобенъ челоуѣку, который себѣ выкололъ глаза, чтобъ послѣ лучше видѣть.

О похвалахъ.

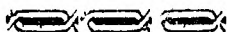
Похвала есть дань, должна добродѣтели. И хотя дань сію изо всѣхъ гораздо пріобрѣсть удобнѣе; однако всѣ почти получаютъ ее не болѣе половины, а иногда почти и всей лишаются.

Собиратели такой дани суть люди праздные въ свѣтѣ — излишнее бремя земли.

Сполъ-

Сполько же должно быть недовольну принужденною хвалою, какъ и обидою.

Рано или поздно, но всегда мы порочимъ себя тогда, когда чье нибудь смиреніе унижаемъ своею похвалою.

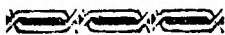

О краснорѣчїи.

Краснорѣчіе тогда сполько заслуживаетъ наше уваженіе, когда оно открываетъ истинну. Съ нею - то оно плѣняетъ сердца, а безъ оной мучитъ и раздираетъ.

Я не могу терпѣшь Оратора, копорой по своему искусству думаетъ и меня заспавить мыслишь шакже, какъ онъ самъ мыслишь. Разсуждая по правиламъ, онъ подсѣкаетъ крылья моего разума; и я по прямому пуши, имъ для меня пролагаемому, не могу за нимъ слѣдовать, развѣ съ великимъ трудомъ.

Орашоръ, копорой стараешся блеснуть, подобенъ борцу, плѣняющемуся красошою, а не искусствомъ и силою, копорой отъ него зришели ожидаютъ.

О Философїи.

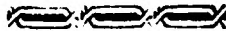
Я содрогаюсь за свой вѣкъ, когда разсуждаю, что древнїя времена, когда болѣе всѣхъ временъ видно было Философовъ, были наипаче шакїя, въ которыя Философїи не знали.

Человѣкъ, которой *Стойгескиль* образомъ, особенными мнѣнїями, голосомъ догматическимъ, съ сердцемъ вспылчивымъ, съ видомъ презрительнымъ и дерзкимъ домогается выдашь себя за Философа, въ самомъ ли дѣлѣ есть *Философъ*? Нѣтъ! совершенные Философы не извѣсняютъ истинны ни съ пѣмъ *деспотизмомъ*, или безпредѣльностию, которую они почитаютъ за законъ, ни съ шюю желчїю, которая у истинны опнимаетъ всю ея сладость, и превращаетъ ее въ горькое лѣкарство. Такой Философъ мнѣ кажется воиномъ, которой, выходя изъ своей палатки, какъ бы изъ фехтовальной залы, нагло нападаетъ на перваго, кто ему неспрѣчается, и имѣя смѣлость сражаться только съ неумѣющими, думаетъ снискашь себѣ славу за сую храбрость.

Исторїя представляетъ намъ множество такихъ высокихъ умовъ; однако сіи высокіе умы не знали Философїи.

Об-

Обширныя ихъ примѣчанія вещей естественныхъ не сдѣлали ихъ искусными во управленіи своихъ нравовъ. Они знали все, но не знали *себя самихъ*. Занимаясь всѣми науками, кромѣ своего *сердца* они оставляли его дѣйствовать по волѣ своихъ наклонностей. Тотъ щастливъ, кто между распеніями, коихъ свойства ему совершенно открыты и извѣстны, нашелъ такое, которое бы имѣло силу изцѣлить его отъ постыдныхъ слабостей и желаній!

О п о л и т и к ѣ.

Истинная полишика должна быть основана на самой чистой справедливости, на совершенномъ цѣломудріи, на взаимномъ извѣявленіи заслугъ и покровительствъ, на непоколебимой связи общихъ вспоможеній начальниковъ и подчиненныхъ. Не только частная польза ихъ и другихъ сего пребуешь, но и всеобщее благо отъ того зависить.

Всякое общество состоить изъ части правящихъ, и изъ части управляемыхъ. Цѣль полишики есть соблюсти совершенное согласіе между обою и дру-

гою спороною; *первая* не должна, злоупотребляя власть свою, утѣснять другую; а *вторая*, сохраняя повиновеніе во всемъ, должна сообразоваться съ законами, и всякое дѣйствіе должна склонять къ умноженію всеобщаго блага.

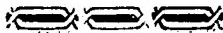
Общественное благо я сравниваю съ *любезнымъ младенцемъ*, котораго никогда не должно спускать съ глазъ, ежели не хотимъ подвергнуть его болѣзнямъ и несчастіямъ.

Изъ всѣхъ бѣдствій, могущихъ случиться въ отечествѣ, нѣтъ шакого, противъ котораго прозорливое вниманіе не могло бы сыскать предохранительнаго средства. Почти всѣ опчаянные люди при самомъ еще началѣ несчастія своего не занимающія предварительною осторожностію; при всемъ томъ нужно имѣть предусмотрительность и нѣкоторой родъ расторопности, дабы съ охраненіемъ предчувствовать будущее. Поелику всѣ по нерадѣнію непредвидѣнные бѣдствія, по мнѣнію нѣкотораго знаменитаго Полишика, суть болѣзни слабости и сухотки, которыя въ *началѣ* весьма легки ко излѣченію, но трудны къ узнанію; а въ *последствіи* весьма легки къ узнанію, но трудны ко излѣченію.

Нѣтъ

Нѣтъ сомнѣнїя, что благоразумная осмo-
шрительность, копорая издадече пред-
видитъ нещастїе общества, легко мо-
жетъ ошкрывнїю онаго воспрепятствовать;
но когда оно не было прежде примѣчено
и обнаружится такъ, что не лзя узнать
причины его и свойства; тогда удерж-
жать, или прекратить его, есть дѣло
почти невозможное.

Имперїи не суть такїя машины, ко-
ихъ ошкрывнїе составляетъ совершенство;
иначе многїя пружины и движенїя содѣ-
дали бы ихъ своимъ игралищемъ, и
уменьшили бы ихъ силу.

О правосудїи и о законахъ.

Удивительно должно быть, что
законы во всѣхъ государствахъ, будучи
столь ясны, столь рѣшительны и столь
извѣсны, имѣющъ нужду въ тяжбахъ,
въ столь великомъ числѣ судей, спрян-
чихъ и другихъ людяхъ для изслѣдова-
нїя, объясненїя и рѣшенїя самыхъ малѣй-
шихъ дѣлъ. Если бы суды, полагая
опредѣленїе свое въ разсужденїи соръ
соперниковъ, дѣлали одному въ дѣлѣ по
справедливости пользу, а другаго наказы-
вали, какъ общественнаго преступника,

ко-

которой хотѣлъ неправое дѣло прошивъ законовъ сдѣлать истиннымъ, надѣясь, обманувши судей, получить желаемое: можно ли думать, чѣмъ много шажеобъ было въ свѣтѣ? По сему пали съ многоцѣнные софизмы, сѣи обоедныя шонкосши, сѣи безплодныя крючководства, сѣи споры, заводимыя ябедниками, сѣи обманы плутовъ, хладнокровно шо на шу шо на другую сторону склоняющихся; по сему наконецъ гораздо бы въ болъшемъ были уваженіи законы, которые очень ясно изъясняютъ всѣ случаи споровъ, распрей и клеветъ.

Кромъ естественнаго правосудія, коего сѣмена вложены въ души наши, есть еще законы, основанные на правахъ общественныхъ, которые должны управлять всѣми нашими чувствованіями. Сѣе новое правосудіе, въ самой вещи очень спѣсенное или обѣщаемыми награжденіями, или опредѣленными наказаніями, можетъ насъ обязывать къ тому, чѣмъ мы ничего не опускали изъ того, что предпринимаемъ намъ естественное правосудіе. Но корысть, заставляя презирать всякое угрызеніе совѣсти, принуждаетъ ослѣпленныхъ во зло употребляетъ всѣ законы.

Цице.

Цицеронъ допускалъ правосудіе всеобщее, котораго суды человѣческіе, по его мнѣнію, не иное что были, какъ тѣнь или слабый лучъ. . . . Сіе - то правосудіе есть швердая подпора Государей; оно составляетъ щастіе царствъ, или его поддерживаетъ посреди нещастій, равно какъ и въ щастіи. Оно есть связь, крѣпко соединяющая подданныхъ съ отечествомъ. Оно есть душа, которая ихъ оживошворяетъ въ совѣсахъ, подкрѣпляетъ въ рѣшимостяхъ, и дѣлаетъ непреоборимыми во всемъ, въ чемъ только нужно защититъ испинну. Оно полагаетъ границы высокоумрїю, укрощаетъ злобу, разрушаетъ ревность, заставляетъ презирать приспращіе; словомъ, безъ него мы не могли бы исполнитъ должностей въ разсужденіи Бога, ни обязательствъ въ разсужденіи ближняго, ниже того, чѣмъ мы обязаны себѣ самимъ.

Въ *Ареолагѣ* (*) Аѳинейскомъ Архонты судили ночью не столько для того, чтобы во мнѣніяхъ своихъ быть болѣе согласными, сколько для того, дабы шем-

(*) *Ареопагомъ* назывался въ древности Сенашь или вышній судъ Аѳинейской.

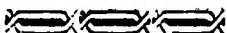
темнота, скрывши отъ очей ихъ всякой предметъ злобы и сожалѣнія, не позволяла имъ или раздражаться, или быть обманутыми. Я знаю, что наши законы опредѣляютъ наказаніе какъ шѣмъ, кои предпринимаютъ намѣреніе искусить вѣрность своихъ судей, такъ и самымъ судіямъ, которые попускаютъ обмануть себя просителямъ; но при сей строгости къ чему служатъ законы, когда они не открываютъ преступниковъ? Самые безчестные проступки часто остаются безъ обличенія, и виновные находятъ убѣжище въ укрывательствѣ. — И такъ нужно положить сильнѣйшія препоны, отдающія поврежденіе правительствъ: для сего надобно, чтобы тотъ, кто хочетъ снискать ихъ милость, не могъ на нихъ надѣяться, какими бы подарками онъ имъ ни жертвовалъ, и какія бы ни употреблялъ средства для пріобрѣтенія голосовъ ихъ; для сего нужно, чтобы судьи не произносили мнѣній своихъ изустно, но извѣсняли оныя тайно чрезъ письма, и отдавали бы ихъ на разсмотрѣніе первенствующему въ собраніи, которой, собравши ихъ вмѣстѣ, слѣдующему обыкновенному порядку, долженъ по большинству голосовъ положить справедливости.

ведливое опредѣленіе. Такимъ образомъ судьи, не зная скрытнѣйшихъ другъ друга мыслей, ни на что не могутъ полагаться, кромѣ своей совѣсти и законовъ.

Я не хочу совѣмъ опорочивать обычай, введенный въ судахъ, которой состоитъ въ томъ, чтобъ нанимать стряпчихъ и плащать за ихъ обманы дорогою цѣною; а желалъ бы воспренять ствовать гражданамъ заводить дѣла сомнительныя, въ которыхъ стряпчіе, имѣя въ виду одну свою корысть, обѣщаютъ иногда имъ успѣхъ, котораго и сами не ожидаютъ. Сихъ подкупаемыхъ спарашелей я почишаю за заразу, отъ которой рождаются въ обществахъ столь великіе безпорядки, что никакой Государь не можетъ прекратить ихъ; ежели же никакъ не льзя безъ нихъ обойтись, то надлежитъ, чтобъ общество учредило для сего людей искусныхъ и некорыстолюбивыхъ, которые о каждомъ дѣлѣ соперниковъ посовѣщавшись съ собою, открывали бы имъ ясно и безъ плащы самую истинну правосудія, и при случаѣ иногда спрахомъ, иногда совѣтами принуждали бы ихъ оставлять свои коварныя и злыя намѣренія.

Сей

Сей родъ судопроизводства былъ бы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе онъ укрощалъ бы страсти людскія при самомъ началѣ ихъ, доколѣ еще онъ не усилились и не возгорѣлись такимъ огнемъ, копорой послѣ потушить бываетъ очень трудно.

О должностяхъ и состоянїяхъ.

Великое нещастїе, происходящее въ обществѣ отъ смѣшенїя должностей и дарованїй, отъ несообразности людей съ ихъ состоянїями, бываетъ большею частїю со стороны тѣхъ, кои знанїями возвысили свою душу, и кои могли бы способны бытъ къ должностямъ важнымъ; но не смотря на то, по своенравїю своему и надменности удаляются отъ общества и скрываются въ уединенїе, коего цѣна со дня на день въ очахъ ихъ увеличивается. Они щасливыми себя почитаютъ, когда находятъ утѣшенїе единственнo въ самихъ себѣ, въ своихъ знанїяхъ и разсужденїяхъ. — Такой родъ людей бесполезенъ въ обществѣ; но и общество мало спарается сдѣлать ихъ полезными.

Природа непрестанно дѣйствуетъ, распоряжая стихїями. Чшобъ соблюсти ихъ

ихъ цѣлосць, опъ коей собствѣнная ея зависимость, она поставляетъ каждую изъ нихъ въ томъ порядкѣ, какой различныя степени ихъ тяжести имъ опредѣляютъ. Но мы сей порядокъ нарушаемъ смѣшеніемъ, природѣ противнымъ. Мы не такъ, какъ должно, распоряжаемъ должности и дарованія; мы опредѣляемъ тамъ *Терсита*, гдѣ должно бытъ *Ахиллесу*; *Силена* на мѣстѣ *Платона*; *Діагора* на мѣстѣ *Сократа*. И такъ можно ли дивиться, что опъ сего столько Имперій разрушилось, а нѣкоторыя уже близки къ паденію? . . . Нынѣ болѣе всего *корысть* рѣшилъ выборъ состоянія, но никогда — какъ не пожалѣшь о семъ! — всеобщее благо общества. Благоразумнѣе бы было, естъли бы всякой, зная свои склонности, посвящалъ себя точню тому званію, какое ему свойственно. Въ такомъ случаѣ онъ бы могъ прудиться съ большею пользою какъ для самаго опечества, такъ и съ лучшимъ успѣхомъ для своей славы; будучи же способнымъ къ опправленію дѣлъ *себѣ* приличныхъ, онъ бы возвысился въ своемъ состояніи, онъ бы занялъ въ ономъ первое мѣсто. Такимъ образомъ одни упражнялись бы въ знаніи судопроизводства, и сдѣлались бы

М

зна-

знаменистыми судїями; а другїе, посвящая себя воинскому искусству, сдѣлались бы великими полководцами.

Здравое чувство, вѣра, политика — все насъ обязываетъ хранить благосостояніе народа. Иначе какое бы учрежденіе въ обществѣ ни было, оно было бы подобно статуѣ *Навуходоносора*, копорая хотя состояла изъ твердыхъ и драгоценныхъ металловъ, но при всемъ помѣ въ одну минушу была опровержена, ибо основаніе ея было скудельное. Основаніемъ общества есть народъ. Ежели сіе основаніе составляетъ одна земля и грязь, то общество существовать долго не можетъ. И такъ да подкрѣпится сія подпора! Ея крѣпость будетъ наше утвержденіе и безопасность, и она тѣмъ болѣе усовершенствуетъ насъ, чѣмъ сильнѣе въ сердцѣ нашемъ будетъ впечатлѣна мысль о всеобщей пользѣ и славѣ отечества. — Мы должны столько уважать искусство художника, какъ бы оно низко ни было, сколько художникъ спарается о выгодахъ, какія мы отъ него получить можемъ. Безъ сего взаимнаго соотношенія все можетъ рушиться въ обществѣ — изобрѣшеніе, торговля, художества и всѣ пособія, нужныя для украшенія, и для необходимостей жизни.

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
ФРИДЕРИКА.

* * *

Люди раждаются съ разными дарованіями и способностями : одни для подаванія мудрыхъ совѣтовъ ; другіе для разумнаго оныхъ исполненія.

Нума ; или процвѣпающій Римъ.
Глава VIII.

В В Е Д Е Н І Е.

Фридерикъ II, Король Прусскій и Курфирствъ Бранденбургскій, будучи рожденъ, какъ Императоръ *Юліанъ*, съ пылкимъ разумомъ и со всѣми дарованіями, изображающими Героевъ, Философовъ и ученыхъ людей, препровелъ первыя лѣта свои съ особеннымъ прилѣжаніемъ въ Философіи и другихъ наукахъ. Какъ *Юліанъ* предположилъ себѣ въ примѣръ *Марка Аврелія Антонина*, которому онъ подражалъ съ особеннымъ усиліемъ: такъ *Фридерикъ* соединилъ въ себѣ превосходнымъ образомъ разумъ и благородство, дѣятельность и неуспрашимость *Юліанову* со всякою умѣренностію и благоразуміемъ, съ правилами и со исполненіемъ Героическихъ добродѣтелей *Марка Аврелія*.

Европа хотя удивлялась его воинскимъ дѣйствіямъ, но не была поражена оными. Она ихъ предвидѣла; она напередъ знала, что онъ будетъ великъ какъ по благоразумію, такъ и по силѣ своихъ предпріяшій, что онъ согласитъ и по

и другое, какъ мудрый человекъ, которой предвидитъ и вникаетъ во всѣ обстоятельства, и что онъ воспоржествуетъ какъ герой, которой не ожидая и не боясь никакихъ переменъ счастья, умѣетъ соединить во всякомъ случаѣ усердный примѣръ съ благоразсудительными наставленіями, и способствовать къ успѣху своихъ войскъ, пѣми оборопами, которые онъ самъ испыталъ. *Европа* не обманулась въ своемъ ожиданіи. . . . Какой Государь болѣе придалъ дѣятельности славы, которая о немъ повсюду гремѣла, и болѣе основательности всеобщему уваженію? Какой знаменишой чести онъ не пріобрѣлъ по пылкому своему воинскому духу? Не столько по превосходному своему искусству въ воинской наукѣ, какъ по открытію оной на самомъ дѣлѣ *Фридерикъ* заслужилъ себѣ имя *Великаго полночнаго Государя*. На правилахъ и дѣлахъ, достойнѣйшихъ человѣчества и Философіи, онъ положилъ основаніе своего царствованія и своей славы.

Прежде нежели сдѣлался онъ Государемъ, сердце его научено было царствовать; желаніе быть *человѣкомъ* на престолѣ, наславлять людей, и ихъ сдѣ-

сдѣлать щастливыми — было первымъ и единственнымъ его желаніемъ. А дабы въ томъ успѣшь, онъ посвятилъ на то всѣ свои дарованія, просвѣщеніе, политику, самое отдохновеніе и любовь къ наукамъ. Дабы болѣе успѣшь въ премудрости, въ добродѣтели, въ высокой наукѣ царствовать, онъ въ младыхъ еще лѣтахъ сочинилъ книгу; подъ названіемъ: *Антимахиавель*; твореніе безсмертное, въ копоромъ намѣреваясь предписать наставленія одному себѣ, онъ открылъ неощененныя правила или уроки всѣмъ Государямъ, удобно впекающіе во всеобщее благополучіе народовъ. Начала *Махиавеля* открывающъ Государямъ злоупотребленіе высочайшей власти и погубительное удовольствіе вдаваться съ хладнокровіемъ во всѣ спраси. Спраси самаго *Фридриха* къ тому не были преклонны, и онъ старался сдѣлать ихъ такими, какими подлинно имъ быть надлежало, а именно: *живыми изображеніями Божества*. Онъ царствовалъ надъ подданными своими правосудно, великодушно, снисходительно и благоразумно.

Философія вмѣстѣ съ нимъ взошла на престолъ, и вскорѣ онъ показалъ въ себѣ примѣръ шѣхъ добродѣтелей, ко-

шорыхъ правила и наставленія спекали съ пера его. Сдѣлавши безопаснымъ спокойствіе, своихъ владѣній, и учинивши народъ свой уважаемымъ по его силѣ, искусству и неустрашимости въ сраженіяхъ, онъ ничѣмъ болѣе не занимался, какъ исполненіемъ своихъ намѣреній, клонящихся къ благополучію подданныхъ. Будучи занятъ симъ правиломъ, что *жизнь подданныхъ есть неоцѣненный залогъ, вѣрjаемый небесами Государямъ*, и что самое правосудіе должно быть соединено съ милосердіемъ, почиталъ онъ первѣйшимъ предметомъ своихъ попеченій преобразование законовъ государства, и особенно строгихъ и страсомъ наказанія угрожающихъ законовъ. Новое уложеніе, озаглавленное его именемъ, уничтожило шѣ законоположенія, копоря были несогласны съ челоѣчествомъ. Между прочими умѣрилъ онъ и шѣ допросы, по копорымъ изслѣдывали преступленія обвиненныхъ. Ничто не равнялось съ его неусыпностію воспрепятствовать судіямъ, чтообъ они не сполько утверждались на письмѣ его законовъ, сколько на своемъ разумѣ, основательностію и дальновидностію опличномъ. По примѣру Юліана онъ не

ПОЗ-

позволялъ, чтобъ какое нибудь опредѣленіе было исполнено прежде, нежели онъ его внимашельно разсмотритъ, и весьма часто онъ подшверждалъ опредѣленія не иначе, какъ уменьшивъ строгость оныхъ. Такимъ образомъ сей Государь - Философъ за пріятное пославлялъ для себя удовольствіе исполнять на самомъ дѣлѣ совѣтъ, которой онъ издалъ, чтобъ *не наказывать, развѣ менѣе, нежели каково преступленіе.* Правда, были случаи, въ которыхъ законы казались строгими; но никогда не были они жестокими, поелику его *благоразуміе* всегда издавало оныя противу виновныхъ, и его *милосердіе* умѣряло ихъ противу человѣковъ.

Въ то самое время, какъ онъ открывалъ Философію въ дѣлахъ челоѣколюбія, ободрялъ художества, благопріятствовалъ торговлѣ, возбуждалъ шрудолюбіе, учреждалъ фабрики, и сими средствами, споль благопріятными къ содѣланію отечества щасливимъ и процвѣщающимъ, весьма успѣшно умножилъ онъ силы своихъ подданныхъ, доставя имъ всякое обиліе и довольство. — Мы въ разсужденіи сего не взойдемъ ни въ какую частную подробность, пѣмъ

М 5

паче,

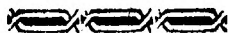
паче, что всякому извѣстны великія дѣла, какія сей Государь учинилъ для щастія своего народа, копорого законодательемъ, благотворителемъ и оццемъ бышь почиталъ онъ себя за славу.

При множествѣ споль важныхъ дѣйствій *Фридерикъ*, великой любитель наукъ и знаній, не переставалъ объ оныхъ стараться, и уважалъ ихъ въ лицѣ людей мудрыхъ. По всѣмъ своимъ правиламъ онъ менѣе бы почиталъ себя щастливымъ и достойнымъ короны, ежели бы не раздѣлялъ съ мудрыми людьми времени, остающагося ему отъ дѣлъ общественныхъ. И сіи свободные часы были ли когда употреблены гораздо полезнѣе? Самое отдохновеніе, отдохновеніе краткое, подало ли когда кому случай къ произведенію шолкихъ сочиненій?

Въ сіи - то драгоценныя минушы *Король Прусскій* сочинилъ записки своего *Августѣйшаго* двора, и какъ изящною прозою, такъ блистательнымъ стихотворческимъ слогомъ онъ описалъ съ великою опредѣлительностію и мудростію, съ благородствомъ и знаніемъ важнѣйшія правила политики, законы нравственности, многія заблужденія ума

чело-

человѣческаго, страсти, пороки, и другіе осмѣянiя достойные предметы своего вѣка. — Философiя никогда не была изображена съ большимъ разумомъ и нѣжностію, какъ въ сочиненiяхъ сего великаго Государя; и языкъ Французской, кажешся, снискалъ новую степень славы предъ прочими по тому, что *Фридерикъ* употребилъ его орудіемъ выраженiя своихъ чувствованiй, мыслей и правилъ, копорыя всѣ мы собирая и издавая подъ названіемъ: *Духа Короля Прусскаго*, скажемъ, что многое еще могли бы прибавить къ поршрешу сего великаго Государя.

ДУХЪ,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ
ФРИДЕРИКА.

О Государяхъ.

Истинная политика Государей состоитъ въ томъ, чтобъ превышать своихъ подданныхъ въ добродѣтели и не осуждать въ другихъ то, что въ себѣ уважаютъ. Однихъ блистательныхъ дѣяній не довольно къ ихъ славы, а потребны еще къ сему дѣянія, способствующія щастію человѣческаго рода.

Государи должны врачевать общество отъ несправедливаго мнѣнія, въ какомъ находятся другіе, думая о политикѣ, — о политикѣ, которая всегда означаетъ систему мудрости; но для всѣхъ вообще должна быть подозрительна наука хитростей или обмана. Государямъ надлежитъ искоренять понколукавыя и несправедливыя сочиненія,
обо-

ободрять честность и чистосердечіе. —
„Естьли бы не было болѣе на свѣтѣ
„честности и добродѣтели, сказалъ
„премудрый *Карлъ*: то бы между Госу-
„дарями надлежало искать оныхъ.„

Государю, управляющему правосудіемъ, вселенная служитъ вмѣсто храма, а честные люди вмѣсто жрецовъ.

Добрые Государи почишаютъ власть, какую они имѣютъ надъ жизнью своихъ подданныхъ, за самую обременительную тяжесть своей короны. Они извѣстны, что какъ они сами суть челоуки, такъ равно и тѣ, которыхъ они судить должны; они извѣстны, что неправды и пороки людей могутъ быть заглажены и исправлены, но опредѣленіе скорой смерти есть дѣло невозвратимое. Они тщательнo избѣгаютъ жестокости; но для счастья свѣта желательнo, чтобъ Государи были добрые, но не слишкомъ снисходительные. Благость ихъ всегда должна быть добродѣтелию, но никогда слабостию.

Государь ни о чемъ болѣе стараться не долженъ, какъ о содѣланіи своего народа счастливымъ: ибо счастливый народъ болѣе всего опасается лишиться своего Государя.

Щаст.

Щасливы Государи, любящіе слушать истинну, хотя бы она произносима была устами нескромными! — Это есть знакъ добродѣтели, къ которой не всѣ склонны.

Правосудіе должно составлять первый предметъ Государей. Оставляя всѣ другія выгоды, имъ болѣе всего надлежитъ пещися о благѣ народномъ, показывая себя не сполько неограниченными властителями надъ управляемыми, сколько первыми правителями.

Государь, имѣющій надежное здравіе, припомъ будучи крѣпокъ силою и свободенъ, нарушаетъ свою должность, ежели онъ для вспоможенія или облегченія шягостей своего кабинета опредѣляетъ какого Министра; и напрошивъ Государь, не имѣющій способныхъ дарованій, погрѣшаетъ предъ собою и предъ народомъ, ежели не употребляетъ къ облегченію трудовъ своихъ человека разумнаго. Правда, не всякой имѣетъ къ такой должности способность; но всякой, если захочетъ, можетъ примѣнить, къ чему кого употребить можно. Всеобщее знаніе людей состоитъ въ различеніи способностей прочихъ: по сему видно, что слабые художники судятъ очень хоро-

хорошо о своихъ учителяхъ; войны видяпъ, чего спюютъ ихъ Офицеры. И пакъ вышнїя власши были бы не дальновидны, ежели бы не различали дарованїй людей, ими опредѣляемыхъ въ приличное каждому званїе. Трудно вдругъ узнашь все пространство ихъ добронравїя; однако невѣжда никогда не можетъ скрышь своего невѣденїя.

Государь не можетъ довольно наградить вѣрность служащихъ ему съ ревностїю. Мы имѣемъ чувство правосудїя, побуждающее насъ къ благодарности, и оному должны слѣдовать; но выгоды великихъ людей пребуютъ, чшобъ они награждали съ благородствомъ и великодушїемъ, пакже чшобъ наказывали съ милостїю и снисхожденїемъ. По сему всякая награда великаго пребуешъ измѣренїя на вѣсахъ правосудїя и мудрости; между шѣмъ многїе, не смотря на заслуги, оной лишаются.

Государи, обо всемъ глубоко разсуждающїе, въ точности знаютъ людей; замѣчаютъ ихъ поступки со стороны челоувчества; видяпъ, что на свѣшъ нѣшъ ничего совершеннаго, что великїя качества соединяются часто съ великими прешупленїями, и что челоувкъ даже
пыл-

пылихъ дарованій легко можетъ ошибиться. Посему, къ немалому превращенію общественныхъ благоустройствъ, иногда и по нуждѣ терпимы бывающъ Министры худыхъ качествъ.

Великій Государь долженъ входить въ состояніе своихъ войскъ; его армія есть его пребываніе; его выгоды, должностъ, слава, — все его къ тому обязываетъ. Государь есть какъ бы начальникъ раздѣляемаго правосудія, также и защитникъ своего народа. Сей предметъ есть важнѣйшій изъ всѣхъ его правленій: и такъ онъ не долженъ его ввѣрять никому, кромѣ самаго себя. Его присущствіе должно полагать преграду несогласію между Генералами, несогласію опаснѣйшему въ разсужденіи армій, и вредному въ разсужденіи выгодъ Царскихъ. Его присущствіе должно учреждать порядокъ въ разсужденіи всего касающагося до магазинововъ, аммуниціи и провизій воинскихъ, безъ которыхъ Цезарь, начальствуя надъ сто-тысячною арміею, ничего бы не сдѣлалъ. И какъ Государь представляетъ образъ войны: то ему же, кажешся, надлежитъ учреждать порядокъ и сообщать духъ, силы и ободреніе сво-

своимъ войскамъ примѣромъ своей неуспрашимости и своего великодушія.

Нѣтъ достойнѣйшаго упражненія для законодателя, какъ попеченіе о воспитаніи юношества. Сіи молодые оспрали въ нѣжности своей способны бывающъ къ принятію всякаго рода впечатлѣній. Ежели имъ вдыхаютъ любовь къ добродѣтели и отечеству, они дѣлаются добрыми гражданами; а добрые граждане соспавляютъ надежнѣйшую защиту и безопасность для своего отечества. Ежели Государи, управляя своимъ народомъ правосудно въ *настоящемъ* положеніи Имперіи своей, заслуживаютъ всякую хвалу: то они болѣе еще привлекаютъ къ себѣ любовь, распросраняя попеченіе свое даже до *будущаго* потомства.

Я не хочу воспрещать Государямъ никакого честнаго удовольствія; но попеченіе премудро царствовать, государство свое устроить цвѣтущимъ, покровительствовать знанія, и видѣть успѣхъ художествъ, безъ сомнѣнія должно быть для нихъ первымъ и всѣхъ важнѣйшимъ удовольствіемъ. Тотъ не благополученъ, кто занимается другими!

Государи, когда различаютъ и награждаютъ тѣхъ, кои имъ болѣе другихъ

Н

дѣ-

дѣлающъ чести; когда ободряютъ высокіе умы, споспѣшествующіе совершенству знаній, и посвятившіе себя на служеніе истинны: тогда много возвышаютъ челоуѣчество.

Вы, смертныхъ суди, которые рожденны
Являши на землѣ лице самихъ боговъ,
Хопъ ваши громомъ сушь десницы оруженны,
Не плѣннымъ свой народъ держите средь оковъ,
А умѣряйте судъ всемоушной власти строгой;
Всѣ люди дѣши вамъ, а вы оицы для нихъ.
Предъ вами слабы всѣ — богатой и убогой;
Вы снисхожденіемъ своимъ крѣпите ихъ.

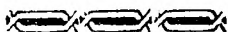
Какъ къ должносни своей пасухъ прилѣжный, спраспный
Любимѣйшихъ овецъ хранишь и бережешь;
Опъ зуба волчьяго шворитъ ихъ безопасны —
И кровожадный левъ когшми ихъ не деретъ;
Далече опъ него бѣгутъ дубравъ злодѣи. . .
За нимъ весь скотъ его покоится и спитъ,
И коль сприжешъ когда онъ шерсть съ овечьей шеи,

Рука его ее ни мало не губитъ:

Таковъ для подданныхъ есть добрый Царь и нѣжный,
Въ совѣсахъ крошокъ онъ и на дѣлахъ таковъ;
При немъ опъ Паркъ они бываютъ безмяшежны,
Что день, — зрятъ въ милостяхъ его къ себѣ любовь;

Не

Не кровью слабыхъ честь себѣ онѣ покупаетъ,
Испорія его есв. . . добрыя дѣла.
Таковъ Маркъ Антонинъ былъ, Титъ,
по всякой знаешь;
Для смертныхъ — *онимъ* жизнь эпохою была.

О законахъ.

Граждане были бы довольны, естли бы законодатели въ разсужденіи ихъ были въ такомъ положеніи духа, въ какомъ опцы семействъ, издавшіе первые законы. Они любили дѣшей своихъ, и предписуемая ими правила имѣли цѣлю свою семейственное благополучіе.

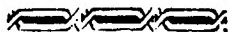
Немногіе премудрые законы дѣлаютъ народъ счастливымъ; — но множество законовъ потрясаетъ правосудіе. По сему какъ искусный врачъ не обременяетъ больныхъ лѣкарствами: такъ благоразумный законодатель подчиненныхъ своихъ не ошягчаетъ излишними законами. Многія лѣкарства вредятъ однѣ другимъ, и взаимно препятствуютъ своимъ успѣхамъ: многочисленные законы обращаются въ лабиринтъ, въ кошоромъ судіи и истинна заблуждаютъ.

Судіи должны спрашиться двухъ опасностей: поврежденія и заблужденія. *Совѣсть* должна предохранять ихъ отъ

первой, а законодатели отъ второй опасности. Ясные законы, не пребующіе никакого дополненія, суть первымъ средствомъ, а чистосердечіе просителей впорымъ для предохраненія отъ помянутыхъ опасностей. — Какое злоупотребленіе краснорѣчія, когда его употребляютъ для пошеченія премудрыхъ законовъ!

Да проспятъ мнѣ, ежели я чтонибудь скажу въ разсужденіи пышки; я хочу держаться правилъ челоуколюбія, опровергая такое обыкновеніе поспыдибнѣшее для Христіянъ и для просвѣщеннаго народа, обыкновеніе жестокое и бесполезное. Краснорѣчивѣйшій изъ Риторовъ *Квинтиліанъ* говоритъ, что *пытка есть средство, служащее къ скорѣйшему окончанію дѣла*. Правда! неуспрашимый преступникъ весьма часто не признается въ винѣ своей, вытерпѣвъ всякія мученія, а невинный слабого сложенія вноситъ на себя неправду. — Челоукъ обвиняется, ежели есть признаки. Судія не сердцеудецъ; онъ хочетъ дѣло узнать яснѣе и совершеннѣе. Несчастливаго отдають въ пышку, и — ежели онъ неповиненъ, какое звѣрство заставлятъ его спрадашь мученически! Ежели не-

нестерпимость мученій принуждаетъ его сказать что нибудь прошивъ себя самого, — какое страшное безчеловѣчїе подвергать насильственнымъ ширанствамъ и осуждать на смерть добродѣшельнаго гражданина по одному неосновательному подозрѣнїю!.. Я бы лучше желалъ простить дватцать теловѣкъ виновныхъ, нежели предать смерти одного невиннаго.

О в ѣ р ѣ.

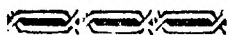
Чтобъ всякой былъ добрымъ гражданиномъ — вошъ все, чего каждая вѣра опъ насъ требуетъ. Несправедливая ревность есть мучитель, опустошающїй грады; а терлѣнїе есть нѣжная мать, много объ нихъ пекущаяся и процвѣщаетъ ихъ заставляющая.

Заблужденїе и гордость кажутся всегдашнимъ удѣломъ челоуѣковъ. Всѣ народы одну имѣли наклонность къ идолопоклонству; и какъ они мало спусти шъ же имѣли спраспи, то и успѣхи не могли не быть равные. Спрахъ породилъ увѣришельность, а самокбїе вскорѣ преклонило небеса къ пользѣ челоуѣка.

вѣковъ. Изъ сего родились всѣ разнообразныя служенія, которыя, собственно сказавъ, были повиновенія людей, возрожденные отъ безчисленныхъ спраспей для умилоствивленія гнѣва небеснаго, ихъ успрашавшаго. Человѣческой разумъ поврежденный и сдѣлавшійся скопоподобнымъ отъ страха, пріумножаемаго всякаго рода опасностями, не зналъ, чего придержи-ваться для сохраненія своего отъ бѣдствій. И какъ больные прибѣгають ко всѣмъ лѣкарствамъ, испытывая, не найдутся ли между оными служащія къ ихъ исцѣленію: такъ челоѣческой родъ въ слѣпотѣ своей предлагалъ Божественное существо и вспомошествоющую его силу живущими во всѣхъ вещахъ природы отъ высочайшихъ до самыхъ низкихъ. Все было обожаемо. Огонь жертвоприношенія курился для произрастеній; крокодилу былъ поставленъ жертвенникъ; спатуи великихъ людей, прежде другихъ управлявшихъ народами, имѣли своихъ жрецовъ и свои храмы. Когда пріумножились богашства, тогда появилась и пышность при священнодѣйствіяхъ. Дре-вле народы заключали боговъ своихъ въ пѣсныхъ зданіяхъ, сооруженныхъ собственными ихъ руками; и они поклоня-
лись

лись имъ болѣе въ пуспыхъ и необитаемыхъ лѣсахъ; но по мѣрѣ, сколько нравы ихъ дѣлались мягче, боги ихъ переходили обитать въ сады и грады. Вотъ картина многобожія!

Жрецы сего служенія были гораздо хитрѣе простаго народа. Исключая свою должность, они занимались проякимъ обманомъ: учреждали Оракуловъ, вмѣшивались въ Астрономію и Медицину. Не прилично бы имъ упражняться въ изобрѣшеніи коварствъ для приведенія къ гибели слабаго и непросвѣщеннаго народа. Но *возсіявшу свѣту благодати Евангельской* — благодареніе Богу! — *всѣ сїи нелѣлыя служенія пали и уничтожились!*...

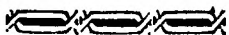
О Полистикѣ.

Тишина и благоденствіе государства составляютъ центръ, къ которому всѣ спези полистиковъ должны склоняться. Сіе должно быть существенною цѣлію всѣхъ дѣлъ и переговоровъ между великими людьми.

Были времена, въ которыхъ свѣтъ, не столько возмущаемый, кажется ни-

чѣмъ не былъ управляемъ, какъ только единою крепостію, и въ которыхъ ничего не было нужно, кромѣ благоразумія и прозорливости; но сей родъ счастливой пишины весьма часто сопровождаемъ былъ ужасною бурей. Въ семъ - то случаѣ необходимо нужна полишка, и чего не лзя пріобрѣсть оружіемъ, то гораздо легче можно выиграть перомъ. При многихъ обспоятельстввахъ гораздо дѣйствительнѣе и успѣшнѣе бывають переговоры, нежели брань или сраженія.

Разумъ и спраспи суть невидимыя цѣпи, которыхъ влекутъ человѣческой родъ къ исполненію великихъ произшествій. Промыслъ при событіи оныхъ не рѣдко обращаетъ въ спыдъ всякую мудрость и величіе человѣческое. Часто отъ причинъ маловажныхъ великія происходятъ перемѣны въ цѣлыхъ Имперіяхъ: по сему правителямъ градовъ необходимо потребно имѣть шайный ключъ благоразумія, приводящій въ стройное движеніе пружины всеобщаго благоденствія.

О в о й н ѣ.

Всѣ военныя произшества, цѣлію своею имѣющія изгнаніе похищителей, соблю-

соблюденіе законныхъ правъ и возстановленіе всеобщей свободы, не противны правосудію. Государи, предпринимающіе шаковаго рода дѣйствія, никакъ не могутъ быть обвиняемы въ проливаемой крови. Необходимость ихъ заставляетъ дѣйствовать, и въ такихъ обстоятельствахъ не столько война, сколько миръ, есть несчастіе.

Война есть въ крайности прибѣжище. Не должно ее производить, какъ только въ случаѣ необходимости, и припомъ ищательно испытавъ, не отъ гордости ли она предпринята и припомъ безъ всякой основательной причины? Есть войны, которыхъ Государи чрезвычайно должны осерегаться: онѣ противны истиннѣ, и онѣ сколько справедливыми, сколько же и оборонительными назваться не могутъ. Когда чрезмѣрное могущество выходитъ изъ своихъ границъ, и угрожаетъ поглотить вселенную: въ такомъ случаѣ должно положить преграду, и удержать быстрое стремленіе онаго. Мы видимъ, что изъ скопившихся облаковъ рождается буря, блистаетъ молнія и свирѣпствуютъ вѣтры: — такъ и Государь, которому такое несчастіе угрожаетъ, будучи не въ состо-

яніи одинъ самъ себя обезпечить отъ сильнаго вражескаго нападенія, долженъ, еспьли онъ благоразуменъ, соединиться съ другими, подлежащими одинакой съ нимъ опасности, и одинакой свободы ищущими. . . . Сіе еспь извѣстное правило, что лучше самому другихъ предварять, нежели отъ другихъ быть предупрежденнымъ. Великіе люди всегда держались сего правила.

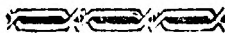
Всеобщій предразсудокъ заставляешъ большую часть людей обожать щасливую отважность высококомѣрныхъ. Сіяющій блескъ воинскихъ добродѣтелей въ очахъ ихъ потемняешъ красоту добродѣтелей гражданскихъ. Они предпочитаютъ *Геростратовъ*, сожигающихъ храмы, *Амфіонамъ*, сооружающимъ грады, и победы *Октавія* царствованію *Августа*.

Порядокъ въ арміи не можешъ быть безъ строгости, но въ семъ случаѣ болѣе всего попребно имѣть умѣренность. Ежели снисхожденіе честнаго человека склоняешъ его къ милосердію: то и благоразуміе его съ своей стороны отвлекаешъ его отъ жестокости. — Всякой военачальникъ долженъ представлять изъ себя искуснаго кормщика. Сей никакъ не обрубаешъ мачшы и канашы корабельные, какъ

какъ бы буря его ни принуждала обру-
бишь оныя — и въ военныхъ обстоя-
тельствахъ нужно бытъ иногда спро-
гимъ, но никогда жестокимъ, и я бы
желалъ лучше, чшобъ въ продолженіе
войны болѣе меня воины любили, неже-
ли боялись.

Извѣстно и опытъ доказываетъ сію
истинну, что лучшія для государства
войски суть опечесвенныя. Я увѣренъ,
что государство очень худо оберегаютъ
наемники, а соотечественники усугубля-
ютъ бодрость по союзамъ, связующимъ
ихъ съ отчизною.

Воинъ избирается для защищенія
опечества. Хвалятъ ихъ другимъ, какъ
обыкновенно продавцы хвалятъ собакъ и
воловъ для драки назначенныхъ, значить
поршить цѣль воинской науки. — Гово-
рятъ, что не позволено продавать свя-
щенныхъ вещей: но что есть священнѣе
крови человѣческой?

О знаніяхъ и наукахъ.

Самый лучший признакъ мудраго и
щасливаго какой нибудь снраны упра-
вленія есть тошъ, чшобъ изящныя на-
уки

уки раждались въ нѣдрахъ ея. Это суть цвѣты, распушіе на землѣ шучной и подѣ шаспливымъ небомъ; но они отъ засухи и дуновенія сильныхъ вѣтровъ увядающъ. Ничто такъ не дѣлаеть государство славнымъ, какъ науки, процвѣтающія подѣ покровомъ онаго.

Сколько бы ни говорили, что успѣшность въ наукахъ и знаніяхъ дѣлаеть людей къ должностямъ своимъ неспособными: я шому никогда не повѣрю. Совершенный умъ шакіе изъ всего приноситъ плоды, какихъ отъ него болѣе ожидать не лзя, не смотря на шо, за что и какъ онъ ни принимается. Знанія не шолько не унижающъ и не поршящъ, но придающъ еще новый блескъ должностямъ шого, кто ими занимается. Великіе люди въ древности возникли подѣ покровительствомъ наукъ. То, что служить къ просвѣщенію разума, къ усовершенствованію разсужденій, къ разширенію сферы познаній, дѣлаеть подданныхъ совершенно способными ко всякому роду состоянія. Знанія суть растенія, взрощенные съ прилѣжаніемъ, коихъ цвѣты имѣющъ красоту гораздо привлекательнѣйшую, а плоды вкусъ гораздо пріятнѣйшій, нежели древа, копоря

рыя въ дикихъ лѣсахъ будучи оставлены самимъ себѣ, распушѣ по случаю, и коихъ въпви безпорядочно изогнушыя не дѣлающъ для зрѣнїя никакого прїятнаго вида.

Драгоценныя вѣки познаются по числу великихъ людей, жившихъ въ оныхъ. Щасливы Государи, происходящїе въ свѣшѣ при благопрїятныхъ обстоятельснвахъ! Добродѣтели, дарованїе, пылкїй духъ — все ихъ сильнѣйшимъ образомъ влечетъ къ великимъ и высокимъ дѣянїямъ. Люди чѣмъ болѣе просвѣщающъ свой разумъ: тѣмъ меньше бывающъ жестокими, и можетъ быть ученѣйшимъ людямъ одолжена вся Европа своимъ просвѣщенїемъ, кротостїю, обожденїемъ.

Отъ людей, которые въ Липспературу не со всемъ должнымъ разсужденїемъ вникающъ, раждается много ложныхъ разсужденїй и неблагопрїятныхъ случаевъ противъ благоразумныхъ сочинителей. — *Физическая* книга должна быть чишана съ *Физическимъ* духомъ; природа и истинна суть судїи ея; онѣ только должны ее или обвиняшь, или оправдывашь. Книга *Астрономическая* должна быть чишана такимъ же образомъ.

Ежели

Ежели лѣкаръ доказываетъ, что сильной ударъ палкою по головѣ разстроиваетъ духъ, или что опъ многого пьянства разумъ приходитъ въ заблужденіе, а чувства въ ослѣпленіе: по желающему доказатьъ противное, лучше бы я совѣщовалъ — молчать. Ежели искусный Астрономъ доказываетъ, что земля и прочіе круги небесные верпятся около солнца: по незнающимъ сей науки лучше на его мнѣніе согласиться, а знающимъ выдать новую систему и доказатьъ противное.

Науки суть ка кѣ бы *Эггел*,
Которой сердце ошдано
Тому, кто кѣ ней другихъ нѣжнѣя
И пріобыкѣ кѣ трудамъ давно.

*
Ничто насъ такъ не обольщаетъ,
Какъ мысль: — *все знать и умнымъ быть*;
Кто въ знаняхъ усобѣхъ вспрѣчаетъ,
Того ничто не оскорбитъ.

*
Кого прельщаетъ громка слава,
Тотъ долженъ нѣ дары имѣть,
Которыми ея державъ
Цовелѣваетъ намъ владѣть.

*
Кто *Марса*, *Аполлона* сыномъ
Желзень съ похвалою бытъ:
Тотъ прежде лишъ о томъ единомъ
Съ собою долженъ разсудитъ:

,,Имѣ-

„Имѣешь ли къ тому способность,
Во что вступишь желая оубо? „
Охоту ко всему и сродности
Должны цѣпашь мы за законъ.

*
Эпоха знаній всѣхъ свободныхъ,
Или наукъ изящныхъ вѣкъ,
Есть вѣкъ лицъ знатныхъ, благородныхъ,
Эпоха громкихъ человекъ.

*
Умъ расширяшь ешь наша должность;
Высоки знанія для ихъ,
Компоры въ нихъ чрезъ всю возможность
Спаряюща снискашь успѣхъ,
Суть новый степенъ услажденій,
Иль вышшій щастія предѣлъ;
Премудрость — мечъ для заблужденій
И испребленье глупыхъ дѣлъ.

*
Къ полезнымъ знаніямъ, искусствамъ
Кто жаръ въ себѣ имѣеши много:
Тотъ ешь животное по чувствамъ,
По разсужденію полубогъ.

*
Въ порядкѣ спройномъ всѣмъ надле-
житъ
Имѣшь свой духъ и разумъ свой;
Но что ихъ споль пишаешь, нѣжишь,
Какъ не ученіе собой?

*
Но ешьли въ комъ не прорастаетъ
Наукъ плодъ зрѣлый, знаній цвѣтъ;
Въ томъ безпрестанно убываетъ
И гибнетъ мудрованій свѣтъ.

*
Се часть разумнаго едина,
Не лзя ему безъ коей бышь!
Расти ешь. . . точная кончина;
Но много мыслить, значить. . . жить.

О И с т о р і и.

Исторія почитается училищемъ Царей; она изображаетъ въ памяти ихъ царства Монарховъ, бывшихъ опцами опечесства и пираннами, общесства опустошавшими; она имъ открываетъ причины возстановленія Имперій и паденія оныхъ; она обнаруживаетъ великое множество качествъ, сходныхъ съ качествами Государей нашихъ временъ; она, полагая мнѣніе въ разсужденіи умершихъ, тайно судитъ и о живыхъ; хула, произносимая ею на порочныхъ, есть урокъ для добродѣтели, преподаваемой ею потомству; она открываетъ намъ и то, какое мнѣніе будуще имѣтъ объ насъ поздныя потомки.

Въ *Исторіи* должно помѣщать имена добрыхъ Государей, и всегда предавать забвенію худыхъ съ ихъ излишнею снисходительностію, съ ихъ неправосудіемъ и пороками. Книги Историческія уничтожились бы, или по справедливости очень умалились; но человечество ими пользуется. Слава или честь жить въ *Исторіи*, видѣть имя свое переходящимъ опъ вѣковъ будущихъ въ самую вѣчность, значить получать возмездіе за добродѣтель.

Дѣла,

Дѣла, не заслуживающія нашего вниманія, не спюютъ и малѣйшаго замѣчанія; стѣснятъ и ограничивають сферу своихъ понятій относительно только къ тому мѣсту, въ которомъ мы живемъ; прилѣпляютъ свѣденіе свое къ должностямямъ частнымъ, означають закоснѣвать въ грубомъ невѣжествѣ. Вникають во времена прежде насъ бывшія, познають весь свѣтъ по всему пространству своего разума — это есть совершенное торжество надъ невѣденіемъ и заблужденіемъ; это значить жить во всѣхъ вѣкахъ и быть дѣйствительнымъ *гражданиномъ* всѣхъ мѣстъ и всѣхъ странъ.

Какъ хорошо и полезно входитъ въ разсмотрѣніе всѣхъ вѣковъ прежде насъ бывшихъ, и примѣчаютъ, какую они имѣли связь съ нашими временами! видѣть отечество во всемъ грубомъ его непросвѣщеніи, примѣчаютъ успѣхи его усовершенствованія, и въ познаніи его измѣненія доходятъ до того времени, какъ оно учинилось лучшимъ; сіе означають, изъ всѣхъ его преобразованій научаться, какимъ образомъ шелковой *тервъ* сдѣ-

О

лался

лаался кризалидою, а по помѣ уже ба-
бочкою (*).

Воображать, что всѣ люди сушь
злые духи, возставать на нихъ съ же-
стокосцію — это знакъ свирѣпаго чело-
вѣконенавистника; предполагать, что
всѣ люди *Анеелы* — это есть мечта
большаго Капуцина; вѣрить, что всѣ
люди ни хороши ни худы, добрыя дѣя-
нія награждать болѣе, нежели чего они
стоятъ, а худыя наказывать меньше,
нежели сколько они заслуживаютъ;
имѣть снисхожденіе въ разсужденіи
самыхъ неизвинительныхъ прощупковъ
человѣческихъ и оказывать милость всѣмъ
безъ разбору — это значить упо-
треблять во зло разумъ!

Боссюетъ, *Флешіе* и *Плиній* о сво-
ихъ герояхъ не лучше написали, какъ
Махіавель о *Цезарѣ Боргіѣ*. Похвала,
пѣни

(*) Любезный философъ *Боннетъ* сравни-
ваетъ черепъ съ человѣкомъ плотію обло-
женнымъ и живущимъ; кризалиду съ поко-
ящимся во гробѣ, а бабочку съ восшедшимъ
для вѣчности и безсмертія въ будущей
жизни. — Прекраеная, высокая, утѣши-
тельная мысль!

тѣми сочиненная, есть ода или Риторическая фигура, заслуживающая одобреніе по своимъ оборотамъ и понюспи; но въ *Махіавелловѣ* сочиненіи видно совсѣмъ прошивное. Оно есть сочиненіе полишическое, писанное для попомшва, швореніе немаловажное, въ которомъ онъ весьма безспыдно приписываетъ похвалы гнуснѣйшему чудовищу, адомамъ изверженному на землю. Сіе означаетъ съ хладнокровіемъ подвергаться ненависти человеческого рода.

Я взиралъ на Государей, на Князей, на родственниковъ, какъ на людей обыкновенныхъ. Я не шолько не обольщался ихъ владычествомъ, не шолько не покланялся ихъ предкамъ; но всегда обличалъ съ дерзновеніемъ ихъ пороки; поелику порокъ никакого не долженъ имѣть убѣжища на прешолѣ.

Есть особенные живописцы, которые ничего не пишутъ, кромѣ чудовищъ и діаволовъ. *Махіавель* есть живописецъ шакого рода. Онъ представляеть вселенную адомамъ, и всѣхъ людей діаволами. Можно сказать, что сей полишникъ хотѣлъ

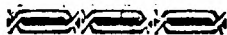
О а

опо-

опорочить весь человѣческій родъ, питая ненависть къ одному лицу, и что онъ силился уничтожить добродѣтель, дабы всѣхъ жителей земли сдѣлать себѣ подобными.

Сочиненіе съ принужденіемъ писанное всегда бываетъ средспвенно или худо. Менѣе должно уважать людей непостоянныхъ и скоропреходящихъ, нежели истинну, которая никогда не умираетъ.

Есть нѣчто прилипчивое въ образѣ нашихъ мыслей, переливающееся отъ одного къ другому. Сей рѣдкой человѣкъ, сей Государь — коему въ недавныя времена удивлялись болѣе прочихъ — *Карлъ XII* отъ самой юности писалъ себя примѣромъ *Александра Великаго*, и многіе писатели увѣряютъ, что *Станиславъ* сдѣлался Царемъ, заимствуя примѣръ отъ *Абдоломима*, и что война при *Арбеллахъ* была причиною сраженія при *Полтавѣ*.

О благотвореніи.

Какуюбъ власшь и чесшь въ удѣлѣ
намъ ни далъ Богъ,
Творишь другимъ добро, нашъ непремѣнный
долгъ.
Собой щасливыми кто прочихъ содѣваетъ,
Тотъ удовольствіе небесное вкушаетъ;
Могущество свое не обратимъ во зло! . . .
Не внемлемъ, — мщенье намъ внушитъ чтобъ
ни могло;
Кто крошкимъ бытъ, — или прощать не
разумѣетъ,
Не по достоинству другимъ потъ владѣетъ.

Всѣ люди, коими обилуетъ земля,
Плодъ одного Оупца — единая семья;
На гордосшь не смотря лицъ важныхъ и
чиновныхъ,
Мы всѣ едина кровь. Межъ смертныхъ нѣтъ
неровныхъ.
Слухъ сердца нашего отверземъ навсегда,
Къ тѣмъ, коимъ день и ночь рыдашь ве-
лишъ бѣда;
Сразмѣримъ бѣдносшь ихъ со нашими из-
бышки,
Прикроемъ нагошу, не зримъ на коей ни-
шки;
И почто низшихъ мы коль *еыше* бытъ хо-
тимъ,
Добромъ однимъ себя опъ оныхъ оплчимъ.

Сердецъ, души другихъ кино хочеть быть
владѣтель,
Тотъ больше всѣхъ любишь обязанъ добродѣ-
тель.

Во храмѣ памяти вѣковъ всѣхъ, всѣхъ
людей
Знашими буквами я добрыхъ, зрю, Царей
Безсмертны имена изобразила Слава. —
О кодь щаслива на завидная держава,
Гдѣ правосудный духъ, гдѣ совѣсть хороша,
А паче щедрая гдѣ царствуетъ душа! . . .
Безъ принужденія являемая благость
Превыше естества возноситъ нашу слабость;
Мой умъ, языкъ когда о добрыхъ говоритъ,
Добля — мой духъ тогда ихъ всѣхъ благода-
ритъ.

Какъ мило иногда намъ зрѣшь неблаго-
дарныхъ! . . .
При случаяхъ коварныхъ
Всѣхъ благороднѣ по качеству для насъ,
Не преспаемъ добро коль дѣлать ни на часъ;
И бывъ велики — въ помѣ довольство лишь
находимъ,
Коль явнаго врага ни словомъ не озлобимъ.

Для всѣхъ насъ общество есть величай-
шій храмъ;
Что польза пѣлему, то польза и часнямъ.
Такъ лучшимъ сдѣлашь чщобъ сіе спроектъ
наше,
Не что ещѣ главное, его чщобъ сдѣлашь
краше;

А

А всякъ забывъ свою высокосшь, честь и
чинъ,
Бышь долженъ общества надежный, вѣр-
ный сынъ.
Яснѣе — общество щедроша подкрѣпляетъ,
А гордосшь краситъ хошь, но ядъ внупри
скрываетъ.

Въ опечесствѣ какой кпобѣ ни имѣлъ
спелень,
Всегда онъ цѣлаго естъ неопдѣльный членъ;
Но естли помощи кпо не пворитъ подоб-
нымъ,
Томъ извергъ, а не бранъ своимъ одно-
ушробнымъ.

Чѣмъ выше ты другихъ, тѣмъ паче
будь готовъ
Предвидя разрушашъ обиду, вредный ковъ
Онъ злыхъ невиниссти и добрымъ устро-
ямъ;
Всякъ ближній по добру бышь долженъ оп-
личаемъ.

Лишь насоящее намъ опдано во власть;
А что случашся впрעדъ, ша неизвѣсна часть.
На чтожь въ зло обращашь, мы что теперь
имѣемъ?
На что, бывъ въ счастлии, нуждъ другихъ
не разумѣемъ?
Да наслаждаемся добромъ своимъ сей часъ;
А завпра можешъ бышь его лишитъ Богъ
насъ.

О добродѣтели.

Хотябъ нашъ духъ и былъ по сущно-
сти Божественъ,
Не можешь онъ никакъ неправый верхъ
поржественъ
Надъ дарованьями сердечными пріять,
Всякъ смершній коими обязанъ обладать.
Пусть памяшь къбо имѣлъ, иль знаніе
велико,
Разуменъ былъ, высокъ, остръ, понокъ,
прозорливъ —
Лишь удивилъ меня число даровъ цолико...
А чшишь ихъ — былъ бы я весьма неспра-
ведливъ.
Хвалишь я не могу, какъ только добродѣ-
тель,
Безъ ней бы всякой былъ въ себѣ неговещенъ;
Она людскихъ красотъ и блеска ихъ содѣ-
тель;
Безъ ней Философъ нищъ — премудрости
лишенъ.
Что добродѣтели ты истинный любилъ,
То докажи ошъ дѣлъ! — Какъ свѣтъ тебябъ
ни звалъ,
По сердцу завсегда я швой пребуду чшишель;
И бышь тому не лъзя, въ тебѣ чтобо не по-
зналъ
Я благороднаго, пріятнѣйшаго духа,
Достойнаго любви и дружбы моея,
Презрѣвъ зависниковъ молву пуспаго слуха;
Всегда бышь захочу съ тобой едино я.

При

При многомъ разумѣ имѣя душу честну,
Дарусь любилъ добро, гналъ спраспи, зря
ихъ вредъ;
Искоренялъ любовь къ спяжанію безчестну;
Пороку никогда не шествовалъ во слѣдъ;
Былъ крошокъ, не искалъ онъ ни честей, ни
чина;
Тъмъ привлекалъ къ себѣ — и всякъ его лю-
билъ.
Всѣмъ добродѣтели прямого гражданина!
О естѣлибъ всякъ мудрецъ шодико честенъ
былъ! . . .

Щаспливы качества сѣи соединяюшъ
Умъ просвѣщеннѣйшій съ доброю души;
Но кои разума дары предпочитаюшъ
Сердечнымъ качествамъ, шѣ мало хорони.

Но обратимъ свой умъ ко нравствен-
ности спрогой;
Она входя во всякъ сердечный нашъ изгибъ,
Открыто смертному и безъ прикрасы многой
Являетъ зло и вредъ — отъ нихъ чщобъ онъ
не стибъ;
Она погрѣшности душевны исправляетъ,
И открываетъ намъ упрямый, грубый нравъ;
Она добро отъ зла, какъ должно, отдѣ-
ляетъ,
Искореняетъ спрасть и все, въ чемъ чело-
вѣкъ неправъ;
Она насъ агнцами творитъ изъ люша звѣря,
И заспавляетъ всѣхъ себя подробно знашь;
Она велишь всѣмъ жить ни въ чемъ не лице-
мѣря,
И

И поминишь про, что Царь убогому есть братъ.
Святая нравственность! небесное ученье!

Устрой, чшобъ съ *Стожкомъ* былъ *Енкуръ*
въ любви...

Умърь сего развратъ, а онаго мученье;

Имъ къ добродѣтели путь сгладь и обнови.

Устрой, чшобы шобой къ бывши наученны

Вкусили болве невиннѣйшихъ опрадъ;

Чшо день, — то были бы мы болше совер-
шенны,

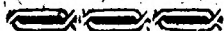
Возставъ невинный вѣкъ, искорени развратъ!

Да знаешъ свѣтъ, что въ шомъ ешь шасше
прямое,

И мзда всѣхъ лучшая въ сей жизни за дѣла,

Чшобъ смертный никогда ничто не дѣлалъ
злое,

И совесть чистая въ спокойствіи была! . . .

О истинной славѣ.

Коль славы вышнѣя желаете сердечю,

Спрашнесь съ ближнимъ жить своимъ без-
человѣчно;

Умъйте кротоспью враговъ преповѣждать;

Побѣду одержавъ, спыдишесь отомщѣть;

Кшо въ Римлянахъ имѣлъ честь вышнюю
опывну,

И силою своею всю покорилъ вселенну,

Спасъ непрѣшелей *Фарсальскнхъ* на поляхъ. . .

Вопъ подражаемый примаръ побѣдъ въ лю-
дяхъ!

Кромъ сего забывъ дѣла кровавы Громъ,

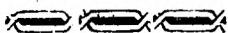
Пусть обратишь свой взоръ изъ насъ всякъ
къ *Фантеноу*,

И

И видитъ, *Людемъ* сколь *единодушенъ*
былъ;
Сколь крошокъ въ подвигахъ, и сколь вра-
говъ любилъ;
Онъ помощь подавалъ собою побѣжденнымъ,
И *Богомъ милостей* для нихъ былъ совершен-
нымъ;
Смотрите, какъ враги, забывши *рабской*
страхъ,
Десницу онаго добзюшъ всѣ въ слезахъ;
Онъ склою своей кичливыхъ покарешъ,
А милосердіемъ къ любви всѣхъ привле-
каешъ;
И фурій самыхъ онъ добромъ смиришь воз-
могъ!...
Героя есть — разишь... Прощать — лишь
любить Богъ.

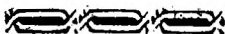
Младые войны! ревнуйте симъ примѣ-
рамъ,
Идите имъ во слѣдъ, не какъ пуснымъ
химерамъ,
А знаменитѣйшимъ во подвигахъ мужамъ;
Тогда-шо я скажу вамъ, какъ моимъ друзь-
ямъ:
Прямая несть свое крыло распространивши,
И съ громомъ похвалы немедленно смѣшивши,
Побѣды ваши всѣ, и ваши имена
Со славою пренесетъ въ позднѣйши племена.
При таковой молвѣ свяная добродѣтель
Великихъ вашихъ дѣлъ бывъ съ высоты
свидѣтель,
Астривалъ временъ нашедши въ васъ въз-
рады,
Не шигровъ яростныхъ — незлобивыхъ людей,
Сой-

Пустые призраки, льстятъ коими насъ
слава,
Суть тщесный звукъ молвы лешающей въ
дыму;
Способность ко всему, любовь, друзья, плоть
здравица —
Вотъ благо на земномъ намъ средстве кругу!
Пусть ищетъ счастья кто, изъ края въ край
ленива,
Ошъ мѣстъ Японіи въ Испанію спѣша;
Лишь добродѣтель есть всѣхъ смертныхъ
часть злая:
Безъ ней несчастливъ всякъ — всѣхъ жизнь
не хороша.

О дружествѣ.

Да любимъ ближнихъ всѣ безъ всяка
корысти,
Любивши предпочтемъ ихъ благо своему;
Въ желѣзномъ вѣкѣ семъ коль хотимъ бытъ
мы чисты,
Льстимъ, лицемеримъ мы не будемъ ни-
кому.
Пусть въ наши времена чрезмѣрно повреж-
денны
къ несчастію не зримъ Орестъ и съ нимъ
Пиладъ.
Пусть добрые въ очахъ дурныхъ несовер-
шенны,
И всѣ о дружествѣ ругаясь говорятъ;
Но мы обычаю другихъ не подражая,
За истинну должны сей почитать глаголъ,
Что на почтеніи и честности прямая
Созидаетъ дружба свой неизблемый пре-
столь.

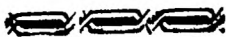
О щ а с т ѣ и и.

Познайте смертные легчайшую фор-
туну,

Непостоянную въ печеніи своемъ:
Кшо ненадежную измѣнницы сей спруну
Не чувствовалъ когда иль нощію иль днемъ?
Не всякъ ли оныя жестоки обороты,
Философъ и простякъ, извѣдалъ самъ собой?
Она прошивъ людскихъ желаній и охоты
Играешъ въ свѣпъ всемъ, какъ въпромъ и
мечтой.

Не хочешъ ли она свой пощѣлуй невѣрный
Изъ благосклонности мнѣ сообщить любя?
Я хитросней ея знаю оборотъ безмѣрный,
Сердечно ложный даръ опвергну отъ себя...
Желаешъ ли она сокровищми другими
Во случаяхъ иныхъ осыпашъ, удививъ?
Безъ жалости презрѣвъ подносами златыми,
Мечтой я жертвъ ея себя не буду льстить.
Бывъ полонъ крѣпости, а лучше сочешаюсь
Со бѣдностью . . . сѣя пущь какова ни есть,
Въ приданое за ней — я много не зазнаюсь —
Невинность лишь возьму, — вотъ счастье
мнѣ и честь! . . .

Недѣштные представляють совер-
шенный опытъ человеческого сердца. —
Уклоненіе ихъ счастья есть *термометръ*,
показующій въ тоже самое время удаленіе
ихъ друзей.

О ласкательствѣ.

Подлонизкое припворсво
Кроетъ слабости людей;
И сіе идопклонство
Низитъ славнѣйшихъ Царей;
Имъ богачъ немилосердый,
Кровожаждущій — хвалимъ;
А герой въ дѣлахъ примѣрный
Обезславленъ и не чтимъ.
Пусть же хваляшъ иль ругаюшъ
Насъ коварсво, или ласкъ —
Люди вѣчно пребываюшъ
Тѣмъ, что были или есшъ.
Пусть мы малы иль велики,
Здравы иль безсильны въ чемъ,
Не пуснаго шума крики
Могущъ насъ судиши въ семъ:
О дѣлахъ чужихъ людскія
Рѣдко испинны слова;
*Совѣсти же судъ прямья
Есть вѣрнѣйшая жѣла.*

К О Н Е Ц Ъ .

